

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 2044 022 394 233

PSlaw 424.50 (G2)

Harvard College Library

FROM

The Univ. of St. Petersburg
by
Exchange

Записки
ЗАПИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ LXII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Тренке и Фюсно, Максимилиановскій переулокъ, № 13.

1901.

СЛОЖНЫЯ СЛОВА

ВЪ ПОЛЬСКОМЪ ЯЗЫКЪ.

ЗАПИСКИ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА
ИМПЕРАТОРСКАГО
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ LXII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій переулочъ, № 13.
1901.

СЛОЖНЫЯ СЛОВА

ВЪ ПОЛЬСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

Jean-Baptiste Gos
И. Л. Лося.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій пер., домъ № 13.

1901.

~~Jan. 20. 1903~~
P Slav 424.50 (62)

Harvard College Library.

Jan. 7 1903.

By Exchange.

Univ. of St. Petersburg.

По определению Историко-Филологического Факультета Императорского
С.-Петербургского Университета печатать дозволяется, 28 сентября, 1901 года.

Декань *С. Платоновъ.*

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе—1.

Введение: Сравнительная рѣдкость сложныхъ словъ въ польскомъ языкѣ—5; ихъ количество со временемъ возрастаетъ—6, но не всё удерживаются въ языкѣ—7; сложенія и сроченія—8.

ГЛАВА I. Ненормальная сроченія—9. Сроченія, состоящія изъ предлога и сочетающихся съ нимъ падежныхъ формъ—10. Сроченія, въ первой части которыхъ стоитъ падежная форма съ предлогомъ—12. Сроченія, во второй части которыхъ стоитъ падежная форма съ предлогомъ—13. Во второй части сроченій стоитъ форма косвеннаго падежа безъ предлога—16. Двучленные слова съ падежною формою въ первой части, образованныя отъ сочетаній—20; выводы—22. Сроченія съ глагольными формами—22. Сложное прошедшее время—25. Сандхи въ сложномъ прошедшемъ времени—27. Общіе выводы изъ рассмотрѣнны ненормальныхъ сроченій—27.

ГЛАВА II. Сроченія съ опредѣленіемъ въ именительномъ падежѣ - 28. Наричательныя имена. Въ первой части стоитъ имя существительное—28. Въ первой части стоитъ прилагательное—29. Замѣна сочетаній съ прилагательнымъ въ первой части сложнымъ словомъ съ основою въ первой части—33. Въ первой части сроченій стоятъ мѣстоименіе—34. Въ первой части сроченій стоитъ числительное—39. Сроченія съ мѣстоименіемъ во второй части—42. Членные прилагательныя—43. Сандхи въ членномъ прилагательномъ—44. Названія мѣстностей—44. Колебаніе между сочетаніемъ и сроченіемъ, между сочетаніемъ и сложеніемъ—45. Замѣна сочетаній сложеніями—47. Случаи чередованія сложенія со сроченіемъ—49. Прозвища—53. Отношеніе сложеній къ сроченіямъ—55. Названія растений, ихъ искусственный характеръ—56.

ГЛАВА III. Сроченія съ формою косвеннаго падежа въ первой части. Наричательныя имена. Въ первой части стоитъ форма родительнаго падежа—59. Замѣна сочетанія сложнымъ словомъ съ основою въ первой части—61. Сроченія съ формою дательнаго падежа въ первой части—63. Названія мѣстностей—67. Прозвища—69. Въ первой части сложеній именительный падежъ вмѣсто косвеннаго падежа.

ГЛАВА IV. Отношеніе срощеній къ сложеніямъ—75. Синтаксическія выраженія и сочетанія; характерныя признаки сочетаній—76. Переходъ сочетаній въ срощенія—78. Причины появленія срощеній—82. Чередованіе сложенія и срощенія—83. Происхожденіе сложныхъ словъ—84. Сочетаніе замѣняется сложеніемъ—86. Эпоха возникновенія первыхъ сложныхъ словъ—87. Сложныя слова возникли по аналогіи съ простыми словами — 89. Единство принципа строенія простыхъ и сложныхъ словъ—90. Синтетическія сложныя слова—93. Изложеніе теоріи Якоби—93. Ея критика—94. Мнѣнія другихъ ученыхъ—96. Анализъ славянскихъ синтетическихъ сложеній—98. Причина, по которой цѣлый рядъ словъ сохранился только во второй части сложеній—100.

ГЛАВА V. Судьбы сложныхъ словъ. Притяжательный характеръ появляется уже въ сочетаніяхъ — 102. Синтаксическое отношеніе частей сложенія—103. Укороченіе основы—106. Смѣшеніе основъ—107. Затемнѣніе синтаксическаго отношенія частей сложнаго слова — 109. Форма первой части сложныхъ словъ—110. Исконная форма основы въ древнѣйшихъ сложеніяхъ—111. Смѣшеніе различныхъ основъ съ основами на —о—112. Ненормальная форма первой части сложеній — 113. Форма второй части сложныхъ словъ — 115.

Нѣсколько замѣчаній о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ—116.

ГЛАВА VI. Заключение—122.

Предметный указатель—128.

Указатель словъ 129.

СОКРАЩЕНІЯ.

- Arch.** Archiv für slavische Philologie. herausgegeben von. V. Jagić. Berlin.
- Arch. Kom. Hist.** Archiwum Komisji Historycznej Akademii umiejętności w Krakowie. T. VI. Acta capitulorum Cracoviensis et Plocensis selecta (XV et XVI saec) edidit B. Ulanowski.
- B. Radz.** (Biblia Radziwiłłowska). Biblia święta. W Wilnie, 1563.
- BW.** Biblia łacińsko-polska... podług... przekładu polskiego ks. Jakóba Wnjka. Wydanie ks. S. Kozłowskiego. Warszawa, 1887.
- BZ.** Biblia królowej Zofii z kodeksu szarospatackiego nakładem ks. Jerzego Henryka Lubomirskiego wydana przez Antoniego Małeckiego. Lwów, 1861.
- Balc.** Oswald Balcer: Genealogia Piastów. Kraków, 1895.
- Bibl. W.** Biblioteka Warszawska. Warszawa.
- Blsk. Żyw.** (M. Bielski) Żywoty filozofów. Kraków. 1535.
- Bogar.** Pieśń Bogarodzica (Prace Filologiczne, I, 61).
- Boh.** Komedye, przez Bohomolca napisane. We Lwowie, 1758.
- Brugmann Karl:** Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1886.
- Delbrück.** Grundfragen der Sprachforschung mit Rücksicht auf W. Wundt Sprachpsychologie. Strassburg, 1901.
- DI.** Joannis Dlugossii Liber Beneficiorum. (Opera omnia. edidit Przędziecki Cracoviae. 1864).
- DI. H.** Joannis Dlugossii Historia (Opera omnia).
- Ducange.** Glossarium mediae et infimae latinitatis. Niort, 1883.
- Erzepki.** Szczałki dawnej polszczyzny. Poznań, 1890.
- F.** Psalterii Florianensis partem polonicam ad fidem codicis recensuit Wladislaus Nehring. Posnaniae, 1883 (обозначается псалмъ и стихъ).
- Form.** Formuły polskie przy obrzędach chrztu i małżeństwa z r. 1514 (Prace Filologiczne, I, 66).
- Geb. Hist. Ml.** Gebauer Ján: Historická mluvnice jazyka českého. V Praze. 1894.
- Groch. Wiersz.** Księdza Stanisława Grochowskiego Wiersze i inne pisma co przebrańsze. W Krakowie, 1609.
- H. p. ; H. k. ; H. kal. ; H. sier. ; H. piotr. ; H. dobr. ;** Romuald Hube: Zbiór rot przysięg sądowych poznańskich, kościańskich, kaliskich, sieradzkich, piotrkowskich i dobryszczyckich. Warszawa, 1888 (обозначается № присяги).

- H. kr. cm. Ht. H.
Jacobi Hermann. Compositum und Nebensatz. Bonn, 1897.
Kalina. Historia języka polskiego. Lwów, 1883.
Karł. st. gw. pols. Jan Karłowicz: Słownik gwar polskich. Tom I. Kraków, 1900.
Kaz. Gn. Kazania gnieźnieńskie. Tekst i glosy z rękopisu wydane, uwagami i słownikiem opatrzone przez Władysława Nehringa (Rozprawy wydziału filologicznego Akademii Krakowskiej, t. 25).
Kaz. Św. Kazania Świętokrzyskie. Zabytek języka polskiego z wieku XIV wydał i objaśnił A. Brückner. Warszawa, 1891 (Prace Filologiczne, III).
Ks. Ust. Księgi ustaw polskich i mazowieckich na język polski w latach 1449, 1450, 1503, 1541 przekładane, po raz pierwszy staraniem Joachima Lelewela drukiem ogłoszone. Wilno, 1824.
Kw. Hist. Kwartalnik Historyczny, organ Towarzystwa Historycznego. We Lwowie.
Las. Joannis de Lasco: Liber Beneficiorum. Wydał ks. Jan Łukowski. Gniezno, 1880.
Linde Samuel Bogumił: Słownik języka polskiego. Lwów, 1854.
Łop. Hieronim Łopaciński: Przyczynki do słownika języka polskiego. Warszawa, 1900.
Mał. Małopolska, cm. Pawliński.
Mar. Dr. T. Maretić: O narodnim imenima i prezimenima u Hrvata i Srba (Rad Jagoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti, 81. 82. U Zagrebu, 1886).
Mikl. Et. Wb. Fr. Miklosich: Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen. Wien, 1886.
Mikl. Denkschr. Fr. Miklosich: Die nminale Zusammensetzung im Serbischen. (Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Classe. B. XIII. Wien, 1864).
Mikl. Lex. Fr. Miklosich: Lexicon palaeoslovenico-latino-graecum. Vindobonae, 1862--1865.
Mikl. Vergl. Gram. Fr. Miklosich: Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Vergleichende Stammbildungslehre. Wien, 1875.
Nar. Tac. Kaja Korneliusza Tacyta Dzieła wszystkie przekładania Adama Stanisława Naruszewicza. W Warszawie, 1772.
Nehr. Wl. Nehring: Altpolnische Sprachdenkmäler. Berlin, 1887.
Opal. Opaliński: Satyry. 1614 r.
P. Psalterz Puławski z kodeksu pergaminowego ks. Władysława Czartoryskiego. Przedruk hemograficzny wykonali Adam i Stanisław Pillińscy. Nakładem Biblioteki Kórnickiej, 1880 (обозначается псалмъ и стихъ).
Paul: Principien der Sprachgeschichte. Halle, 1880.
Pawliński Adolf: Polska XVI wieku. Wielkopolska. Małopolska. Warszawa, 1883.
Pom. Towarzystwo Naukowe w Toruniu. Fontes. Visitations Archidiaconatus Pomeraniae Hieronymo Rozrażewski factae. Curavit Stanislaus Kujot. Toruń, 1897--1899.

- Pot. Pocz.** Poczet herbów szlachty Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego przez Wacława z Potoka Potockiego. W Krakowie, 1696.
- Pr. F.** Prace Filologiczne, wydawane przez J. Baudouina de Courtenay. J. Karłowicza, A. A. Kryńskiego i L. Malinowskiego. Warszawa.
- R** Rostafiński Josephus: Symbola ad historiam naturalem medii aevi. Cracoviae, 1900 (обозначается № названия или страница).
- R. B.** Józef Rostafiński: Botanika szkolna. Kraków.
- Rozpr.** Rozprawy wydziału filologicznego Akademii umiejętności w Krakowie.
- Rozpr. H.** Rozprawy wydziału historyczno-filozoficznego Akademii umiejętności w Krakowie.
- Rt. H.** или H. Kr. Roty przysięg krakowskich z końca wieku XIV wydał i objaśnił Romuld Hube. Warszawa, 1875 (обозначается № присяги).
- Rt. M.** Roty przysięg sądowych z ksiąg ziemskich sieradzkich. W. A. Maciejowski: Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie słowian. Petersburg i Lipsk, 1839.
- Rt. P.** Roty przysięg sądowych z ksiąg ziemskich Wielkopolski. J. Przyborowski: Vetustissima adjectivorum linguae polonicae declinatio. Posnaniae, 1860.
- Skorowidz.** Najnowszy Skorowidz wszystkich miejscowości z przysiółkami w Królestwie Galicyi, ułożył Jan Bigo. Złoczów, 1886.
- Sl. Geogr.** Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1880.
- Sl. Warsz.** Słownik języka polskiego ułożony pod redakcją Jana Karłowicza, Adama Kryńskiego i Władysława Niedźwiedzkiego. Warszawa, 1900.
- Spr.** Sprawozdania Komisji językowej Akademii umiejętności w Krakowie.
- Star. Starowski:** Reformacja zepsowanych obyczajów polskich. Warszawa, 1692.
- St. Maz.** Statuta Mazowieckie: W. A. Maciejowski: Historia prawodawstw słowiańskich VI.
- Stryk.** Która przedtym świata nie widziała Kronika Polska, Macieja Ososteviciusa Strykowskiego. W Krolewcu. 1582.
- Stsl.** Prawa polskie Kazimierza Wielkiego i Władysława Jagiełły przełożone na język polski przez Świętosława z Wocieszyna. Przedruk homograficzny z kodeksu puławskiego wykonał A. Piliński. Nakładem Biblioteki Kórnickiej, 1877.
- Tobler** Ludwig: Ueber die Wortzusammensetzung nebst einem Anhang über die verstärkenden Zusammensetzungen. Berlin, 1868.
- Ul. kr.** Ulanowski Bolesław: Roty przysięg krakowskich z lat 1399—1444 (Sprawozdania Komisji językowej Akademii Krakowskiej 1884 (обозначается № присяги).
- Wiel.** Wielkopolska см. Pawiński.
- Wuj. Post.** Postille mniejszey części pierwsza przez D. Jakuba Vujka z Wągrowca. Poznań, 1579.
- wundt** W.: Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. Erster Band. Die Sprache. Leipzig, 1900

Żyw. św. Eufr. Żywot świętej Eufrazji, zabytek języka polskiego z r. 1524.
Wydal A. A. Kryński (Prace Filologiczne, III).

Алф. Указ. Алфавитный указатель городовъ, селеній, фольварковъ, колоній,
и прочихъ мѣстностей въ Царствѣ Польскомъ. Составленъ и изданъ
Зинбергомъ. Варшава, 1887.

Б. И. Бодуэнъ де Куртене: О древнепольскомъ языкѣ до XIV столѣтія.
Лейпцигъ, 1870.

Вост. Сл. цсл. яз. А. Х. Востоковъ: Словарь церковно-славянскаго языка.
Петербургъ, 1858—1861.

И. М. Н. Пр. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Петербургъ.
Лавр. лѣт. Лаврентьевская лѣтопись (Полное собраніе русскихъ лѣтописей,
изданное Археографическою Коммисією. Т. I. 1846 г.).

Люблинскіе отрывки. И Лось: Люблинскіе отрывки. Петербургъ, 1900.

Фил. Зап. Филологическія Записки. Журналъ, основанный въ 1860 г. А. А. Хо-
ванскимъ. Воронежъ.

Туп Н. М. Тупиковъ: Словарь русскихъ личныхъ именъ (рукопись).

Предметъ этого изслѣдованія составляютъ сложные слова, во второй части которыхъ стоитъ имя существительное, прилагательное и числительное, и только отчасти здѣсь идетъ рѣчь также о мѣстоименныхъ и глагольныхъ сложенихъ. Въ первой части рассматриваемыхъ нами словъ стоитъ падежная форма или основа склоняемой части рѣчи.

Въ славянскихъ языкахъ встрѣчаются теперь главнымъ образомъ два типа сложныхъ словъ: съ основой и съ падежной формой въ первой части. При ихъ разсматриваніи естественно рождается вопросъ, есть ли между ними родственная связь и если есть, то какъ ее опредѣлить. Встрѣчаются, наприм., двойныя формы: богумиль и богомилъ, братучадъ и браточадъ; которая изъ нихъ старше и какъ совершился переходъ отъ одной къ другой?

Для рѣшенія этого вопроса я избралъ путь историческаго изслѣдованія сложныхъ словъ на почвѣ польскаго языка, надѣясь, что здѣсь скорѣе, чѣмъ въ исторіи другихъ славянскихъ языковъ, найдется отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ. Дѣло въ томъ, что польскій языкъ не перетерпѣлъ, какъ русскій и южно-славянскіе, церковно-славянскаго вліянія, и меньше, чѣмъ чешскій, подвергался нѣмецкому вліянію, а извѣстно, что церковно-славянскій и нѣмецкій языки изобилуютъ сложными словами, путемъ заимствованій переходящими въ другіе языки.

Надежды эти отчасти оправдались: здѣсь нашлись нѣкоторыя фактическія указанія на процессъ самостоятельнаго развитія сложныхъ словъ. Правда, что указанія эти довольно скудны, но все-таки они даютъ намъ бѣльшее понятіе объ этомъ предметѣ, чѣмъ непосредственное сравненіе стоя-

щихъ на неодинаковой ступени своего развитія явленій въ нѣсколькихъ родственныхъ языкахъ.

Разсмотрѣніе историческихъ фактовъ заставило меня отличить въ исторіи сложныхъ словъ четыре момента, которые обозначаю слѣдующими терминами:

1) Синтаксическое выраженіе, когда между словами существуетъ только синтаксическая связь; каждое изъ нихъ чувствуется отдѣльнымъ словомъ, каждое выговаривается съ отдѣльнымъ удареніемъ.

2) Сочетаніе двухъ или нѣсколькихъ словъ. Здѣсь синтаксическая связь усиливается сознаніемъ единства внѣшняго (которое, однако, бываетъ не всегда)—ударенія, и внутренняго (которое замѣчается всегда)—семасіологическаго. Сочетаніе всегда имѣетъ спеціальныи отгѣнокъ значенія, нѣсколько отличающагося отъ значенія тѣхъ же, составляющихъ данное сочетаніе элементовъ, когда эти элементы состоятъ другъ съ другомъ только въ синтаксической связи.

3) Срощеніе, когда первая часть, формально представляющая собою самостоятельное слово, грамматическую форму, замираетъ. Она не склоняется, оставаясь неизмѣнной и въ словахъ, производныхъ отъ даннаго срощенія.

4) Сложеніе, когда въ первой части является основа.

Кромѣ того по характеру второй части всѣ дву- и многочленные слова дѣлятся на двѣ категоріи:

1) Первичныя, вторая часть которыхъ можетъ или когда-то могла появляться въ языкѣ, какъ самостоятельное слово, и

2) Производныя, образованныя отъ первичныхъ или отъ сочетаній съ помощью разныхъ суффиксовъ.

Въ изложеніи своего предмета я держусь индуктивнаго метода, переходя отъ явленій болѣе извѣстныхъ къ явленіямъ болѣе древнимъ и не поддающимся историческому изученію, такъ какъ весь процессъ ихъ развитія окончился въ дописьменную эпоху. Изученіе новыхъ явленій даетъ намъ въ руку, правда, тонкую, но надежную нитку Аріадны, которая должна указать путь въ хаотическомъ лабиринтѣ глубокой старины.

Эта хаотичность, вызванная особыми причинами, обнаруживается въ крайнихъ размѣрахъ особенно въ категоріи сложныхъ личныхъ именъ. Тамъ уже въ доисторическое время произошло такое смѣшеніе различныхъ типовъ, весь этотъ матеріалъ такъ подвергся своеобразному перерожденію, что я предпочелъ вовсе не касаться здѣсь ни личныхъ именъ, ни близко связанныхъ съ ними сложений съ предполагаемымъ глагольнымъ элементомъ въ первой части.

Это вступительное слово считаю пріятнымъ долгомъ закончить выраженіемъ глубокой благодарности для лицъ, которыя спеціальными указаніями или совѣтами помогли мнѣ въ этомъ трудѣ. Особенно я многимъ обязанъ проф. А. И. Соболевскому, который натолкнулъ меня на эту тему, позволилъ воспользоваться рукописнымъ „Словаремъ русскихъ личныхъ именъ“ покойнаго Н. М. Тупикова и вообще постоянно интересовался ходомъ моей работы.

СЛОЖНЫЯ СЛОВА

ВЪ ПОЛЬСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Поляки вообще очень умеренно пользуются принципомъ сложения словъ, прибѣгая къ нему въ рѣдкихъ случаяхъ. Если приходится прискать названіе для новаго понятія, очень часто заимствуется готовое слово изъ иностраннаго языка или иногда сочиняются новыя простыя слова, наприм., *błonica* (дифтеритъ), *dławiec* (крупъ), хотя при нихъ употребляются также: *dyfteryt*, *krup*. Въ другихъ случаяхъ являются описательныя выраженія: *kolej-żelazna*, *koń wuścigowy* или наконецъ образуется сложное слово, чаще всего подъ влияніемъ иностраннымъ (нѣмецкимъ) по образцу существующихъ въ языкѣ старыхъ сложныхъ словъ. Но и здѣсь нерѣдко наравнѣ съ такимъ новообразованиемъ употребляется синонимъ въ формѣ польскаго простого слова или заимствования. Итакъ имѣются: *wodowstręt*—*wścieklizna*; *parostatek*—*parowiec*; *parowóz*—*lokomotywa*; *listonosz*—*bryftrygier*, *posztujlon*; *dalekowidz*—*teleskop*; *drobnowidz*—*mikroskop* и т. п.

Въ 1900 году въ Варшавѣ былъ объявленъ конкурсъ на присканіе хорошаго названія для открытаго письма, при чемъ названія, состояція изъ двухъ словъ, были исключены изъ конкурса. Предложеній было сдѣлано 296, изъ которыхъ напечатано въ газетахъ 208 проектированныхъ названій:

изъ нихъ 46, т. е. 22⁰/₁₀₀, принадлежали къ категоріи разсматриваемыхъ нами сложныхъ словъ, а остальные 88⁰/₁₀₀ были или простыми словами или же сложными съ предлогами. Комитетъ, которому поручено было разобраться въ этомъ матеріалѣ и рекомендовать наиболѣе подходящія названія для окончательнаго выбора одного изъ нихъ, забраковалъ всѣ сложные слова и рекомендовалъ пять простыхъ словъ. Это тоже служитъ доказательствомъ, что поляки вовсе не увлекаются сложными словами.

Тѣмъ не менѣе развитіе польскаго языка сопровождалось и все еще сопровождается нарожденіемъ новыхъ сложныхъ словъ, жизнь которыхъ въ рѣдкихъ только случаяхъ продолжается незначительное время; чаще всего новое сложное слово остается въ языкѣ, получаетъ въ немъ полное право гражданства. Такъ, наприм., если сравнить два перевода Священнаго Писанія: изъ XV и изъ XVI в., то окажется, что въ продолженіе ста лѣтъ въ области распространенія сложныхъ словъ произошли нѣкоторые перемѣны. Чаще всего въ Библии королевы Софіи встрѣчаются описательныя выраженія или простые слова тамъ, гдѣ въ Библии Вуйка являются сочетанія, сращения или сложения. Итакъ читаемъ: *robactwo*, *izto się płodzi* (т. е. *płodzi*) *po ziemi BZ. 2.*—*ziemiopłaz BW. 2;* *pożegnać BZ. 1* (но также иногда *błogosławić*)—а въ BW. только *błogosławić*; въ BZ.: *żona*, *niewiasta*, *samica* (напр., 2, 29 и т. д.) въ BW.—*białagłowa*: въ BZ. *ofiera* или *obieta*—въ BW. *całopalenie*; *trzeciego lata BZ. 17*—*trzecioletnią BW. 32;* *we ście leciech BZ. 19*—*stoletniemu BW. 36;* *jedzinego BZ. 25*—*jednorodzonego BW. 47;* *pirzwego* или *pirwego BZ. 5, 26*—*pierworodnego BW. 10, 48;* *w miłości, miłością BZ. 60, 145*—*w miłosierdziu BW. 152;* *zebrali dwoj pokarm BZ. 62*—*w dwojnasob BW. 155;* *długiego wieku BZ. 66*—*długowieczny BW. 163;* *rogaty BZ. 68*—*rogobodziec BW. 166;* *dwojako BZ. 69*—*w dwojnasob BW. 168;* *nieczystotę uczynili BZ. 71*—*będą cudzożółcy BW. 197;* *garlicy BZ. 79*—*synogarlicę BW. 231;* *ku obiecie żzonej BZ. 89*—*na całopalenie BW. 255* *przeklinał BZ. 91*—*złorzeczył BW. 258;* *obiata zapalną BZ. 147*—*całopalenie BW. 301;*

zrzałe BZ. 102—skorozrzałe BW. 296, modłę BZ. 118 — świętokradztwa BW. 323; urażednika BZ. 138—meżobojcy BW. 386; w zabitem BZ. 140—meżobojstwa BW. 389; dobrze mowił BZ. 144—błogosławił BW. 396 и т. д. wody wiedzione BZ. 226 (aquaeductum)—теперь wodociąg.

На печатномъ экземпляръ книги Бальтазара Опеца 1522 года (см. Pr. F. 2. 666 и слѣд.) кто-то въ концѣ XVI или въ началѣ XVII в. дѣлалъ поправки, надписывая надъ нѣкоторыми словами другія, повидимому, болѣе употребительныя въ его время. Между прочимъ здѣсь нѣкоторыя простыя слова замѣнены сложными: двојсу—dwakroć, grzeszne żony—cudzołożnice, zdrow—błogosławiony, но съ другой стороны надъ licemiernikъ написано faryzeusz.

Иногда въ переводахъ Библии замѣчается обратное явленіе: въ BZ. встрѣчаемъ сложное слово, а въ BW.—простое: złorzeczeni BZ. 190—przekłęci BW. II. 167; wojewoda BZ. 99, 100, 101 и т. д. —hetman BW. cudzoziemiec BZ. 87—obcy BW. 252; wielmństwo BZ. 104—majestat BW. 298 motowęzy BZ. 106—sznurki BW. 302; cudzoziemca BZ. 21—przychodzień BW. 40. Такихъ случаевъ однако встрѣчается немного и вообще немногочисленными представляются тѣ древнія сложенія, которыя, какъ, наприм., licemiernik, złorzeczony, wielmństwo, motowęzy, вышли изъ употребленія въ литературномъ языкѣ.

По большей части не удерживаются въ языкѣ сложныя слова, механически переведенныя изъ иностранныхъ языковъ: къ нимъ принадлежатъ срощенія, наприм., zakonapośca F. 9. 20 zakonawudawca P. 9. 20 (legislator) или выписанныя Брюкнеромъ сложенія 1451 г. (Rozpr. 22, 41) złotorod—aurigenum, kwiatopłodnym—floripero, gwiazdomocny—astripotens, skarborodzicielka—thesaurigena, dziwopłodne—monstripera, nocnobiegający—noctivagus, bojomocny—palestri-potens и т. п. Теперь тоже переведенное изъ нѣмецкаго listonosz (Briefträger) трудно прививается на польской почвѣ и можетъ быть вскорѣ будетъ совсѣмъ забыто.

Однако въ языкѣ существуетъ значительное количество не только двучленныхъ, но и многочленныхъ словъ, которыя

имѣютъ вполне устойчивый характеръ: они выросли на чисто славянской почвѣ синтаксическаго группированія частей рѣчи, пережили или переживаютъ естественный процессъ своего развитія и являются органической частью языка.

Весь составъ сложныхъ словъ въ обширномъ значеніи этого названія можно разбить на двѣ группы: къ первой принадлежатъ сложенія (въ узкомъ смыслѣ этого слова), т. е. двучленные слова съ основой въ первой части, ко второй — сращения съ падежною формою въ первой части. Къ первой группѣ принадлежатъ, съ немногими исключениями, всѣ производныя слова отъ сочетаній, наприм., фамиліи, образованныя отъ названій мѣстностей: Starowolski отъ Stara Wola, Nowowiejski отъ Nowa Wieś и мн. др., а также и первичныя: smagowóz, samochód, parowóz, parostatek и др., образованныя не отъ сочетаній, а сразу по аналогіи съ болѣе древними сложеніями этого же типа.

Но часть составныхъ словъ имѣетъ тѣсную связь съ соотвѣтствующими имъ синтаксическими выраженіями. Такъ, наприм., названіе мѣстности Czarnolas по прямой линіи восходитъ къ синтаксическому выраженію czarny las (черный лѣсъ) и исторія въ довольно многочисленныхъ случаяхъ знакомитъ насъ съ переходными фазисами процесса, окончательнымъ результатомъ котораго является форма Czarnolas.

Главное вниманіе мы обращаемъ здѣсь именно на эти сложные слова, которыя развились путемъ постепенныхъ преобразованій.

Мы рѣшили выдѣлить въ особую группу тѣ сложенія и сращения, которыя по своему строенію различаются отъ нормальнаго, древняго, общаго всѣмъ индоевропейскимъ языкамъ типа сложныхъ двучленныхъ словъ съ основой или падежною формою въ первой части и сюда же, въ эту группу включены нами нѣкоторыя сращения, одинъ изъ составныхъ элементовъ которыхъ составляетъ глагольная форма. Затѣмъ послѣдовательно мы разсматриваемъ слова съ формою именительнаго и косвеннаго падежа и наконецъ съ основой въ первой части.

ГЛАВА I.

Ненормальные сращения.

Въ индоевропейскихъ языкахъ выработался общій типъ двучленныхъ словъ, первую часть которыхъ составляетъ неизмѣняющаяся падежная форма, а вторую—склоняемое слово, наприм.: *swawola*, род. пад. *swawoli*, вин. пад. *swawola* и т. д. *czciogodny* и т. п. Естественно предположить, что такія сращения непосредственно восходятъ къ сочетаніямъ: *swa wola*, род. пад. *swej woli*, вин. пад. *swa wola* съ узкимъ значеніемъ—своеволие, и дальше къ синтаксическимъ выраженіямъ: *swa wola*, въ значеніи—своя воля, *swej woli*—своей воли и т. д. Но возможно тоже предположить, что *swawola* произошло изъ *swowola*, *czciogodny* изъ *czciogodny* путемъ подновленія формы, т. е. формального осмысленія первой части. Ниже мы увидимъ, что такая гипотеза лишена всякихъ фактическихъ основаній, что исторія языка не сохранила промежуточныхъ формъ въ видѣ: *swowola*, *czciogodny*, которыхъ никогда въ языкѣ не было. То же самое доказываютъ и сращения, которыя мы назвали ненормальными.

Отъ нормального, обще-индоевропейскаго типа сращеній они отличаются только формально, такъ какъ состоятъ, наприм., не изъ двухъ, а изъ трехъ членовъ, или форма косвеннаго падежа стоитъ не въ первой, а во второй ихъ части. Но принципъ ихъ строенія очевидно тотъ же самый: нѣсколько словъ сплочиваются въ одно слово съ опредѣленнымъ значеніемъ, и это слово механически можно раздѣ-

лить на самостоятельны отдѣльныя части рѣчи. Между тѣмъ формальное ихъ отличіе отъ общаго индоевропейскаго типа и разновидности въ ихъ строеніи исключаютъ всякую возможность допускать здѣсь дѣйствіе аналогіи готовыхъ древнихъ двучленныхъ срощеній. Очевидность непосредственнаго ихъ происхожденія отъ сочетаній и далѣе отъ синтаксическихъ выраженій обнаруживается сама собою. Поэтому мы и начинаемъ съ пересмотра этихъ ненормальныхъ срощеній.

I. Срощеніе состоитъ изъ предлога и сочетающихся съ нимъ падежныхъ формъ.

Dotychczas (до сихъ поръ). Это срощеніе теперь никогда не расчленяется на отдѣльныя составныя части, такъ какъ форма род. пад. множ. числа *czas* вышла изъ употребленія и замѣнена формой *czasów*. Между словомъ *dotychczas* и выраженіемъ *do tych czasów* существуетъ такая же разница въ значеніи и функціяхъ какъ между русскими выраженіями: до сихъ поръ и до сего времени.

Dotychmiast (до сихъ поръ) извѣстно только изъ старыхъ памятниковъ: въ XV в. (Брюкнеръ: *Rozpr.* 23. 304) находимъ: *actenus—aż dotychmiast*; въ XVI в. „*Żywot św. Eufraksji*“ Pr. F. 3: *dotychmiast, dosichmiast, odtychmiast, odsichmiast*. Чередованіе предлоговъ и мѣстоименій указываетъ, что мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ срощеніемъ, а съ свободнымъ сочетаніемъ, которое получило уже опредѣленное собственное значеніе, такъ какъ оно обозначаетъ уже не мѣсто, а время. Этотъ переходъ значенія не представляетъ ничего особеннаго, такъ какъ извѣстно, что и польскія мѣстоименныя нарѣчія, и русское выраженіе „до сихъ поръ“ служатъ для обозначенія и времени, и мѣста. Объ этомъ сочетаніи мы упоминаемъ здѣсь лишь потому, что оно повліяло на появленіе въ польскомъ языкѣ двухъ несомнѣнныхъ срощеній: *patomiast* и *natychmiast*.

Natomiast (вмѣсто, вмѣстѣ) очевидно восходитъ къ сочетанію *patomiasto*. Подъ вліяніемъ сочетанія *dotychmiast* оно потеряло конечный звукъ—о и вмѣстѣ съ тѣмъ перешло въ разрядъ срощеній, въ которыхъ составныя части уже не

сознаются отдѣльными морфологическими единицами, но сливаются въ одно общее цѣлое, понимаемое какъ одно простое слово. Для расчлененія этого слова нуженъ такой же анализъ, какъ для расчлененія каждаго простого слова на его составныя части.

Natychmiast (сейчасъ) вѣроятно произошло изъ контаминации сочетаній: *dotychmiast*, *odtychmiast* и сроченія *patomiast*; оно появляется довольно рано: въ BZ, 115, 129, 204 и т. д. въ „*Żyw. św. Eufr.* и въ другихъ памятникахъ.

Powszedni (повседневный). Отъ основы существительнаго *dzień* образуется прилагательное *dzienny* или *dniowy* и поэтому конечный элементъ въ *powszedni* не можетъ быть считаемъ прилагательнымъ въ родѣ возможнаго для предположенія, но никогда не существовавшаго слова *днѣ-жѣ*. Въ виду этого въ теперешнемъ прилагательномъ *powszedni* мы усматриваемъ продуктъ ирраціональнаго словообразованія. Въ XIV в. латинское *quotidianus* переводилось польскимъ *wszedni*: *daj nam dzisiaj chleb nasz wszedni* (1375 г. Pr. Fil. I. 352). То же самое было въ XV в.: *chleba naszego swedniego* (вмѣсто *wszedniego*) *daj nam dzisiaj* (Rozpr. 24. 76) *chleb nasz wszedni daj nam dzisiaj* (Rozpr. 24. 77). Тогда же является и слово *powszedni*: *chleb nasz powszedni* (1487 Pr. Fil. I. 352). У Кнапскаго въ XVII в. встрѣчается и нарѣчѣе *powszednie*, напр., *powszednie zgrzeszyć* (Линде); теперь это нарѣчѣе звучитъ: *powszednio* и очень рѣдко употребляется. Въ виду своеобразности формъ: *wszedni* и *powszedni* приходится предположить, что эти слова новы и произошли изъ простого сроченія частей выраженія: *wsze dni* (accus. temporis), *po wsze dni*. Слово: *powszedni* (*wszedni*) встрѣчается въ сочетаніяхъ: *chleb powszedni* (въ молитвѣ Господней) *grzech powszedni*, *dzień powszedni*, т. е. въ оборотахъ, которые понадобились только въ христіанскую эпоху. Вѣроятно первоначальныя выраженія (или сроченія) *wszedni*, *powszedni* употреблялись въ функціи нарѣчія, а потомъ приобрѣли значеніе прилагательныхъ. Естественно предположить, что этотъ процессъ совершился на ченской почвѣ, гдѣ первоначаль-

ныхъ *všedni*, *rovšedni*, перешедши въ разрядъ прилагательныхъ, удлинени конечный гласный звукъ: *všedni*, *rovšedni*. Изъ чешскаго языка эти прилагательныя были перенесены на польскую почву: сперва *wszedni*, а потомъ, въ XV в., также и *rowszedni*.

Въ нѣкоторой степени подтверждаютъ наше предположеніе о происхожденіи слова *rowszedni* другія сложныя слова, во второй части которыхъ стоитъ слово, или представляющее собою косвенный падежъ, или образованное отъ косвеннаго падежа, имѣющаго здѣсь функцію основы. Такъ, наприм., теперешнее восхваленіе *przebóg*, происшедшее отъ сращения предлога *prze* и вин. пад. *Bóg*, въ XVI в. считалось существительнымъ и значило „милостыня“: *z tegoż i przebog dawała* (Рг. Fil. II. 697); въ этомъ выраженіи глоссаторъ конца XVI в. слово *przebog* замѣнилъ словомъ *jałmużnę*. Сюда же можно причислить русск. итогъ, богадѣльня, чешск. *podoboji*, а также польск. *potomek*, *potomny*, *przytomny*, русск. потомокъ и др. На древность образованій: *potomek*, *przytomny* указываетъ не только ихъ присутствіе и въ другихъ славянскихъ языкахъ, но также и то обстоятельство, что эти слова образованы отъ формы мѣстн. пад. *tom*, которая съ древнихъ временъ уже не существуетъ въ польскомъ языкѣ (слѣды склоненія *togo*, *tomu* и т. д. на польской почвѣ сохранились только въ одномъ памятникѣ: *Kaz. Swiętokrz.*).

Наконецъ упомянемъ еще о цсл. формахъ, похожихъ на польское *rowszedni*: именно въ словарѣ Миклошича находимъ слова: *повсѣдньнѣ*, *повьсалѣтнѣ* очевидно происшедшее изъ сочетаній: *по всѣ дни*, *по вса лѣта*.

II. Въ первой части стоятъ падежная форма съ предлогомъ:

Zmartwychwstanie (Воскресеніе). Теперь еще можно сказать: *wstać z martwych*, но нельзя: *wstanie z martwych*, такъ какъ существительное *wstanie* перестало употребляться самостоятельно. Такой порядокъ этихъ словъ (*wstanie z martwych*) повидимому былъ чуждъ и старому польскому языку, такъ какъ онъ не встрѣчается ни въ одномъ памятникѣ.

Въ XV в. находимъ только: *zmartwychwstanie* (Rozpr. 24. 77) w *zmartwywstaniu* (Rozpr. 24. 360) *zmartwywstanie* (Rozpr. 25. 142) *zmrtwychwstanie* (Bogar. 1506 г. и Form. 1514 г. Pr. Fil. I. 66). Доказательствомъ того, что и въ XV в. *zmartwychwstanie* считалось уже однимъ словомъ, служить мѣсто въ Rozpr. 24. 360: w *zmartwywstaniu*, гдѣ иначе нельзя бы объяснить такого страннаго стеченія предлоговъ; нельзя вѣдь сказать: *przy z domu wyjściu*, но только: *przy wyjściu z domu*. Форма *zmartwywstanie* объясняется чисто фонетическимъ путемъ: здѣсь такъ же исчезъ звукъ *ch* передъ *w*, какъ въ словѣ *chwała*, старопольск. *fała*. Потому форма *zmartwy* стала употребляться и передъ другими звуками: *zmartwy była wstała* Rozpr. 25. 65.

Wniebowzięcie чешск. *vnebovzetí* (Успение). *Wniebowstąpienie* (Вознесение). Выражение: w *niebo* уже чуждо современному польскому языку и замѣнено выраженіемъ *do nieba*. Въ XVI в. при *wniebowzięcia* 1514 г. Pr. Fil. I. 75, говорилось еще: *wstąpiłeś w niebo* 1514 г. Pr. Fil. I. 73, но теперь, благодаря двумъ причинамъ, именно: устарѣнію выраженія w *niebo* и узкому значенію словъ: *Wniebowzięcie*, *Wniebowstąpienie*, оба эти слова чувствуются сложными и не могутъ принимать формы: *wzięcie w niebo*, *wstąpienie w niebo*.

Сюда же относятся прозвища: *rowsinoga*, *rowsikij*, сербск. *Nazlobrz(ović)*. Маг. и др. т. п.

III. Падежная форма съ предлогомъ стоитъ во второй части:

Nісрoń (негодяй) ср. чешск. *нісрoпiна*; сроченіе трехъ словъ: *ніс ро Ń* (какъ *we Ń*, *do Ń*—винит. пад. мѣстоим. *ji* съ предлогомъ). Это слово считается существительнымъ мужескаго рода, склоняющимся по образцу основъ на — *jo*: *нісрoпiа*, *нісрoпiowі* и т. д.

Nіwесz (собственно „ни во что“) чешск. *nіwесz*, изъ *nі we sz* (ни въ чь) сроченіе отрицательной частицы и вин. пад. мѣстоименія, съ предлогомъ. Эта форма вин. пад. давно забыта и сохранилась только въ сложеніи: *zасz*, *ргzесz* и т. д. Въ народномъ сознаниі утерялось понятіе сложности этого слова

и присутствія въ немъ предлога *w*, отсюда новое выраженіе: *w piwecz*, наприм., *obrócié w piwecz*. Это же слово послужило темой для глагола *piweczyc* (уничтожать).

Jedenaście русск. одиннадцать и остальные названія чиселъ отъ 11 до 19 вѣлючительно являются во всѣхъ славянскихъ языкахъ простыми сращениями. Фонетическія разновидности этихъ словъ при тождествѣ ихъ составныхъ частей въ разныхъ языкахъ указываютъ на то, что въ общеславянскій періодъ выработался способъ обозначенія этихъ чиселъ съ помощью трехъ отдѣльныхъ словъ, соединяемыхъ въ одно синтаксическое выраженіе; сращеніе же ихъ и фонетическое упрощеніе совершилось самостоятельно на почвѣ каждаго отдѣльнаго славянскаго языка. Въ старыхъ польскихъ памятникахъ встрѣчаются несросшія еще формы: *w piąć na dzieście St. Maz. 13; 14. o winie sietmi na dzieścia Ks. Ust. 78*. Въ первомъ случаѣ предлогъ *w* сочетается со словомъ *piąć*, а во второмъ имѣемъ форму косвеннаго падежа *sietmi*. Даже когда слово *dzieście* упростилось фонетически и приняло форму *ście*, *ście*, мало напоминавшую собою слово десять, и тогда еще склоняется первое числительное; наприм., въ XV в.: *w sześci naście lat BZ. 216; pięci naście Stsk. 127 sześci naście Rt. H. 12. ośmi naście St. Maz. 210 we czterech naście grzywnach Rt. H. 11* и т. д. Можно предположить, что тогда уже предлогъ съ видоизмѣненнымъ названіемъ десяти сросся въ одно слово, но названія для единицъ чувствовались отдѣльными словами. Оттого не произошли тѣ упрощенія въ согласныхъ, которыя являются потомъ: *jeden naście BZ. 231* теперь *jedenaście* съ однимъ *n*; *sześć naście BZ. 218*.—теперь *szesnaście*.

На отсутствіе сращения названій единицъ со слѣдующимъ за ними сложнымъ словомъ *naście*, *naście* въ XIV и XV в. указываютъ и порядковыя числительныя. Именно порядковое числительное стоитъ на первомъ мѣстѣ: *w czwartem nacie lecie Kaz. Gn. Rozpr. 25. 37. w piątym nacie lecie ib. trzecie naście lato BZ. 15 czwarte naście BZ 15. do czwartego naście BZ. 54. 88. piątego naście BZ. 61. 88. osmego naście lata BZ. 197 siódmego naście lata BZ. 209* и т. д.

Въ XVI в. не только устанавливается окончательно форма *ście* вмѣсто болѣе древней *ście*, но и въ области склоненія произошли существенныя перемѣны: въ области порядковыхъ числительныхъ первый элементъ остается неизмѣннымъ, а суффиксъ присоединяется ко второму элементу, который склоняется по падежамъ: наприм., въ BW числительныя, соотвѣтствующія приведеннымъ выше изъ BZ выраженіямъ, звучатъ: *czternastego, piętnastego* и т. д. Въ области же количественныхъ числительныхъ тогда замѣчается колебаніе между различными формами, пока одна изъ нихъ не установилась окончательно. Итакъ встрѣчаются архаическія выраженія со склоняемымъ первымъ словомъ: *po pięci naście* B. Radz. 47 v. b. *sześcią naście* ib. 46 v. b. *sześcią naście* Wuj. Post. 118 *siedmią naście* Stryjk. 26 *pięciom naście* Stryjk. 6. и т. д. Изъ новыхъ появляются слѣдующія формы: 1) обѣ части склоняются, напр., *dwiema naściem* Błsk. Żyw. 163, *dwunastu* Groch. Wiersz. 293 и т. д. 2) сложное слово является несклоняемымъ: *według dwanaście gwiazd* Pr. Fil. II. 728; *koronę ze dwanaście gwiazd* ib. 3) наконецъ сложное слово (сращеніе), склоняемое только во второй части. Доказательствомъ того, что такое сращеніе съ теченіемъ времени замѣнило собою предшествовавшія ему выраженія, обозначенныя пунктами: 1) и 2), служитъ обстоятельство, что глоссаторъ конца XVI или начала XVII в. въ указанныхъ нами двухъ случаяхъ Pr. Fil. II. 728 замѣнилъ слово *dwanaście* словомъ *dwanastu*. Замѣтимъ, что слѣды колебательнаго состоянія формы этихъ числительныхъ въ XVI в. сохранились и въ настоящее время. Такъ отъ *jedenaste* имѣется род. пад. *jedenastu, trzynaście—trzynastu, piętnaście—piętnastu* и т. д., но отъ *dwanaście* имѣется род. пад. не *dwanastu*, какъ это было въ XVII в., а только *dwunastu*, т. е. форма род. пад. появляется въ обѣихъ частяхъ этого сращенія. Впрочемъ и въ XVII в. принципъ склоняемости одной только второй части не былъ проведенъ послѣдовательно: при *piętnastu* Opal. 50, *w siedmnastu* Pot. Pocz. 85 и т. д. встрѣчается *ośminastu* Star. 163. Отъ формы *dwunastu* образовалось производное *dwunasty*.

IV. Во второй части стоитъ форма косвеннаго падежа (безъ предлога):

Sztukamięsa (вареная говядина). Вторая часть зависитъ отъ первой и стоитъ въ род. пад. един. числа. Это сращеніе чередуется съ сочетаніемъ: *sztuka mięsa*, род. пад. *sztuki mięsa*, дат. пад. *sztuce mięsa* и т. д. Но чаще *sztukamięsa* понимается какъ одно слово, склоняющееся по образцу основъ женскаго рода на а: *sztukamięsy*, *sztukamięsie* и т. д. Употребляется также форма именит. падежа единств. числа *sztukamięs*, съ удареніемъ на предпоследнемъ слогѣ. Несмотря на свою форму, это слово понимается какъ женское и говорится *ta sztukamięs*.

Pięćdziesiąt (пятьдесятъ) и другія названія чиселъ отъ 50 до 90. Несмотря на ихъ однозвучность во всѣхъ славянскихъ языкахъ, о нихъ нужно сказать то же, что и о названіяхъ чиселъ отъ 11 до 19, т. е. что ихъ сращеніе произошло на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ. На это указываетъ ихъ склоненіе. Относительная же древность сочетаній съ *dziesiąt* доказывается не только однозвучностью этихъ сочетаній въ разныхъ славянскихъ языкахъ, но и тѣмъ, что форма *dziesiąt*, родит. пад. множест. числа, встрѣчается исключительно только въ этихъ сочетаніяхъ.

Первоначально, конечно, склонялось только первое слово, второе же оставалось неизмѣннымъ: напр., *w dziewięci dziesiąt leciech* BZ. 6. *w siedmi dziesiąt leciech* BZ. 6. *po pięci dziesiąt* BZ. 202. Эти выраженія встрѣчаются еще въ XVI в. *pięci dziesiąt* B. Radz. 78. а. *siedmi dziesiąt* ib. 55 *ośmi dziesiąt* Wuj. Post. 67 и др. памятники довольно часто. Въ XVII и XVIII вв. произошла только перемѣна въ суф. род. пад., который сталъ оканчиваться звукомъ — u: *siedmiu dziesiąt* Opal. 3 *pięciu dziesiąt* Nar. Tac. I. 407 *ośmiu dziesiąt* Boh. II. 255 и т. д. Наконецъ Линде въ своемъ словарѣ пишетъ, что числительныя *pięćdziesiąt*, *sześćdziesiąt* и т. д. имѣютъ род. под. *pięciu dziesiąt*, *sześciu dziesiąt* и т. д. Значить, что сращеніе двучленныхъ названій: *pięćdziesiąt*, *sześćdziesiąt* и т. д. совершалось только во второй половинѣ XIX в. и тогда появились формы косвенныхъ падежей: *pięćdziesiąci*, *sześć-*

dziesięciu и т. д., при чемъ на это склонение въ формальномъ отношеніи повліяло числительное *dziesięć*.

Напротивъ того, названія для сотенъ: *pięćset sześćset* и т. д. хотя и пишутся какъ одно слово, однако на самомъ дѣлѣ остались до сихъ поръ синтаксическими выраженіями. Какъ въ XV в. в *sześci set a pięci leciech* BZ. 6; точно также и теперь говорится в *sześciuset* и только если слѣдуетъ названіе десятковъ или единицъ, тогда названіе для сотенъ не измѣняется: в *sześćset pięciu latach*, в *sześćset dziewięćdziesięciu pięciu latach*.

Dwukroć, *trzykroć*, *czterykroć* чешс. *dvakrát*, *trikrát* и т. д. получили форму — *kroć* по аналогіи съ *pięćkroć*, *sześćkroć* и т. д. На древность этихъ формъ указываетъ и присутствіе ихъ въ чешск. яз., и польская древняя письменность, напр., *trzykroć* F. 11, 7. P. 11, 7, BZ. 215 и т. д. Теперь древнее значеніе словъ, сложныхъ съ *kroć*, мало-по-малу забывается и элементъ *kroć* начинаетъ считаться какъ будто ничего не значущимъ суффиксомъ, напр., въ выраженіи: *po czterukroć razy* (Radliński «Przeszłość w terażniejszości» Варшава 1901, стр. 16).

Dziewięsił см. статью А. И. Соболевскаго «Изъ исторіи русскаго яз.» въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1894 ноябрь, стр. 34.

Południe (полдень, югъ). Славянскіе языки изобилуютъ двучленными словами съ *пол*—въ первой части, при чемъ замѣчается большое разнообразіе въ формѣ этихъ сращеній не только въ различныхъ, но даже въ одномъ и томъ же языкѣ. Такъ, напр., одно и то же слово является въ одномъ языкѣ съ формой именит. пад. *полъ* или же съ формой род. пад. *полу* въ первой части, напр., польс. *południe* при *południe* (изъ *południe*) Karł. Sł. gw. pols. Хор. Przycz.; рус. полдень чешс. *půl dne*, *poludne*, *poloudne* и *poledne*, србс. *pladne*, польс. *połnoc* род. п. *połnocy* рус. полночь, но род. п. *полуночи*, польс. *połnocy*, *połtrzecia* съ род. пад. во второй части, *połnóg*, съ имен. пад. *połmiese* съ вторичнымъ суффиксомъ во второй части, *połuchoza* съ род. п. въ первой части и съ им. пад. во второй, и т. д.

Это разнообразіе формъ указываетъ намъ, во-первыхъ, на то, что всѣ эти слова, или по крайней мѣрѣ значительное ихъ большинство относятся къ позднему времени и, во-вторыхъ, что повидимому при ихъ образованіи нужно было преодолѣть какую-то трудность, устраненную впоследствии въ разныхъ случаяхъ различно.

Трудность эту составляла форма второй части тѣхъ древнѣйшихъ срощеній, которыя послужили образцомъ для послѣдующихъ того же рода словообразованій: именно во второй части ихъ стояла форма косвеннаго падежа. Исторически прослѣдить развитіе этихъ формъ нельзя по недостатку матеріала: у Mikl. — Lex. — древнѣйшей формой кажется глаголическая: *полоуднь*, но тамъ не указанъ источникъ, откуда она взята. Остальныя формы этого слова относятся къ разнымъ позднимъ памятникамъ. Въ польскихъ памятникахъ тоже встрѣчается только теперешняя форма: *południe*. Итакъ, если въ родственныхъ языкахъ замѣчается хаотическое отношеніе различныхъ формъ и исторія этихъ языковъ не указываетъ послѣдовательнаго развитія данныхъ словообразованій, намъ остается одинъ путь чисто теоретическихъ соображеній. Мы предполагаемъ, что каждое двучленное слово съ падежной формой въ первой части восходитъ къ синтаксическому выраженію, и здѣсь мы можемъ такое выраженіе возстановить только въ формѣ *полъ днь*. Дѣйствительно, это выраженіе встрѣчается въ Лавр. лѣт., а именно на 1 стр. читаемъ: *до полоу днье, на поль днье*. Очевидно здѣсь только первая часть измѣняется по падежамъ въ зависимости отъ предлоговъ, а вторая остается неизмѣнной.

Но въ этомъ же памятникѣ имѣются и такія формы, какъ: *до полоуденья* (стр. 1), *къ полоуденью* (стр. 2), т.-е. сложные слова съ падежной формой въ первой части и съ вторичнымъ суф. — *нѣ* во второй. Переходной ступеню между синтаксическимъ выраженіемъ и производнымъ сложнымъ словомъ на —*нѣ* служили сохранившіяся въ ц.-слав. яз. (см. Mikl. Lex.) срощенія: *полоуднь* и *пладнь*. Во второй части этихъ срощеній мы именно склонны видѣть род. пад. ед. ч., а не форму съ суф. —*нѣ*. Это предположеніе поддерживается выше

указанными чешскими формами, во второй части которых стоит — dne, а не dní, какъ мы бы этого ожидали, если бы здѣсь имѣлось дѣло съ суф. -nie (ср. známení).

Эти сращения: полъдне, полдне (послѣ исчезновенія ъ), полоудне дали начало всѣмъ другимъ формамъ болѣе позднимъ: 1) вторая часть, не измѣняя своего окончанія, стала считаться формой средняго рода (въ чешск. яз.) или приняла суф. -ie или наконецъ подъ вліяніемъ именит. пад. въ первой части и она стала употребляться въ именит. пад. (русск. полдень); 2) первая часть могла стоять въ именит. пад., при чемъ она сохраняла или теряла полугласный звукъ (отсюда польск. poła — чешск. pole — србс. пла) или же въ родит. падежѣ: poľudnie.

Предполагаемая нами сращения: *полночи, полоуночи* подвергались болѣе сильному вліянію имен. пад. ед. ч. простаго слова *ночь*, чѣмъ *полдне, полудне* — слова *день*; въ первомъ случаѣ (ночь, ночи) разница состояла только въ окончаніи, во второмъ же (днь — дне) — и въ окончаніи, и въ коренномъ гласномъ звукѣ ъ, который въ эпоху образованія этихъ сращеній, повидимому, выговаривался иначе въ имен. и иначе въ родит. пад. даннаго слова. Отсюда во всѣхъ славянскихъ языкахъ появилось слово *полночь*, въ то время, когда *полдень* имѣется только въ русск. яз., а въ остальныхъ: *пол(ъ)дне (-ие), полоудне (-ие)*.

О происхожденіи славянскихъ словъ, соотвѣтствующихъ русскимъ: *полдень, полночь*, говорилъ также И. В. Ягичъ, вратео заявляя, что эти слова во всѣхъ славянскихъ языкахъ восходятъ къ выраженіямъ: *полъ дне, полъ ношти* (Arch. 20. 521). Это предположеніе высказалъ уже Миклошичъ Vergl. Gr. II. 349, Et. Wb. 256.

Здѣсь замѣтимъ, что въ первой части этихъ и другихъ сложныхъ съ полъ словъ является форма то именит., то родит. пад.: ср. польск. poľednie и poľudnie, rópnos и poľuposny BZ. 99. poľunosna strona 1436 г. Rozpr. 23. 278 и т. д. Также: poľukorcze Rozpr. 24. 383 и poľpłacie Rozpr. 16. 359, poľukoza Dl. H. II. 236; poľuwązkow BZ. 68 при poľtora, pooktora BZ. 75. Такое чередованіе формъ им. и род.

пад. въ первой части мы видѣли въ *dwanaŝtu*, *dwunasty*, *dwunasty* и встрѣтимъ ниже еще въ нѣсколькихъ случаяхъ.

Относительно *roŝtoga* скажемъ только, что это слово встрѣчается въ разныхъ славянскихъ языкахъ, вездѣ съ пропускомъ *-wa-*; видно, что обѣ его части срослись въ дописьменную эпоху и оно сохранило первоначальную форму второй части въ родит. пад., потому что не было надобности дѣлать изъ него склоняемое слово, какъ это понадобилось для словъ: *полдень*, *полночь*. Оно, однако, могло служить основой для производныхъ словъ: такъ, въ польс. яз. имѣется слово *roŝtopak*, обозначающее собою *возъ*, полтора раза больше обыкновеннаго. Первичная форма слова *roŝtoga* служитъ также поддержкой для предположенія о первичности сращеній *poŝdnye* и *poŝdny*.

Упомянемъ еще объ одной русской формѣ: въ памятникахъ встрѣчается иногда форма *кождыхъ*, *кождоихъ* не согласующаяся съ глаголомъ, напр., въ рукописи Хлудова «Житіе св. Георгія» (Поповъ «Описаніе рукописей Хлудова») читаемъ: *кождыхъ* имаеть дрѣва различная; *плодъ* сотвориша *кождоихъ*, также въ «Люблинскихъ отрывкахъ» стр. 17: *кождыхъ* имаеть... Вѣроятно эта форма произошла изъ первоначальнаго выраженія *кождо ихъ* (есть).

Производныя слова, по скольку они образовались отъ первичныхъ сращеній, сохраняютъ неизмѣнной первую часть этихъ сращеній: такъ, напр., отъ *roŝudnie* образуется производное *roŝudniowy*; отъ *roŝnoc* — *roŝnosny* (старопольское *roŝnosny* указываетъ на несохранившееся сращеніе первичнаго *roŝnosy* или же оно образовано отъ сочетанія *roŝu nosy*; отъ *roŝtoga* — *roŝtorak*, отъ *jedenaŝcie* — *jedenasty*, отъ *piecdziesiat* — *piecdziesiaty*. Относительно слова: *dwunasty* мы говорили выше, что оно восходитъ къ формѣ *dwunastu*, которая повидимому чередовалась съ *dwanaŝcie*, какъ *roŝnoc* и *roŝudnie*.

Но кромѣ производныхъ, восходящихъ непосредственно къ соотвѣтствующимъ первичнымъ сращеніямъ, изрѣдка попадаются такія, которыя повидимому произошли изъ синтаксическихъ выраженій: такъ, напр., изъ древне-польскаго вы-

раженія ni k czemu образовалось прилагательное *nikczemny*, изъ выраженій: *z obu stronu, z dwu stronu, z trzech stron, z czterech stron* — прилагательныя: *obustronny, dwustronny, trzechstronny, czterechstronny* хотя послѣднее слово можетъ имѣть форму и настоящаго сложенія съ основой въ первой части: *czterostronny*; изъ *cztery dni* — *czterydniowy* XVI в. Линде, теперь *czterodniowy*. Если же въ первой части стоитъ другое числительное, тогда является всегда основа: *pięciostronny, jedenastostronny, pięćdziesięciostronny* и т. д. Упомянемъ еще о нарѣчии *oburącz* очевидно происшедшемъ изъ синтаксическаго выраженія *w obu ręku*, и о прилагат. *dwugaźny* Хор. Przycz. изъ *do dwu gaźu*. Предполагаемое прозвище Обѣрукъ (ср. Обѣручевъ Туп.) изъ обѣ руки.

Бругманъ (Grdr. II. 5) высказываетъ мнѣніе, что производныя формы не представляются вѣрнымъ доказательствомъ установившагося сложенія, при чемъ приводитъ примѣры: ц.-сл. *obzoznopolnyz* отъ сочетанія *obz onz polz* и *пятьнадесятныз* отъ *пять на десятѣ*. Кромѣ того производнымъ отъ *Νεάπολις* (род. *Νέας πόλεως* при *Νεαπόλεως*) является только *Νεαπολίτης*, отъ *τρίτη μόρα*—*τριτημόριος*, отъ *ἐν χειρὶ θεῖναι*—*ἐγχειρίματος*, отъ *ἐν πορὶ βῆναι*—*ἐμποριβήτης*, отъ *nudius tertius* — *nudiustertianus*, а также *sacra viensis, quartadecumanus* и т. д. (Grdr. II. 51, 54, 60, 61). Такія однако слова, какъ позднѣйшія названія во всѣхъ славянскихъ языкахъ для 50 или *Νεάπολις*, со временемъ сдѣлавшіяся полными сращениями, указываютъ на то, что люди чувствовали нѣкоторую наклонность къ механическому сплавиванію нѣкоторыхъ выраженій въ одно слово (сращеніе) и что именно въ такихъ только случаяхъ производная форма отъ даннаго сочетанія удерживала надежную форму въ первой части. Естественно предположить, что и выраженія *sacra via, quarta decuma* въ народномъ языкѣ считались сплоченными въ одно цѣлое словами (сращениями).

Очевидно во всѣхъ вышеупомянутыхъ и нѣкоторыхъ другихъ синтаксическихъ выраженіяхъ, вслѣдствіе частаго ихъ употребленія въ обыденной рѣчи, надежныя формы сдѣлались постоянными спутниками другъ друга въ сознаніи говорящихъ, и поэтому первая изъ нихъ не была замѣнена основой, когда

пришлось образовать производное слово, хотя даже и не произошло сращения отдельных частей данного выражения.

Напротив того, гдѣ эта смежность двухъ формъ недостаточно укрѣпилась, какъ, напр., въ выраженіи *z obu rōci*, или гдѣ, можетъ быть, между этими формами вставлялось еще какое-нибудь слово, тамъ не было сращения, и при образованіи производнаго слова, въ первой его части появляется основа: отъ выраженія *z obu rōci* образовалось производное сложеніе *zoborolny* съ сохраненіемъ предлога; изъ предполагаемаго выраженія: *na obie (stryony) jętny* образовалось сложеніе съ основой въ первой части: *obojętny*.

Итакъ, на основаніи вышесказаннаго можно сдѣлать слѣдующіе общіе выводы: 1) Сращения восходятъ къ сочетаніямъ, а эти послѣднія—къ синтаксическимъ выраженіямъ. 2) Падежная форма въ первой части сращения остается неизмѣнной и въ производныхъ отъ этого сращения словахъ. 3) Если падежная форма появляется въ первой части производнаго слова, образованнаго отъ сочетанія, то это указываетъ, что данное сочетаніе со временемъ сдѣлалось сращеніемъ или что по крайней мѣрѣ въ языкѣ была наклонность къ сращенію. 4) Нормальнымъ типомъ слова, производнаго отъ сочетанія, надо считать сложеніе съ основой въ первой части.

Сращения съ глагольными формами.

Widzimisię. Старое синтаксическое выраженіе *widzi mi się* вышло изъ употребленія и замѣнено другимъ выраженіемъ: *zdaje mi się*. Сращеніе же *widzimisię* употребляется въ функціи несклоняемаго существительнаго средняго рода, носить удареніе на энклитическомъ словѣ *mi* и обозначаетъ „произвольное мнѣніе“, „капризъ“: *takie jest moje widzimisię, on postąpił według swego widzimisię*.

Выраженія: *bo wiem, albo wiem* перемѣнились въ союзы *bowiem, albowiem* = потому что, такъ какъ. Отрицательная частица *nie* съ формой глагола *je* слилась въ *nie*, при которомъ существительное уже въ XIV в. стоитъ въ родит.

пад.: nie boga F. 13, 1, nie w jich uściech prawdy F. 5, 60, niee bojaźni bożej F. 35. При: nie jest zbawienie, nie jest rokoj находимъ : nie zdrowia F. 37, 3, niczs jinego nie BZ. 32 и т. д.

Изъ Bog daj образовалось восклицаніе *bodaj* со значеніемъ: пусть, еслибы; собственно говоря, теперешнее слово *bodaj* имѣетъ значеніе трехъ элементовъ: Bog daj, by... но частица *by* совсѣмъ исчезла и слѣдъ ея остался только въ значеніи слова *bodaj*. Въ этомъ словѣ понятіе „Богъ“ совсѣмъ улетучилось изъ сознанія говорящихъ. Въ чешс. *dařbůh* изъ *dažbůh* (Geb. Hist. Ml. I. 577) получилось сращеніе подобныхъ элементовъ, но въ обратномъ порядкѣ. Укажемъ еще на чешс. сращения: *ramborač* изъ *Pap Bůh gač* (Geb. ib. I 466) *vrdlouhat* изъ *v hrdlo lhati* (Geb. ib.), *rambausaham* изъ *Panu Bohu přisaham* (Geb. ib.).

Изъ новыхъ сращеній упомянемъ: *przedsiębrać, przedsięwziąć*, въ которыхъ составные элементы уже не всѣми сознаются. Доказательствомъ того служитъ фактъ, что иногда при этихъ словахъ встрѣчается дополненіе *sobie*, напр. „*autor... przedsięwziął sobie w niniejszej rozprawie...*“ Kwart. Hist. 1900 г., стр. 661. Отъ этихъ глаголовъ образуются производныя слова: *przedsiębiorstwo, przedsięwzięcie*.

Особенно часто подобныя образования встрѣчаются среди названій растений. Между прочимъ у Rost. Symb. № 271 мы нашли слово *storzyczewę* (*storziczeue*) названіе орхидеи. Если авторъ вѣрно прочелъ рукопись и если въ рукописи е не написано ошибочно *vm. a*, въ такомъ случаѣ мы бы имѣли здѣсь рѣдкій примѣръ, въ которомъ послѣ глагольной формы на *-i*, во второй части стоялъ бы винит. пад. дополненія. Второе названіе этого растенія звучитъ *nasiedźwig* (ib. № 272); оба произошли вслѣдствіе сравненія стебля растенія и его корня съ половыми органами (объясненіе Ростафинскаго). Подобно слову *nasiedźwig* образовано другое: *nasieźrgał* Pr. F. I. 140 Rost. Symb. № 5453, по объясненію Ростафинскаго растеніе, изъ котораго въ средніе вѣка приготавлилось самое могущественное «*philtum*», т.-е. любовный напитокъ, и отсюда — по его словамъ — названіе: *na się patrzy, na się*

zrzę. Но слово *pażrzęć* имѣло то же значеніе, что и *pawi-dzieć*, т.-е. любить, поэтому *pażrzęć się*, или *na się zrzęć* — влюбиться. *Skorozrzęć*, *skożorzęć* Pr. F. II. 148, Rost. Symb. № 305, сроченіе изъ нарѣчія и причастія, относящееся ко времени, когда мягкое г не перешло еще въ rz, такъ какъ иначе не была бы возможной диссимиляція плавныхъ звуковъ, а тѣмъ же самымъ и форма *skożorzęć*.

Еще болѣе искусственными представляются такія названія растений, какъ *niezarominaj*, *niezarominajmie* Rost. Symb., стр. 276, откуда теперешнее *niezarominajka*; *toje*, *tojeść* Rost. Symb. стр. 164, 265 и 270 какъ и предыдущее переведено изъ нѣмецкаго языка; *sałujmie* Rost. Symb. XVI в. № 6373. Кажущееся сроченіе *trzemdała* по объясненію Rost. Symb. стр. 350 подъ вліяніемъ народной этимологіи передѣлано изъ чешк. *třevdava*.

Къ этой же категоріи относятся названія мѣстностей: *Bógromóź*, *Tomidaj*, *Tumidaj*, *Bógzapłać*, *Bógdał*, *Dobrzejejtak* (съ пропущеннымъ *jest*) и т. п. ср. Алф. Указ.

Изъ личныхъ именъ упомянемъ: *Niegodoma*, которое Брюкнеръ, Arch. 19, 206, объясняетъ: нѣтъ его дома; *Bogdal*: *Bogdalu* XIII в. Б. легко объяснить простымъ сроченіемъ съ пропускомъ слова *jest*. Замѣтимъ, что такой пропускъ часто встрѣчается въ Kaz. Św.: *bog usłuszał modlitwę*; *wycięźstwo odzırzeli*, *śmierć podjęli* и мн. др. Подобнымъ образомъ произошло слово *darmodał* Karł Sł. gw. р.: чело-вѣкъ, дающій даромъ. *Niegodoma* вѣроятно склонялось по образцу основъ женскихъ на -а, по крайней мѣрѣ отъ подобнаго имени *Niedoma* имѣется род. пад. съ латинс. окончаніемъ (въ латинскомъ текстѣ памятника) *Niedomae* 1399 г. Н. кр. 52 и прилагательное *Niedominej* (род. пад.) *ib*.

Очень интереснымъ сроченіемъ имени съ глагольной формой представляется областное слово *bydłożenie*. На первый взглядъ оно не представляетъ ничего особеннаго по своему строенію, на дѣлѣ же—это очень странное слово. Карловичъ: Sł. gw. pols., приводя это слово, выписываетъ изъ Кольберга (Krakowskie): «Lud nazwy godzin zastępuje nazwami zwykłych przyrody zjawisk. I tak doba dzieli się u niego na następujące

części: 1. Przedednie albo dodnia. 2. Świtanie. 3. Wschód słońca. 4. Śniedanna pora a. godzina. 5. Przedpołudnie. 6. Bydłożenie. 7. Południe. 8. Z południa» и т. д.

Крестьяне завтракают около 8 часов утра, затѣмъ przedpołudnie обозначаетъ 10-й часъ, а bydłożenie — 11 часовъ, т.-е. время, когда скотъ гоняютъ съ полей. Когда пастухъ «bydło żenie», тогда хозяевамъ надо энергично взяться за приготовление обѣда. Поэтому вездѣ и въ крестьянскихъ и въ помещичьихъ домахъ въ Польшѣ каждый день въ 11 часовъ раздаются возгласы хозяекъ и кухарокъ: już bydło pędzi! или bydło żenie! Вотъ эти-то два слова bydło żenie въ бывшемъ краковскомъ воеводствѣ срослись вмѣстѣ и стали обозначать извѣстную пору дня. Вѣроятно это слово теперь склоняется по образцу другихъ существительныхъ.

Теперешнее названіе мѣстности Bogwidze, представляющееся непонятнымъ, восходитъ къ довольно странному сращенію. Именно въ XVI в. это названіе записано Bogwyegdze Las. II. 38, т.-е. Bóg wie gdzie: Богъ знаетъ гдѣ. Вѣроятно это была заброшенная далеко среди лѣсовъ или болотъ деревня.

Наконецъ упомянемъ еще о новыхъ формахъ наст. вр. jestem, jesteś, jesteśwa, jesteśta, jesteśmy, jesteście и сложнаго прошедшаго вр. byłem, byłeś, byliśmy, byłyśmy и т. д. Здѣсь въ первой части стоитъ имен. пад. всѣхъ родовъ и чиселъ соединяющійся съ вспомогательнымъ глаголомъ. Процессъ сращенія этихъ двухъ формъ совершался въ продолженіе XIV и XV в., на что намъ указываетъ сравненіе текстовъ псалтыря Флоріанскаго и Пулавскаго: *naspał iesm se* F. 3. 5 *naspałesm szye* P. *wstał iesm* F. 3. 5 *wstałesm* P. *nenawidzał ies* F. 5. 6.—*zawydzyalesz* P. *vsilował iesm* F. 6. 6.—*robotowałesm* P. *koronował ies*, *postawił ies* F. 8.—*koronowalesz*, *postawilesz* P. *yawni ies uczinil* F. 15. 11.—*yavnesz uczynyl* P. *my vstali iesmy* у *wzclonilismy se* F. 19. 9 *my wstaly* у *podnyeszuyenysmy* P. а *gdy iesm wolal* F. 21. 26 а *gdysm wolal* P. *vczinon iesm* F. 29. 14 *vczynyonesm* P. *dan iesm* F. 29. 15 *danesm* P. *iusz iesm se sstarzal* F. 36. 26 *yuszesh szye starzal* P. *milczalesm* F. 38. 3 *mylczal yesm* P.; аcz

zapomncli iesmi F. 43. 22 aczesmy zapomnyeli P. rozszirzili iesmy ręce F. ib. wznyeszlysmy ręce P. *wczynylesta* y stworzyly gesta F. 118. 73 и т. д.

Мы видимъ, что слитныя формы въ F. еще очень рѣдки; зато обычны въ Пулавскомъ псалтырѣ, въ которомъ какъ и въ BZ. чередуются съ формами неслитными, напр.: *jesm wywioldł* BZ. 249 при *padłesm* BZ. 29, *niżlism ja przyszedł* BZ. 41, *gdysm szedł* BZ. 29 и даже съ пропускомъ s: *jaciem przyszedł* BZ. 115 *wyszłam* BZ. 177 *tegom wywioldł* BZ. 108 и т. д. Съ теченіемъ времени эти послѣднія формы все болѣе брали верхъ и въ памятникахъ XVI в.¹⁾ совершенно вытѣсняють собою болѣе древнія.

Формы наст. врем. *jestem* и т. д. встрѣчаются въ памятникахъ польскихъ XV в., напр., въ BZ. *Modlitwach Wacława* и др. Примѣры приведены А. Калиной въ его трудѣ „*Historja języka polskiego*, стр. 391.

Происхожденіе этихъ формъ объясняется слѣдующимъ образомъ: первоначальное *ja jesm* и т. д. перешло въ XIV в. въ *jasm*, а это въ свою очередь въ *jam* (ср. *jasm wywioldł*, *padłesm*, *wyszłam* BZ. 249, 29, 177). Формы *jam był*, *jam robił* вызвали появленіе выраженія *jam jest*, когда слова *był*, *robił* безъ вспомогательнаго *jasm* стали обозначать 3 л. прош. врем. Наконецъ, подобно тому, какъ при *jam był* употреблялось *byłem*, точно также при *jam jest* появилось *jestem*. Въ говорахъ возникли даже формы: *sąmy*, *sąście* Rozpr. 8. 215 *sumeśmy*, *sumeście*. Rozpr. 9. 145.

Обратимъ вниманіе еще на двѣ черты этихъ слитныхъ формъ. Во-первыхъ, въ формахъ: *byłem*, *robiłaś*, *wzięłoś*—звуки е, а, о не наклонены, хотя эти формы восходятъ къ *byłъ jesm*, *robiła jeś*, *robiło jeś*. Мы бы ожидали здѣсь появленія долгихъ гласныхъ и ихъ позднѣйшихъ замѣнителей. Но въ формахъ муж. рода какъ *byłъ jesm* з несомнѣнно былъ уже неслогообразующимъ звукомъ и поэтому

¹⁾ Въ живой рѣчи этотъ процессъ вѣроятно совершился раньше. По крайней мѣрѣ въ генеральной исповѣди 1375 г. уже нѣтъ ни одной формы не слитной и являются ужъ такія формы, какъ *som* вмѣсто *cosm*. Повидимому Флоріанскій псалтырь отражаетъ въ себѣ болѣе древнее состояніе языка; онъ вѣроятно составляетъ копию значительно болѣе древняго оригинала.

изъ *był-jesm* произошло *byłem* съ краткимъ звукомъ *e*. Въ женской и средней формѣ естественно предположить вліяніе аналогіи формъ безъ вспомогательнаго глагола: *tyś gobiła* и *tyś wzięło*, а также формъ 3 л. един. числа *ona gobiła* и т. д. Во-вторыхъ, формы настоящаго времени: *jestem, jesteś, jesteśmy, jesteście* звучатъ: *jezdem, jezdeś* и т. д. сложное прошедшее: *piózem, plódem, wlógem*, другія сложныя формы: *chodziem (choć-em) tagem (tak-em)* и т. д. Это явленіе (*aüssere Sandhi*) объяснено Бодуэномъ-де-Куртене „*Sprawozdania z posiedzeń*“ Краковской академіи наукъ, годъ 1894, стр. 8 и слѣд.

Перечисленные нами сращения, происхожденіе которыхъ относится къ разнымъ эпохамъ развитія польскаго языка, показываютъ, что:

1) Въ продолженіе всего историческаго времени языкъ сохранялъ и теперь еще сохраняетъ способность соединять, при извѣстныхъ условіяхъ, отдѣльныя части синтаксическаго выраженія въ одно слово, которое можетъ быть или сращеніемъ, или сложеніемъ; послѣднее чаще всего появляется въ производныхъ словахъ, образованныхъ съ помощію особаго суффикса, а также въ случаяхъ, когда условій къ сращенію не было.

2) Разъ сращеніе появилось въ языкѣ, оно не переходитъ въ разрядъ сложеній; по крайней мѣрѣ мы не нашли ни одного примѣра такого перехода.

3) Нѣкоторыя изъ сращеній образовались по одному принципу, изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, въ различныхъ славянскихъ языкахъ (названія чиселъ 11 до 19 и 50 до 90) и восходятъ къ однимъ общимъ синтаксическимъ выраженіямъ или сочетаніямъ, но не къ праславянскимъ сращеніямъ. Здѣсь болѣе или менѣе повторяется то же самое, что и въ области индоевропейскихъ сложныхъ словъ по отношенію къ праиндоевропейскому языку. Принципъ сложенія одинъ и тотъ же, но матеріаль, изъ котораго построены сложныя слова, различенъ въ разныхъ языкахъ.

ГЛАВА II.

Срощеніе съ опредѣленіемъ въ именительномъ падежѣ.

Приступая къ разсмотрѣнію двучленныхъ польскихъ срощеній, построенныхъ по обще-индоевропейскому типу, мы должны прежде всего оговориться, что между срощеніями съ именит. пад. въ первой части и срощеніями съ формой одного изъ косвенныхъ падежей въ первой части, мы не усматриваемъ никакой принципиальной разницы. Всегда здѣсь имѣемъ дѣло съ двумя синтаксическими элементами: опредѣленіемъ и опредѣляемымъ словомъ, и равнымъ образомъ въ формальномъ отношеніи въ обоихъ случаяхъ замѣчается сохраненіе падежнаго суффикса въ первой части срощенія. Мы разсматриваемъ эти однородныя явленія въ двухъ главахъ, а не въ одной, только для того, чтобы придать болѣе шую равномерность отдѣльнымъ частямъ нашего труда. Кромѣ того, желая по возможности тщательнѣе разобраться въ матеріалѣ, мы разсматриваемъ отдѣльно нарицательныя имена, названія мѣстностей, прозвища людей, названія животныхъ и растений, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ категорій (наприм., ботаническія названія) и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ требуютъ выдѣленія ихъ въ особую группу.

Нарицательныя имена:

I. Въ первой части стоитъ имя существительное.

Срощеніе состоитъ изъ двухъ существительныхъ, изъ

которыхъ одно служить ближайшимъ опредѣленіемъ (приложениемъ) для другого. Такихъ словъ въ польскомъ языкѣ мы нашли только два и при томъ оба въ народныхъ говорахъ. Въ первой ихъ части стоитъ именит. пад. существительнаго рал:

Ránbóg, *ránbók* (*ranbuk*), *ránbóczek* (*ránbuczek*) Rozpr. 12. 31 *ránbóg* Rozpr. 10. 240 *rambóczek* Хор. Przycz. Первая часть уже не склоняется и падежные суффиксы присоединяются только къ основѣ второй составной части.

Rán Jezus сливается въ одно слово *rániezus* Rozpr. 8. 220, склоняемое только во второй части: „Drożej kupił jak żydzi *Raniezusa*“ Орканъ „Nowele“ написанныя на подгальскомъ говорѣ, стр. 130. Форму *raniezusa* встрѣчаемъ тоже въ рассказѣ (тоже подгальскомъ) Андрея Стопки *Bibl. W.* 1899 г. I. 168.

Сюда же относятся чешскія слова: *rántata*, *ranimata*, а также русское Царьградъ, которому отвѣчаетъ въ польскомъ языкѣ сложное слово *Carogród*. Въ косвенныхъ падежахъ слово Царьградъ, оставаясь еще на ступени сочетанія, склонялось въ обѣихъ частяхъ: Царяграда, Царюграду, но когда оно перешло въ область сращеній, тогда первая часть перестала измѣняться: Царьграда, Царьграду и т. д. О формѣ Цариградъ было высказано уже нѣсколько различныхъ мнѣній. Кажется, однако, что форма Цари—появилась подъ вліяніемъ аналогіи съ такими сложеніями, какъ: Ростиславъ, Мстиславъ и т. д.

II. Въ первой части стоитъ прилагательное.

Wielkanoc (Пасха). Теперь для обозначенія пасхальнаго дня употребляется: или сочетаніе *wielka noc*, обѣ части котораго склоняются: *wielkiej nocy*, *wielką nocą*, или же сращеніе *wielkanoc*, склоняющееся только во второй части: *wielkanocy*, *wielkanocą*. Въ XV и XVI вв. сращенія еще не было; въ памятникахъ того времени ни разу не встрѣчается форма *wielkanocy* или *wielkanocą* и даже соотвѣтствующее сочетаніе появляется тамъ сравнительно рѣдко. Въ ВЗ. Пасха обозначается словами: *przyscie*, *święto prześnic*, *wielkie święto* и т. д., даже Вуекъ употребляетъ только слово *phase*.

Изрѣдка однако въ старопольскихъ памятникахъ выступаетъ выраженіе *wielka nos*, повидимому съ трудомъ приобрѣтавшее право гражданства въ языкѣ. Итакъ имѣемъ: *miłoszcinę wielkiu nosu* XV в. *Rozpr.* 23. 306 *po wielice nosu* 1450 г. Б., стр. 36. *uczynicie wielką nos* BZ. 230. *Wielki nosu* 1436 г. *Rozpr.* 23. 306. Въ *Biblia Leopoldy* (Линде): *wielką nos niechaj sprawnija; zowią wielką nosą; żeby uczynili wielką nos*. Даже изъ болѣе позднихъ писателей Линде не приводитъ ни одного примѣра формъ: *wielkanos*, *wielkanosą*. Изъ этого можно заключить, что срощеніе *wielkanos*, *wielkanosy*, *wielkanosą* только въ послѣднее время появилось въ языкѣ, и такъ какъ оно ново, то не успѣло еще вытѣснить изъ употребленія формъ: *wielkiej nosy*, *wielką nosą*.

Параллельно съ появленіемъ срощенія *wielkanos* замѣчается перемѣна въ образованіи производнаго прилагательнаго. Линде изъ памятниковъ XVI и XVII вв. приводитъ только прилагательное *wielkoposny*, правильное сложное слово съ основой въ первой части: единственный примѣръ: *wielkanosne jaje*, будто бы взятый изъ Стрыйковскаго, несомнѣнно переписанъ ошибочно. При другихъ же выраженіяхъ: *święcone wielkanosne*, *chleb wielkoposny* Линде не указываетъ источника, т. е. онъ эти выраженія заимствовалъ изъ современной живой рѣчи, а не изъ старой книги. Теперь слово *wielkoposny* совсѣмъ вышло изъ употребленія, и всѣ говорятъ: *wielkanosny*. Для этого послѣдняго прилагательнаго темой служить срощеніе *wielkanos* (родит. пад. *wielkanosu*), а для прилагательнаго *wielkoposny* темой служило сочетаніе или синтаксическое выраженіе *wielka nos* (родит. пад. *wielkiej nosy*).

Менѣе устойчивымъ срощеніемъ представляется *dobranos*. Въ выраженіяхъ: *powiedzieć komu dobranos*, *rosałowac na dobranos* мы имѣемъ дѣло со срощеніями, которыя не чередуются съ сочетаніемъ *dobrą nos*. Такое сочетаніе двухъ винит. пад. можно развѣ слышать въ языкѣ людей, желающихъ придать своей рѣчи оригинальный оттѣнокъ, или въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ *Karł. Sl. gw. pols.* На-

противъ того въ выраженіяхъ: *nie powiedzieć dobrej posy*, *nie powiedzieć dobranocy* въ первомъ случаѣ имѣется сочетаніе (не срощеніе *dobranocy*), а во второмъ слово *dobranocy* употребляется какъ будто въ функции несклоняемаго нарѣчія. Итакъ въ ряду падежныхъ формъ здѣсь чередуется срощеніе съ сочетаніемъ.

Еще слабѣе срощеніе *dzieńdobry*, которое явственно выступаетъ только въ нѣкоторыхъ говорахъ: *po dzieńdobrym Karł. Sł. gw. pols.*

Нѣкоторая склонность къ срощенію составныхъ частей замѣчается въ сочетаніи *rzeczpospolita*, которое обыкновенно склоняется: *gzezcy pospolitej*, *gzezczą pospolitą*. Но такія формы, какъ им. пад. *gzezczpospolita* и вин. п. *gzezczpospolitą*, вызвали появление (только у единичныхъ писателей) и такихъ новообразованій, какъ род. пад. *gzezczpospolitej*, твор. пад. *gzezczpospolitą* и т. д.

Только, можетъ быть, кажущимся срощеніемъ представляется слово *zdobrawoli* (вм. *z dobrej woli*, добровольно), *Хор. Przycz.* На первый взглядъ можно бы полагать, что сочетаніе *dobrawola* перешло въ область срощеній и тогда образовалось нарѣчіе *zdobrawoli*. Но присутствіе такихъ нарѣчій, какъ: *zdobradziwu*, *zdobramiru* *Хор. Przycz.*, указываетъ на то, что эти слова могли повліять на замѣну формы *zdobrywoli* формой *zdobrawoli*. Впрочемъ въ этомъ отношеніи трудно сказать что-нибудь положительное, такъ какъ въ нѣкоторыхъ говорахъ очень часто слышится выраженіе *zdobrawoli*, между тѣмъ какъ выраженія *zdobradziwu*, *zdobramiru* едва ли тамъ извѣстны. Поэтому и предположеніе о срощеніи *dobrawola* можетъ быть допущено.

Cudzysłów (кавычки) представляется страннымъ словомъ: вторая часть образована по аналогіи со словами, имѣвшими когда-то суф. -ъ и самостоятельно не существуетъ въ языкѣ; первая же часть согласуется въ родѣ съ этимъ вторымъ производнымъ словомъ. Такой типъ сложенія представляется единичнымъ и его ви́шній видъ сразу указываетъ на искусственное происхожденіе этого слова. Линде, объясняя его значеніе, приводитъ только соотвѣтственное мѣсто изъ грам-

матки Копчинскаго, и можно съ большою увѣренностью полагать, что Копчинскій и выдумалъ этотъ грамматическій терминъ. Сообразно законамъ словосложенія изъ выраженія: *cudze słowo* или *cudze słowa* можно бы въ крайнемъ случаѣ ожидать сложнаго слова: *cudzosłów*, или сращения *cudzesłów* да и тогда еще трудно было бы объяснить форму второй части. Но, несмотря на свою искусственность, этотъ терминъ привился и теперь слово склоняется: *cudzysłowu, cudzysłowem* и т. д.

Psikus (злая, остроумная шутка) изъ *psi kus*. Вторая часть этого слова встрѣчается также въ сложеніи съ предлогами: польск. *zakus* рус. искусство; ср. также польск. глаголь *kusić*. На сращеніе словъ *psi kus* повліяло то, что слово *kus* перестало самостоятельно употребляться въ языкѣ и вслѣдствіе того выраженіе *psi kus* сдѣлалось сперва сочетаніемъ, имѣвшимъ опредѣленное значеніе, а потомъ его составныя части совершенно срослись другъ съ другомъ.

Бранныя слова: *psiakrew, psiawiara, psiajucha*, представляются такими же неустойчивыми сращениями, какъ: *wielkanos, dobranos*. Чаще эти слова склоняются только во второй части, но иногда слышатся формы косвенныхъ падежей въ обѣихъ частяхъ. Замѣчательно то, что въ косвенныхъ падежахъ въ первой части слова *psiakrew* появляется форма *psie-*: *psiekrwi, psiekrwią* и т. д. Она представляется формой род. пад. съ потерей согласнаго *j* (ср. *dwunastu, rołodnie, tygodniowi, swywola*).

Въ нѣкоторой степени сходное явленіе замѣчается при словѣ *białydzień*. Именно въ говорахъ *Karł. Sł. gw. pols.* встрѣчаются выраженія: *bieleдня, śród białyдня*. Повидимому изъ древнихъ сочетаній двѣ формы подверглись сращенію составныхъ частей: им. пад. *białydzień* и мѣстн. пред. *bieleдни, bieleдниu*, а потомъ каждая изъ нихъ послужила темой для другихъ падежей: *bieleдня, białyдня* и для производныхъ словъ: *bieleдниowy Karł. Sł. gw. pols.* ср. чешск. *bíledně*.

Sowizrzał (*sowizdrzał*) (шутникъ, сорвиголова) собственно

принадлежитъ къ разряду прозвищъ и представляется бу-
квальнымъ переводомъ нѣм. Eulenspiegel.

Подобныя сращения не чужды и другимъ славянскимъ
языкамъ: уважемъ хотя бы на рус. злыдни, чешск. povměsíc
изъ нѣм. Neumond и т. д. (Замѣчательно, что при именит.
пад. злыдни является и родит. пад. злыгодни ср. между
прочимъ заглавіе драмы «Кіевская Старина» 1901 г., май-
ская книжка, стр. 118).

Всѣ вышеприведенныя слова восходятъ къ сочетаніямъ,
которыя развились въ одномъ направленіи: ихъ составныя
части примкнули настолько крѣпко другъ къ другу, что со-
четаніе перешло въ область сращеній, склоняющихся только
во второй части, между тѣмъ какъ первая часть сохранила
неизмѣнную форму именительнаго падежа, рѣже родитель-
наго и въ одномъ случаѣ мѣстнаго падежа. Переходъ этотъ
совершился постепенно, но непосредственно: въ области явле-
ній, относящихся къ новымъ временамъ, замѣчается періодъ
колебанія между сочетаніемъ и сращеніемъ, временная ихъ
равноправность въ языкѣ, но никогда не является сложеніе
съ основой въ первой части, какъ посредственное звено между
даннымъ сочетаніемъ и сращеніемъ.

Другія же сочетанія, повидимому ничѣмъ не отличающіяся
отъ предыдущихъ, развились въ другомъ направленіи: пер-
вая ихъ часть, первоначально имѣвшая форму падежа, со
временемъ замѣнилась основой, т.-е. сочетаніе перешло въ
область сложеній.

Такъ, напр., при синтаксическомъ выраженіи *dobry but*
(*but dobry*), *dobrego butu*, *dobremu butowi* и т. д. существуетъ
сложеніе *dobrobut*. Совмѣстное ихъ существованіе въ языкѣ
объясняется однако не полной тождественностью значеній, впро-
чемъ весьма близкихъ: *dobry but* чаще всего обозначаетъ
благосостояніе отдѣльнаго человѣка или семьи, между тѣмъ
какъ *dobrobut* имѣетъ болѣе обширное значеніе: благосостоя-
ніе (матеріальное) вообще и можетъ относиться къ личности,
народу и даже цѣлому человѣчеству. Сложное слово (точно
также какъ и сращеніе), появившись въ языкѣ, послѣ нѣ-
которой борьбы вытѣсняетъ сочетаніе, изъ котораго оно

произошло. Совмѣстное существованіе сложенія (какъ и сроченія) съ сочетаніемъ кратковременно. Въ XVI в. существовало только сочетаніе *biała głowa* (женщина), обѣ части котораго склонялись по падежамъ: *białą głowę* BW. 3. 6, *białe głowę* у Бѣльскаго и т. д. Многочисленные примѣры этого сочетанія приведены въ словарь Линде изъ памятникъ XVI, XVII и XVIII вв. Между тѣмъ теперь имѣется только сложное слово *białogłowa*, по крайней мѣрѣ въ литературномъ языкѣ. Въ нѣкоторыхъ говорахъ борьба между сочетаніемъ *biała głowa* (род. пад. *białej głowy*) и сложеніемъ *białogłowa* еще не кончилась, такъ какъ тамъ обѣ формы встрѣчаются на ряду другъ съ другомъ, напр., въ мазовецкомъ говорѣ *Karł. Śl. gw. pols.* Но ни сроченій въ родѣ *białagłowy*, *białagłowie*, ни производныхъ словъ отъ такого сроченія: *białagłowski* нѣтъ ни малѣйшаго слѣда въ языкѣ. Есть только: или сочетаніе или сложеніе, а въ производныхъ словахъ только основа въ первой части *białogłowski*.

На одномъ экземплярѣ сочиненія Опеця «*Żywot Pana Jezu Krysta*», изданномъ въ 1522 году, гдѣ кто-то въ концѣ XVI или въ началѣ XVII в. зачеркнулъ нѣкоторыя, повидимому, устарѣлыя слова и выраженія и надписалъ надъ ними другія, мы между прочимъ находимъ, что *vm. jawnego grzesznika* написано *jawnogrzesznika*, и *vm. jawni grzesznicu* написано *jawnogrzesznicu* Pr. Fil. III, 679. Такимъ образомъ преемственность этихъ формъ здѣсь подтверждается документально.

Упомянемъ еще: *nowe latka* и *nowolatki* (новогодніе калачи) *Łop. Przycz. winne grono* и *winogrono* (не *winno* —), наконецъ добрыя дѣтели въ Панноскомъ житіи св. Меодія (изданіе П. А. Лаврова, 1899 г., Москва, стр. 6) и рус. добродѣтели.

III. Определеніемъ служить мѣстоименіе.

Swawola, swywola (своеволие, шутка, дѣтская веселая игра). Исторія этого слова почти тождественна съ исторіей слова *wielkanoc*. Въ XVI в. мѣстоименіе *swa* и существительное *wola* еще встрѣчаются какъ члены синтаксическаго выраженія: *gdym tym troskliwszym był, z swej woli szedł do was.* Bibl.

Леор (Линде), т.-е. по своей волѣ. Но чаще уже тогда эти два элемента соединяются въ одно постоянное сочетаніе и ихъ значеніе суживается: *Bez praw i rządu, samopas i swej woli*. Tu w Polsce jedni ludzie są w wielkiej niewoli, a drudzy w wielkiej swy (вм. swej) woli. Dziecię ze zbytniego pieśzczenia w swą się wolą wda; (примѣры изъ словаря Линде). «*Trąba koronna naprzeciwno swej wolej ruskiej napisana r. 1648*» Кв. Hist. 1899 г., стр. 589. Все это уже двучленные сочетанія, объединенныя еще не формально, но уже семасіологически, узкимъ, спеціальнымъ значеніемъ: здѣсь swa wola значитъ не „своя воля“, но „своеволие“, „злоупотребленіе свободой“. Наконецъ сочетаніе перешло въ разрядъ срощеній, но срощенію подверглись двѣ формы: именит. и родит. пад. *swawola* и *swuwoli* (вм. *swejwoli*) и отсюда имѣемъ теперь: *swawola*, *swawoli*, *swawole*, *swawolą* и *swuwola*, *swuwoli*, *swuwole*, *swuwolą*.

Параллельно съ этимъ замѣчается перемѣна въ формѣ производнаго прилагательнаго. Отъ сочетанія въ XVI в. правильно образовалось прилагательное *swowolny*: *zwierzęta swowolne* (Линде), но отъ срощенія имѣются теперь производныя слова: *swawolny*, *swuwolny*, *swawolić*, *swuwolić*.

Tydzień (недѣля). Это слово въ теперешнемъ значеніи встрѣчается уже въ раннихъ памятникахъ польскаго языка. Такъ, наприм., въ рукописи XV в. приложенной къ Гнѣзненскимъ проповѣдямъ (Нерингъ. „*Kazania Gnieźnieńskie*“ „*Rozpr.*“ 25. 96) читаемъ: „*Zandnych szwyanth nye maczue wtym to thegodny*“. Затѣмъ изъ XV в. приводимъ еще два примѣра *tegodny* BZ. 89 (*hebdomadae*) и *tydny* BZ 123 винит. пад. множ. числа (въ Вульгатѣ *hebdomadibus*). Изъ болѣе позднихъ памятниковъ выписываемъ по словарю Линде и по книгѣ Калины „*Historja języka polskiego*“: изъ XVI в. единств. число: родит. пад. *tegodnia* (Линде; Кал. 43) вин. пад. *tydzień* (Линде) мѣстн. пад. *tegodniu* (Кал. 61); множ. число: родит. пад. *tegodniow* (Кал. 83) *tegodni* (Кал. 83) мѣстн. пад. *po tegodniach* (Кал. 98) *w tegodniach* (Кал. 98). XVII в.: единств. число: родит. пад. *tydnia* (Линде) *tygodnia* (Кал. 43) мѣстн. пад. *tydniu* (Линде) *tygodniu* (Кал. 61);

множ. число: имен. пад. *tegodnie* (Кал. 77) родит. пад. *tygodniow* (Линде) винит. пад. *tydnie* (Линде). XVIII в.: единств. число: родит. пад. *tygodnia* (Линде) творит. пад. *tygodniem* (Линде); множ. число: родит. пад. *tygodni* (Кал. 84) винит. пад. *tydnie* (Линде).

Итакъ мы имѣемъ данныя для того, чтобы съ нѣкото-
торой долей вѣроятности возстановить древнее склоненіе
этого слова и прослѣдить перемѣны, происшедшія въ этой
области съ теченіемъ времени. Правда, что намъ недостаетъ
нѣсколькихъ формъ, особенно изъ XV вѣка, но уже изъ
находящихся налицо можно узнать, что вообще въ кос-
венныхъ падежахъ, по крайней мѣрѣ въ единственномъ числѣ
въ первой части сложенія появлялась неизмѣнная форма *tego*—
(*w tym thegodny*). Мы предполагаемъ, что въ имен. винит.
пад. един. числа и въ имен. вин. пад. (*tydny BZ*) множ.
числа въ первой части сложенія стояло *ty*, а во всѣхъ
остальныхъ падежахъ—форма *tego*.

На основаніи фактовъ, имѣющихся налицо изъ XVI в.,
можно полагать, что въ это время все еще осталось по-
прежнему и только въ XVII в. появились новыя формы:
здѣсь уже форма *tego* почти совсѣмъ исчезаетъ; правда,
мы ее встрѣчаемъ въ Библии Гданской 1632 г. (*tegodnie*),
но сюда она могла попасть изъ болѣе ранняго перевода.
Напротивъ того, форма *ty* и *tygo* встрѣчаются безразлично,
хотя впрочемъ для имен. вин. пад. множ. числа намъ не-
достаетъ примѣровъ съ *tygo*; можетъ быть въ этихъ двухъ
падежахъ удержались еще древнія формы съ *ty*. Но въ
остальныхъ падежахъ произошли перемѣны: или форма *tego*
подъ вліяніемъ аналогіи съ формой *ty* перемѣнилась въ
tygo или форма *ty* перешла и въ косвенные падежи. Оттого
является: *tygodnia* при *tydnia* Въ XVIII в. форма *tygo* какъ
будто ужъ совсѣмъ вытѣснила изъ косвенныхъ падежей
форму *ty*, которая осталась только въ имен. вин. пад. един.
и множ. числа. Наконецъ теперь въ литературномъ языкѣ
форма съ *ty* вытѣснена даже изъ имен. вин. пад. множ.
числа и осталась только въ имен. вин. пад. един. числа, такъ
что теперь форма съ *tygo* кромѣ этихъ двухъ падежей гос-

подствуеѣтъ во всѣхъ остальныхъ, не исключая даже зват. пад. един. числа *tygodniu*, а также и въ производныхъ словахъ: *tygodniowy*, *tygodniowo* и т. д. Вторая часть сложенія конечно склоняется и всегда склонялась по образцу простаго слова *dzień*; (въ нѣкоторыхъ говорахъ взяла верхъ, напротивъ, форма съ *ty*).

Но теперь является вопросъ, какъ объяснить происхожденіе слова *tydzień*, представляющагося довольно страннымъ и по формѣ и по значенію.

Во-первыхъ, что касается формы, то если въ первой части искать указательнаго мѣстоименія *тѣ*, на что между прочимъ указываютъ намъ формы съ родит. пад. *tego*, то слѣдовало бы ожидать не *ty*, но *te*, такъ въ *teraz*, т. е. со звукомъ *e* какъ замѣстителемъ полугласнаго *ь*. Во всякомъ случаѣ теперешнія формы съ *ty* и съ *tygo* (*tego*) въ первой части восходятъ къ двумъ, а можетъ быть тремъ падежнымъ формамъ древнихъ сочетаній, которыя подверглись сращенію составныхъ частей самостоятельно, независимо другъ отъ друга: родит. пад. един. числа *tegodnia*, винит. пад. един. числа *tdzнь* и винит. пад. множ. числа *tydъni*.

На это намъ отчасти указываютъ данныя нѣсколькихъ славянскихъ языковъ: итакъ въ чешск. при *týden* имѣется указательное мѣстоименіе *tý* изъ *tъji*; словинск. *teden* восходить къ *tdzнь*, а хорватск. *tjeden* по И. В. Ягичу Arch. 20. 521 произошло изъ *tdjedънь* цсл. *тѣждѣ днь*. Здѣсь всѣ эти формы могутъ восходить къ сочетанію имен. вин. пад. един. числа мѣстоименія *тѣ* и существительнаго *днь*. Даже и въ польскомъ языкѣ форма *ty* встрѣчается въ другихъ сращеніяхъ, напр., *tyle* (столько) *рóty* (до сихъ поръ); во второмъ изъ этихъ словъ она впрочемъ можетъ быть винит. пад. множ. числа. Форма род. пад. един. числа является не только въ польск. *tegodnia*, но и въ чешск. *téhodně*.

Относительно обстоятельствъ, при которыхъ произошло сращеніе составныхъ частей теперешняго слова *tydzień*, можно по недостатку историческихъ свидѣтельствъ высказать лишь нѣсколько предположеній. Замѣтимъ прежде всего, что это слово извѣстно западнымъ и нѣкоторымъ южнымъ сла-

вянамъ и нѣтъ его ни въ церковно-славянскомъ, ни въ русскомъ, ни болгарскомъ, и даже въ сербскомъ языкѣ. Оно составляетъ собственность только славянъ, принявшихъ христіанство по римско-католическому обряду. Поэтому мы въ правѣ предположить, что оно появилось въ церковномъ обиходѣ одного изъ этихъ славянскихъ народовъ и потомъ распространено было среди другихъ славянъ католическими священниками или монахами.

Вѣроятно же всего слово *tydzień* родилось на монастырской почвѣ: именно въ монастырской администраціи было много обязанностей, которыя исполнялись въ недѣльный срокъ поочередно священниками или монахами. Дюканжъ слово *hebdomadarius* объясняетъ: „*frater vel monachus, qui suas vices in ministeriis monasticis per hebdomadam exequitur*“. Въ его словарь находимъ слѣдующія категоріи такихъ монаховъ: 1) *hebdomadarius sacerdos*, 2) *hebdomadarius sacri*, 3) *hebdomadarius majoris missae*, 4) *hebdomadarius lector ad mensas*, 5) *hebdomadarius cantor*, 6) *hebdomadarius invitatorii*, 7) *hebdomadarius psalterii*, 8) *hebdomadarius chori*, 9) *hebdomadarius defunctorum*, 10) *hebdomadarius coquinae*, 11) *hebdomadarius minor*, 12) *hebdomadarius cellarius*. Конечно на всѣ эти недѣльныя должности настоятель монастыря долженъ былъ назначать по очереди монаховъ, вотъ и при этихъ назначеніяхъ могли войти въ употребленіе выраженія: *тѣ днь*, *ты дњи*, *тѣждѣ днь*, *того днѣ*, которыя послужили началомъ для позднѣйшихъ срощеній. Именно спеціальнаго названія, обозначающаго недѣльный срокъ, тогда еще вѣроятно не было въ языкѣ, и недѣля считалась отъ одного дня къ слѣдующему того же наименованія: отъ субботы до субботы, отъ вторника до вторника.

Поэтому мы сочли вѣроятнымъ предположить, что первоначально срощенію подверглись формы винит. пад. множ. числа (при назначеніи *hebdomadarius*'овъ на ты дњи, т. е. на семь дней недѣли) и род. пад. един. числа (при назначеніи этихъ монаховъ исправляющими должность до того днѣ, т. е. до дня того же наименованія). Эти двѣ формы послужили темой для другихъ падежей.

Замѣтимъ еще, что въ хорватск. и словинск. языкахъ нѣтъ болѣе формъ съ того въ первой части; въ чешск. языкѣ формы съ tého почти совсѣмъ вытѣснены формами съ tú въ первой части; напротивъ того, въ польскомъ литературномъ языкѣ формы съ tu остались въ имен. и вин. пад. един. числа, во всѣхъ же остальныхъ падежахъ являются формы съ tygo (изъ tego), и только въ нѣкоторыхъ польскихъ говорахъ совершился такой процессъ, какъ въ другихъ языкахъ, т. е. форма съ tu вытѣснила форму съ tego: tydzień, tydzień, tydzień и т. д. *Łop. Przycz.* Если предположить, что этотъ процессъ введенія однообразной темы во всѣ падежныя формы заканчивался раньше тамъ, гдѣ слово было древнѣе, то слѣдовало бы думать, что оно первоначально появилось у хорватовъ или словинцевъ, потомъ было перенесено въ Чехію и оттуда въ Польшу.

Простыми срощеніями представляются еще: польское *teraz* (теперь, собств. тотъ разъ), происхожденіе котораго относится ко времени, когда въ языкѣ существовала еще форма *tz*; русское *сегодня* (производное сегодняшній, образованное по аналогіи съ днешній отъ днесъ, ср. Лаврентьевскую лѣтопись, стр. 7: „до днешняго дне“ и „до сего дне“).

Отъ нѣкоторыхъ, часто повторяющихся выраженій образовались производныя слова съ падежной формой въ первой части: отъ *tego roku, tego lata, tego wieku* — *tegoroczny, tegoletni, tegowieczny*; отъ *co dzień, co noc, co rok* — *codzienny, conocny*. То же самое въ чешск. языкѣ: *tehoročný* и т. п.

IV. Въ первой части стоитъ числительное.

Въ польскомъ языкѣ, кажется, нѣтъ первичныхъ срощеній съ числительнымъ въ первой и съ существительнымъ во второй части, но къ этой категоріи относится цѣл. трижды, четырежды. Вторая часть этихъ словъ пишется различно: — жди, — шти, — шьды. Последняя форма представляется древнѣйшей и легко изъ нея вывести остальные. Ее надо считать такимъ же отглагольнымъ существительнымъ, какъ — легъ въ ночлегъ, со значеніемъ близкимъ словамъ: шествіе, ходъ.

Шмидтъ въ „Beiträge z. vergl. Sprachforsch.“ т. VII считаетъ это шьдз просто причастіемъ, но это мнѣніе ложно. Не только основное значеніе, но и форма винит. пад. множ. числа шьды ему противорѣчитъ. Въ церковно-славянскомъ языкѣ имѣются правильныя формы винит. пад.: тришьды, четыришьды, многышьды; по аналогіи съ три, четыри появляется семнышьды и т. д., а также сътишьды, которое по замѣчанію А. И. Соболевскаго Фил. Зап. 1900 г. III извѣстно въ памятникахъ въ значеніи сто разъ.

Относительно двашьды надо замѣтить, что вторая часть этого слова правильна (если слово шьдз имѣло основу на з) или же появилось по аналогіи съ тришьды и т. д. (если слово шьдз имѣло основу на о).

Польскія слова: *obapolnie*. (mutuo) Pr. F. 1. 488. Брюкнеръ Rozpr. 25. 164 *obapolność* Брюкнеръ Rozpr. 23. 279. (*vicissitudo*) принадлежатъ къ тому немногочисленному разряду производныхъ словъ съ падежной формой въ первой части, которыя повидимому образовались не отъ срощеній, а отъ сочетаній; въ данномъ случаѣ памятники не сохранили срощенія *обароѳу* и поэтому можно предполагать, что его и не было въ языкѣ, а существовало только сочетание этихъ двухъ словъ. Поэтому неудивительно, что является тоже производное *оборолну*, какъ *obowiążek*, *obojętny*. Впрочемъ, если даже предположить переходъ древняго *обаролну* въ новое *оборолну*, то все-таки это не можетъ служить доказательствомъ перехода срощеній въ сложенія: возможность такого перехода обусловлена только присутствіемъ слова *зоборолну*, производнаго отъ выраженія *z obu роѳи*.

Въ обѣихъ частяхъ стоитъ числительное.

Сюда относятся числительныя, обозначающія числа: 20, 30, 40 и 200, 300, 400.

Первое изъ нихъ звучитъ *dwadzieścia* или (въ говорахъ и у нѣкоторыхъ старыхъ писателей) *dwadzieście*. Слово *dwadzieście* встрѣчается уже въ XV в., напр., въ BZ. 74, въ Rt. M. 13 и т. д. Видно изъ этого, что *dziesięć* сократилось въ *dzieść* и было числительнымъ мужескаго рода, которое въ формѣ именит. пад. дв. числа перешло въ склоненіи

не основъ на *jo*. Форма *dwadzieście Rt. P. 20* имѣетъ окончаніе имен. пад. множ. числа по аналогіи съ *trzydzieście* и *czterdzieście*.

Эти послѣднія формы тоже аналогичны и произошли также, какъ им. мн. *wsie*, *pose* и т. д., подъ вліяніемъ формъ такихъ, въ которыхъ окончаніе е является правильнымъ, *kopie*, *poże*, *banie*, *ziemie* и т. п. Правильная во второй части и общеупотребительная форма этихъ числительныхъ звучитъ: *trzydzieści*, *czterdzieści*. Первоначально эти формы должны были звучать въ именит. пад. *trzedzieści*, *cztyrzedzieści*, а въ винит. пад. *trzydzieści*, *cztyrtydzieści*. Въ историческую эпоху являются только формы: *trzydzieści* и *czterdzieści*: *cztyrtydzieści BZ. 9 czterdzieści BZ. 128 czterdzieści Rt. P. 14; 15 trzydzieści Rt. H. 5*.

Въ косвенныхъ падежахъ обѣ части сложенія склонялись самостоятельно, наприм., род. множ. *wyżej trzy dziesiąt grziwien Rt. M. 13*. Древнія формы род. пад. *trzydzieści*, *czterdzieści* являются самыми обыкновенными въ памятникахъ: *trzie ze trzydzieści książąt BZ. 242 z trzydzieści grzywien Rt. P. 13 do trzydzieści lat St. Maz. 260; Ks. Ust. 38 podlye liczby czterdzyeszczu dnyow BZ. 104*. Эти формы можно считать сочетаніемъ двухъ родит. пад.

Изъ остальныхъ падежей имѣемъ формы: *przykazal dwuema a trsyem dzesstom BZ. 208 we trsyech dzesstoch lecyech BZ. 208 dwiemadziestu* во второй части по образцу *trzemidziestu* и т. д. (Калина).

Но кромѣ такихъ сочетаній двухъ падежныхъ формъ уже въ XV в., а еще больше въ XVI встрѣчаются другія: иногда слово остается несклоняемымъ: *we trzydzieści leciech BZ. 13. we cztyrtydzieści leciech BZ. 13 w czterdzieści lat F. 55. 6. był między trzydzieści pirwy BZ. 242; 243.*; иногда тоже появляется падежный суффиксъ только во второй части, напр., *wozami trzydziesiąt i dwiema BW. II 197* (эта форма *trzydziesiąt*, *czterdziesiąt* иногда слышится и теперь) и наконецъ образовалась для всѣхъ косвенныхъ падежей одна общая форма: *dwudziestu, trzydziestu, czterdziestu*.

Въ порядковыхъ уже въ XV в. измѣнялась только вторая часть: *czterdziesiątego* BZ. 126; въ XVI в. какъ и теперь: *dwudziesty, trzydziesty, czterdziesty* (ср. *czternasty, piętnasty*).

Названія чисель: 200, 300, 400 и до сихъ поръ представляются словами, обѣ части которыхъ разъединены: *dwieście* (форма *ście* им. пад. дв. ч. уже не встрѣчается самостоятельно) *trzysta, czterysta*. Въ др. польск. яз. обѣ части склонялись самостоятельно: *dwie ście idących k boju* BZ. 237 *ku czterzem stom mężow* BZ. 206. *ze trzemi sty* BZ. 96. *ze cztermi sty* BZ. 36, 99. *ze cztermi sty* BZ. 75. И теперь обѣ части могутъ склоняться: *dwieście, dwustu* или *dwóchset, trzechset, czterechset* и т. д., но также *trzystu* и *czterystu*.

Въ др. рус., какъ показываетъ Лавр. лѣт. 9: въ двою сотъ корабль, вторая часть стала рано употребляться неизмѣнной въ косвенныхъ пад., но въ большинствѣ случаевъ обѣ части склонялись точно также, какъ онѣ склоняются и теперь.

Упомянемъ еще о польск. и чешск. сложныхъ числительныхъ: *obadwa, obiedwie*. Сроцение двухъ сложныхъ частей этихъ числительныхъ завершилось особенно въ польскихъ формахъ: *obudwa, obudwie*, которыя склоняются только во второй части. Первая часть: *obu* — вѣроятно получила окончаніе *у* подъ влияніемъ аналогіи съ именит. (собств. винит.) пад. мн. ч. существительныхъ. У Калины находимъ только формы *obiedwie*, а нѣтъ *obudwie*. Видно, эта послѣдняя формація новѣйшаго происхожденія.

V. Слова сложные съ мѣстоименіемъ во второй части.

1. Существительныя и мѣстоименіе.

Dziś (сегодня, днесь). Древнѣйшую форму этого слова находимъ въ Kaz. Sw. именно *dinsa*, т.-е. *dzińsa* изъ *dnъńsa*. Конечное *а* надо считать продуктомъ аналогіи съ *wczoga* и другими нарѣчіями на *-а*. Такимъ образомъ первоначальная польская форма звучала *dnъńsa*, точно такъ же, какъ и въ др. русскомъ языкѣ.

Въ теперешнемъ польск. яз. она звучитъ двойко: *dziś* и

dzisia; въ ВЗ встрѣчаемъ dzisz въ ВВ (II. 195) dzisia. Въ ВЗ это слово повидимому еще склонялось: do dzysyego dnya (ВЗ. 220) теперь извѣстна только форма прилагательнаго dzisiejszy, dzisiejszego и т. д. По образцу dziś образовалось latoš (сего года) чешс. letos вм. latosie.

2. Прилагательныя и мѣстоименіе.

Къ срощеніямъ надо также отнести такъ называемую членную форму прилагательныхъ dobru, dobra, dobre и т. п. Вопросъ этотъ въ области русскаго языка выясненъ А. И. Соболевскимъ въ „Исслѣдованіяхъ въ области русской грамматики“ стр. 64 и слѣд. и въ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка“ изд. II стр. 135 и слѣд. Тамъ тоже сведены итоги изслѣдованій этого склоненія въ другихъ славянскихъ языкахъ. Мы видимъ, что 1) именит. пад. ед. и мн. числа во всѣхъ славянскихъ языкахъ состоитъ изъ именит. пад. прилагательнаго соотвѣтствующаго числа и рода и такой же формы мѣстоименія jі. 2) Тѣ падежи, въ которыхъ число слоговъ не увеличивается противъ именит. пад., только въ ц.-слав. яз. образованы по тому же принципу, т.-е. состоятъ изъ падежной формы прилагат. и соотвѣтствующей падежной формы мѣстоименія. Во всѣхъ остальныхъ слав. яз. остались только слѣды нѣкоторыхъ падежныхъ формъ, образованныхъ по этому принципу. Въ нѣкоторыхъ, напр., въ польскомъ, никакихъ слѣдовъ такого склоненія не имѣется. Вообще, здѣсь сильно преобладаетъ принципъ соединенія формы им. пад. м. р. съ подлежащей падежной формой мѣстоименія. 3) Во всѣхъ безъ исключенія славянскихъ языкахъ падежи, имѣющіе больше слоговъ, чѣмъ именительный, образуютъ членныя формы изъ соединенія им. п. ед. ч. м. р. и соотвѣтственной падежной формы мѣстоименія.

Въ польскомъ яз. только двѣ членныя падежныя формы *несомнѣнно* произошли изъ срощенія прилагательнаго и мѣстоименія, стоящихъ въ одномъ падежѣ, именно именит. пад. ед. ч. мужс. р. dobru изъ dobrъjі и им. пад. мн. ч. м. р. dobrzy изъ dobrjіjі. Всѣ остальные формы теоретически можно вывести изъ соединенія формы им. пад. ед. ч. мужс. р. и падежныхъ формъ мѣстоименія jі, ja, je. Конечно легко

вывести форму *dobrá* изъ *dobraja* и даже *dobré* изъ *dobroje*, но въ послѣднемъ случаѣ надо предположить, что удареніе стояло на мѣстоименіи: *dobré* изъ *dobro je*, какъ *mé* изъ *mojé*, *twé* изъ *twojé* (ср. рус. моё, твоё).

Выше мы упомянули о такихъ глагольныхъ формахъ, какъ: *jezdem*, *wlógem*, *plódem*, *piózem* и т. д., гдѣ имѣется звучная согласная вмѣсто беззвучной. Подобное явленіе замѣчается и въ словѣ *wielgi*. Народные говоры формы съ *-k* не знаютъ, и это слово *wielgi* нерѣдко встрѣчается въ польскихъ литературныхъ памятникахъ до XVI в., при чемъ иногда попадаетъ и *wieligi*, напр., *Veliga vez* (т. е. *Wieliga wieś*) 1275 Б., *weligee* въ *Флоріанскомъ псалтырѣ* и т. д. Очевидно на появленіе звука *g* не могъ повліять предыдущій звукъ *l* или *i*. Скорѣе можно предположить, что и здѣсь появленіе *g* было вызвано звучностью начальнаго консонанта слѣдующаго слова, т. е. мѣстоименія *ji*. Формы ж. и ср. р. *wielga*, *wielgie* произошли или изъ сочетаній *wielk-ja*, *wielk-je* или же пошли по аналогіи другихъ формъ, въ составъ которыхъ входитъ им. п. м. р. е. ч. (нечленнаго) прилагательнаго.

Въ остальныхъ прилагательныхъ подобное измѣненіе звуковъ не совершилось, или можетъ быть недолго удержалось повидимому подъ вліяніемъ формъ ср. р. нечленнаго прилагательнаго, которыя понынѣ употребляются въ функціи нарѣчій: *prędko*, *wysoko*, *szeroko* и т. п. Отъ *wielki* такой формы нѣтъ, а есть только *wiele*. Наконецъ, форма *wielgi*, существовавшая въ др.-польск. яз., вышла изъ употребленія въ литературномъ языкѣ подъ вліяніемъ аналогіи съ др. прил. на *-ki*.

Названія мѣстностей.

Весьма важныя указанія для исторіи сложныхъ словъ даютъ намъ названія мѣстностей. Не говоря уже о тѣхъ, которыя когда-то состояли изъ двухъ словъ и потомъ одно изъ нихъ потеряли, напр., *Czarna (rzeka)*, *Wielgie (sioło)*, *Stara (wieś)*, *Końskie (targi?)*, замѣчаемъ большое разнообра-

зіе формы среди остальныхъ названій, оставшихся до сихъ поръ двучленными: здѣсь появляются и сочетанія: *Biały stok*, и сращения: *Sadykierz*, и сложенія: *Suchodoły*, *Wielkowola*, *Starogród*.

Сочетанія объединены удареніемъ (въ имен. пад. и при томъ только тогда, когда вторая часть состоитъ изъ одного слога) и узкимъ значеніемъ, которое далеко не тождественно съ значеніемъ составныхъ его частей, когда онѣ появляются въ функціи двухъ отдѣльныхъ словъ, стоящихъ въ синтаксической связи: сочетаніе *Biały stok* — это названіе опредѣленнаго города; синтаксическое выраженіе *biały stok* обозначаетъ „бѣлый источникъ“, т. е. источникъ съ бѣловатой, глинистой водой. Въ морфологическомъ отношеніи характернымъ признакомъ сочетанія является то, что обѣ его части склоняются отдѣльно: *Białego stoku*, *Białemu stokowi* и т. д. Напротивъ того: сращеніе и сложеніе отличаются тѣмъ, что ихъ двучленная основа не измѣняется въ первой части ни въ косвенныхъ падежахъ, ни при образованіи производныхъ словъ: *Sadykierz*, *Sadykierza*, *sadykierski*, *Suchodoły*, *Suchodołów*, *suchodolski*.

Переходъ отъ сочетаній къ сращениямъ и сложеніямъ, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, совершается на нашихъ глазахъ. Такъ, напр., *Krasnystaw* можетъ склоняться: *Krasnego stawu*, *Krasnemu stawowi* и соотвѣтствующее тому производное прилагательное звучитъ *krasnostawski*. Съ другой стороны слышится и такое склоненіе: *Krasnystawu*, *Krasnystawowi*... и прилагательное *krasnystawski*. Точно также говорится: *Wielka wola*, *Wielkiej woli*, *Wielką wolą* и т. д. или: *Wielkowola*, *Wielkowoli*, *Wielkowolą* и т. д. Конечно производное слово здѣсь всегда имѣетъ форму: *wielkowolski*. Ни косвенныхъ падежей: *Wielkawoli*, *Wielkawolą*, ни прилагательнаго *wielkawolski* вовсе нѣтъ въ употребленіи. Итакъ, эти два примѣра показываютъ, что сочетаніе можетъ чередоваться только: или со сращеніемъ, или же со сложеніемъ, но не съ однимъ и съ другимъ вмѣстѣ.

Это подтверждается и исторіей географическихъ названій. Правда, что много такихъ двучленныхъ названій

уже въ старыхъ памятникахъ появляются въ видѣ сложныхъ словъ съ основой въ первой части, напр., Białogrod Dl. H. I. 338, Ciemnołas Dl. II. 370, Czarnokozince Dl. H. V. 494, Czarniegrod Dl. H. I. 40, Dobrotwor Dl. H. IV. 205, Dobrowoda Dl. H. III. 388, 398, Krzywopłoty Dl. II. 198, Łysobyki Mal. 332, Łysołaje Dl. II. 548. Ostrorog Dl. H. III. 425, Pstrokonie Dl. H. I. 19, Staroniwa Dl. I. 244, Tucznobaba Dl. II. 187, 194. Но такія сложенія въ большомъ количествѣ начинаютъ появляться только съ XV в. и въ болѣе древнихъ памятникахъ ихъ число значительно меньше. Такъ, напр., въ словарь Б. ихъ насчитывается только семь: Wyszogrod, Długopole, Długosiedło, Złotopole, Czarnotuł и непонятныя: Ołobok, Szamotuły, всѣ изъ XIII в. за исключеніемъ названія рѣки Ołobok, упоминаемаго уже въ XII в. Напротивъ того, сочетаній XIII в. насчитываемъ 26: Babinmost, Bozidom, Bealtarsk, Białewieże, Wieligawieś, Wielalęka, Wilczepole, Wirzbiecin przewoz, Wysoki brzeg, Wietrznagora, Zimnawodka, Kamienagora, Kobylągłowa, Lipiagora, Nowawieś, Nowygrad, Nowydwor, Padłagora, Psiepole, Sokola dąbrowa, Staralęka, Starygrad и Stargrod, Stary Odrowąż, Sutymost, Suchdoł, Ciepławoda. Нѣкоторыя изъ этихъ сочетаній уже въ XIII в. чередовались со сложеніями, напр., Staralęka—Starołęka, Ciepławoda—Ciepłowoda, совершенно такъ же, какъ теперь чередуется Wielkawola—Wielkowola.

Нѣкоторыя изъ этихъ сочетаній остались до сихъ поръ неизмѣнны, другія перешли въ разрядъ сложеній и можетъ быть сращеній, но перечислить случаи этого перехода нельзя, такъ какъ у Б. не указано географическое положеніе мѣстности, имя которой приводится въ словарь. Такъ какъ теперь есть мѣстности: одна съ названіемъ, напр., Białawieża, другая Białowieża, одна Nowygród, другая—Nowogród и т. д., то неизвѣстно, которое изъ этихъ названій упоминается въ памятникахъ, изслѣдованныхъ И. А. Бодуэномъ де Куртена.

Но мы изъ Длугоша (XV в.), Павинскаго (XVI в.), и новыхъ словарей какъ „Słow. Geogr.“, „Алф. Указ.“ и „Sko-gowidz“ извлекли цѣлый рядъ названій, которыя въ продолженіе XV до XIX вв. измѣнили свою форму. А именно:

Bealtarsk B. 1249 теперь въротно та же мѣстность Białotarsk.

Białebrzegi Dl. I. 507, Białebrzegi Las. I. 630 etc. — Białobrzegi (названія, при которыхъ не указанъ источникъ — современны).

Brzozowygaj 1391 r. H. pozn. Brzozowgaj Las. I. 16, 48, 49. Brzozogaj Wielk. I. 144.

Czarnylas Dl. H. V. 432 — Czarnolas.

Dębnarzeczcza Mal. 281 — Dambarzeczcza Las. I. 641, 645 — Dęborzeczcza.

Dębagora Las. I. 124 — Dębogóra.

Dębowałęka Dl. III. 86 etc. — Dębołęka.

Długalęka Dl. III. 343 — Długalęka Mal. 128 — Długolęka.

Długiepole Dl. III. 438 — Długopole.

Długiekąty Las. II. 455 — Długokąty.

Dobraciesz Dl. II. 254. Dobrociesz 1405 r. Ul. kr. 95 — Dobrociesz.

Gornawola Dl. II. 428, 429 — Górnawola.

Jaływęs Dl. I. 641, Jałowęsy Dl. I. 589, 637, 638, Jałowęsy Mal. 187 — Jałowęsy.

Końńskawola Dl. II. 472 etc — Końńskowola.

Krzywarzeczka Dl. II. 132 — Krzyworzeka.

Krzywarzeka Dl. I. 214 — Krzyworzeka.

Ostrałęka 1386 H. sier. Ostrałęka Wielk. 284 — Ostrałęka.

Ostrałęka Dl. I. 14 — Ostrałęka.

Opinagora 1479 Arch. Kom. Hist. VI. № 456. — Opinogóra.

Sowoklęski Dl. I. 489, Sowoklęski Mal. 123, 349, Soboklęski Mal. 123 — Samoklęski.

Sucheczasse 1394 H. sier. 110, 135 Suchoczasy.

Świątamarza Dl. I. 436, etc. Świątamarza Mal. 191. — Świątomarz (Sancta Maria).

Świniagać, Świnogać Wiel. 2. 30. — Synogać.

Tarnowa gora Mal. 74, 436. — Tarnogóra.

Łysekanie Dl. II. 22, etc. Łysokanie Mal. 64 466, — Łysokanie.

Wielagora Dl. II. 317—Wielogóra.

Wielawieś Dl. I. 386, 399. Wielawieś Mal. 203. —
Wielowieś.

Wieległowy Dl. II. 248.—Wielogłowy.

Wielepole Dl. II. 431, Wielepole Mal. 233.—Wielopole.

Wielgiepole Dl. I. 648, 649, 650.—Wielopole.

Wilczepole Dl. II. 540. Wilczepole Mal. 354. — Wil-
czopole.

Wielgimłyn Dl. II. 468.—Wielgomłyny.

Zimnydoł Dl. II. 56. Zimnodoł Mal 30.—Zimnodoł.

Изъ этого перечня мы видимъ, что, дѣйствительно, старья сочетанія съ теченіемъ времени часто переходятъ въ область сложеній, при чемъ, однако, переходъ этотъ совершается не одновременно у всѣхъ: нѣкоторыя, наприм., Długałęka, Ostrałęka, Wielawieś, Wielepole, Wilczepole еще въ XVI в. остаются сочетаніями, другія же: Brzozogaj, Sowokłęski, Świętomarza, Łysokanie, Zimnodoł уже въ XVI в. успѣли преобразоваться въ сложенія; наконецъ, есть и такія, форма которыхъ нѣкоторое время колеблется между сочетаніемъ и сложеніемъ: Dobraciesz—Dobrociesz, Jałuwęs—Jałowęsy. Повидимому это временное колебаніе составляетъ нормальный эпизодъ въ исторіи развитія сложныхъ словъ: это явленіе мы уже отмѣтили нѣсколько разъ.

Вышеперечисленныя двучленныя названія съ формой именит. пад. въ первой части не могутъ быть считаемы срощеніями: на это намъ указываютъ производныя слова въ родѣ: Dobrociescy nobiles Dl. II. 253; въ Wielepolski Dl. II. 26, Wieległowski Dl. II. 270 мы видимъ въ первой части не падежную форму, а мягкую основу на е, которое съ теченіемъ времени было замѣнено звукомъ о по аналогіи съ твердыми основами: Wielopolski, Wielogłowski какъ: Radziejowski, księżowski и т. д. Конечно нельзя для каждаго названія мѣстности отыскать соотвѣтствующее производное слово, не говоря уже о косвенныхъ падежахъ; но цѣлый рядъ дворянскихъ фамилій, какъ: Nowowieski (de nova villa) 1387 г. Н. pozn. 7 Starogrodzki 1387 г. Н. pozn. 21. 75 Zimnowodzki 1394 Н. pozn. 286 Nowomieskiemu 1400 г. Ul.

кг. 22 и др., а также отсутствіе такихъ же производныхъ словъ съ падежною формою въ первой части указываютъ на то, что въ XIV—XVI вв. еще между двучленными названіями мѣстностей не было срощеній, а были только сочетанія и сложенія. Потомъ случался и переходъ отъ сочетаній къ срощеніямъ.

На основаніи этого можно утверждать, что и такія первичныя сложенія, которыя мы находимъ въ памятникахъ XIII, XIV и XV вв. восходятъ къ сочетанію двухъ падежныхъ формъ: имени прилагательнаго и существительнаго. Białogrod къ Biały grod, Czyrniegrad къ Czyrni grod, Rytomoczydła къ Ryte moczydła, Kosobudy 1581 г. Pom. къ Kosebudy, Suchostrzygi 1583 г. Pom. къ Suche strzygi и т. п.

Одинъ разъ только мы замѣтили, что сочетаніе, чередующееся уже со сложеніемъ, все-таки какъ будто стремится къ срощенію. Именно у Dl. I. 159 читаемъ: et ibi fluvius Suchdol dividit, и въ слѣдующей строкѣ: et ibi etiam idem fluvius Suchdol dividit. Въ этомъ же томѣ, стр. 29, находимъ названіе деревни Suchodołek (cuius haeres Goworek Suchodolski); на стр. 120 и 130 эта же мѣстность названа Suchdoł. Затѣмъ во II томѣ находимъ на стр. 78, въ томъ же приходѣ Броцимовице мѣстность Sudoł (haeres Aegidius Sudolski) и въ другомъ приходѣ (Дзеронжня) другую мѣстность Sudoł собственность этого же Эгидія Судольскаго Dl. II. 65, 426. Въ третьемъ приходѣ (Андржеевъ) есть одна мѣстность Sudoł Dl. II. 72. Dl. III. 370. Наконецъ въ приходѣ Кельцовице былъ еще Sudoł Dl. III. 385 на мѣстѣ котораго возникла деревня Рудникъ. Теперь и рѣка называется Sudoł и три деревни въ трехъ выше указанныхъ приходахъ: Броцимовице, Дзеронжня и Андржеевъ одинаково называются Sudoł. При этомъ замѣтимъ, что Suchodołek Говорка Суходольскаго, и Sudoł вроцимовицкій Эгидія Судольскаго должны быть одной и той же мѣстностью, такъ какъ въ приходѣ Броцимовице теперь извѣстенъ только одинъ Sudoł или Sudołek. Извѣстно, что часть I тома Длугошъ писалъ въ 1440 г. и въ этой именно части упоминается Suchodołek Суходольскаго; остальная часть труда Длугоша

писана спустя 30 лѣтъ и въ продолженіе этого времени Suchodołek повидимому перемѣнилъ и названіе, и владѣльца.

Итакъ надо бы полагать, что: названіе рѣки и вродимовицкой деревни Suchdoł (сочетаніе) чередовались съ формой Suchodoł (сложение) и что потомъ эта форма Suchodoł была забыта, а сочетаніе Suchdoł перешло въ сращеніе Suchdoł и потеряло звукъ ch. Иногда дѣйствительно происходитъ что-то подобное: такъ, наприм., въ XV в. чередовались двѣ формы одного названія: сочетаніе Zimnowoda и сложение Zimnowoda Dl. I. 319, 320, теперь же извѣстно только сочетаніе (но не сращеніе) Zimna woda (родит. пад. Zimnej wody); въ XVI в. записано названіе Księżomost Mal. 253, 510, а теперь эта же мѣстность называется Księży most. Эти случаи можно бы объяснить такимъ образомъ, что извѣстное время было колебаніе между сочетаніемъ и сложениемъ и что здѣсь побѣда осталась за сочетаніемъ, которое могло перейти затѣмъ въ разрядъ сращеній. Гораздо чаще входила въ общее употребленіе форма сложения. Впрочемъ на переименованіе названія деревни вродимовицкой Suchodoł въ Sudoł могло очень легко повліять и то обстоятельство, что владѣльцемъ ея былъ Судольскій, названный этимъ именемъ отъ другой деревни Sudoł, принадлежавшей ему въ приходѣ Дзеронжня. Этотъ же послѣдній Sudoł равнымъ образомъ какъ и Sudoł въ приходѣ Анджеевъ могъ никогда не называться Suchodoł, а только Suchdoł. Замѣчательно еще одно, что древнія названія: Suchdoł, Suchodoł всѣ преобразовались въ Sudoł, между тѣмъ какъ мѣстности, называющіяся теперь Suchodoł, не упоминаются въ старыхъ источникахъ и повидимому были основаны въ новое время. Надо однако замѣтить, что явленіе, подобное переходу Suchodoł черезъ Suchdoł въ Sudoł встрѣчается и въ другомъ словѣ: именно мы выше отмѣтили форму XIV в.: Brzozowugaj. Это названіе въ XVI в. записано то Brzozowgaj Las. I. 16, 48, 49, то Brzozogaj Wielk. 1, 144, повидимому вслѣдствіе выпаденія звука w. Итакъ мы можемъ въ нѣкоторыхъ названіяхъ мѣстностей принимать переходныя формы нѣсколько странныя на видъ. Можетъ быть эти формы

являются слѣдствіемъ стремленія въ уясненію этимологій, т. е. послѣ возникновенія формы *Bozozogaj* нѣкоторое время чередовалась съ ней новая искусственная форма *Bozozowgaj* (какъ и *Suchdoł*).

Срощеній между названіями мѣстностей имѣется мало: *Sadykierz* (род. пад. *Sadykierza* изъ *Szadykierz* т. е. сѣдой, сѣрый вустъ); *Lisikierz* (родит. пад. *Lisikierza*) *Turzegłowy* (w *Turzegłowach*) *Biłgoraj* (форма очевидно малорусская) *Ociesęki* (никогда *Ociosęki* ср. *Ocise*, *Ocin*, *Ociesław* Б. 1249 г.); можетъ быть сюда также относится *Kampinos* непонятное *Leniczidool* 1443 г. *Arch. Kom. Hist.* VI. № 306 и др. Стремленіе въ срощеніямъ замѣчается особенно въ поморской (вашубской) области, наприм., *Stargard* (въ XVI в. обыкновенно въ первой части форма *Stara*—1583 г. *Pom.* при производныхъ: *Starogardensi*, *Stargardensis*) *Belgart* 1583 *Pom.* и т. п.

Названіе мѣстности *Sadykierz* въ XVI в. было еще сочетаніемъ, а не срощеніемъ: на это указываетъ производное прилагательное *Sadokierski Las*. 2. 57. 58, а не *Sadykierski*. Тамъ же находимъ фамилію *Babiedarowic Las* 1. 498 отъ *Babidar*.

Изъ срощеній заслуживаетъ вниманія названіе герба: *Koźlarogi* при *Koźlerogi* (первое см. *Dl. I.* 31, 61, 189, 190 и т. д.; второе *Dl. I.* 42, *Dl. H. II.* 144, 238 и т. д.). У *Длугоша* форма *Koźlarogi* преобладаетъ и даже теперь она сохраняется при формѣ *Koźlerogi*. Полагаемъ, что она происходитъ отъ первоначальнаго срощенія двухъ формъ дв. числа *Koźlaroga*. Какъ каждое срощеніе оно осталось неизмѣннымъ въ первой части, хотя вторая часть приняла суффиксъ имен. пад. множ. числа.

И въ остальныхъ славянскихъ языкамъ не трудно перечислить цѣлый рядъ географическихъ названій всѣхъ трехъ родовъ: вездѣ найдутся и сочетанія, и сложенія, и срощенія. Изъ этихъ названій упомянемъ только одно русское: *Новгородъ*. Въ *Лаврентьевской* лѣтописи постоянно встрѣчаются выраженія: отъ *Нова города* *Полн. собр.* I, 10 въ *Новѣ городѣ* *ib.* 52 *Нову городу* *ib.* 54 и т. п. Очевидно

мы здѣсь имѣемъ дѣло съ сочетаніемъ и потому мы ожидаемъ, что производное слово будетъ имѣть форму сложения съ основой въ первой части. Между тѣмъ, напротивъ, въ той же Лаврентьевской лѣтописи являются формы: новгородстїи 56, новгородци, новгородецъ, новгородцемъ 61 и т. д. Можно бы предположить, что формы: Нова города, Нову городу и т. д. не народны и заимствованы лѣтописцемъ изъ болѣе древнихъ памятниковъ, и что, напротивъ, формы: новгородецъ, новгородстїи—народны, заимствованы изъ живой рѣчи. Или же въ эпоху, когда была писана Лаврентьевская лѣтопись, названіе Новгорода переживало такое же колебательное состояніе, какъ теперь польское названіе *Krasnystaw*:

1) Новъ городъ.	Нова города.	Новогородецъ.
	<i>Krasny staw.</i>	<i>Krasnego stawu.</i>
		<i>Krasnostawski.</i>
2) Новгородъ.	Новгорода.	Новгородецъ.
	<i>Krasnystaw.</i>	<i>Krasnystawu.</i>
		<i>Kranystawski.</i>

Какъ теперь возможно встрѣтить у одного и того же писателя смѣшеніе формъ: *Krasnego stawu*—*Krasnystawski*, такъ и авторъ лѣтописи могъ смѣшать два разряда формъ, одинаково въ его время обычныхъ. Когда же окончательно взяла верхъ форма сроченія: Новгорода, Новгороду... тогда и чередованіе разнородныхъ по своему строенію формъ слѣдалось невозможнымъ.

Однако самымъ вѣроятнымъ представляется слѣдующее объясненіе: выше мы замѣтили, что въ производныхъ словахъ падежная форма является уже въ то время, когда еще въ ихъ первообразцахъ господствовало колебательное состояніе между сочетаніемъ и сроченіемъ. Такъ, напр., въ XVI в. въ польскомъ языкѣ чередовались формы *pięcinaście* і *piętnaście* и одновременно съ этимъ порядковое звучало *piętnasty*; затѣмъ Линде знаетъ уже производное *wielkanospu*, но не знаетъ сроченія *wielkanos*. Изъ этого можно предположить, что когда извѣстное сочетаніе чередуется со сроченіемъ, тогда въ производныхъ словахъ появляется падежная форма въ первой части. Она остается и тогда, когда первообразъ этого производнаго послѣ нѣкотораго (предполагаемаго) колебанія

обончательно остался на степени сочетанія (ср. *oburącz*, *trzechstronny*, русск. Обѣручевъ и т. п.).

Если же стремленія къ сращенію не было, въ такомъ случаѣ производное является съ основою въ первой части. Точно также и производныя названія мѣстностей имѣютъ въ такихъ случаяхъ основу въ первой части, напр., *Sierłowod* Б. 1239, *Gołonog* Dl. II. 188, *Wielopol* Dl. I. 10, *Białoborz* Dl. II. 441, *Długosiedle* Dl. H. II. 385, *Białowięze* Dl. H. IV. 537 и т. д. Въ первой части этихъ названій въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій до настоящаго дня не произошло никакихъ перемѣнъ.

Прозвища.

Прозвища людей вообще представляютъ ту же картину, что и названія мѣстностей. Разница заключается лишь въ томъ, что здѣсь значительно преобладаютъ въ старопольскомъ языкѣ сочетанія и мало встрѣчается сложений. Причина этого явленія понятна: прозвище, поскольку оно не сдѣлалось именемъ, исчезало вмѣстѣ со смертію носившаго его человѣка, не успѣвъ ни срастись окончательно, ни перейти въ разрядъ сложений.

Въ разсмотрѣнныхъ нами источникахъ мы нашли слѣдующія двучленные прозвища: *Bujiwąg* (*Bujiwodz?* въ памятникѣ *Bugiwoz*) (1167) Б. *Bujiwoj* Dl. III 28. *Bożiwoj* 1237 г. Б. *Czirnywąg* 1234 г. Б. *Kurzibok* 1292 г. Б. *Suchywilk* Dl. H. III. 332 *Starykoń*, *Starzykoni* Dl. III 278 *Pstręsto* 1254, 1262 г. Б. *Sziroke słowo* (1286) Б. *Krwawy Diabeł* Dl. H. 464 *Złydziej* Dl. I. 197 или *Złydzień* (то же самое лицо) Dl. III. 247 *Złydzień* (другое лицо) Dl. I. 461, *Kozirak*, *Żółtypysk*, *Ludzka szkoda* 1471 г. Брюкнеръ Arch. 19. 36.

Нѣкоторыя изъ этихъ сочетаній чередуются со сложениями: *Czirnywąg—Czirnowąg*, 1234 г. Б. *Kurzibok—Kurzebok* 1296 г. Б. и если бы были болѣе употребительны, тогда вѣроятно побѣдилъ бы въ нихъ типъ сложения, какъ,

наприм., въ Krzywosąd имени, встрѣчающемся довольно часто въ памятникахъ и восходящемъ по всей вѣроятности къ прозвищу Krzywusąd. Прозвище одного изъ рыцарей XIV—XV вв., записанное у Длугоша въ формѣ Złudziej, потомъ приняло форму Złodziej.

Другія прозвища, которыя въ эпоху, когда были записаны въ памятникахъ, представляли вѣроятно еще типъ сочетаній, теперь склоняются какъ простыя слова, т. е. перешли въ разрядъ сроченій: Bujiwasa, Bujiwoja Bożywoja, Suchywilka („Bibl. Warsz.“ 1900 г. VII стр. 185) Сюда же относится Sowizzał.

Конечно нельзя съ полной увѣренностью сказать, что эти прозвища уже въ XIII в. не были сроченіями, но относительно нѣкоторыхъ имѣемъ вполне достаточныя въ этомъ отношеніи указанія: такъ, наприм., при Starykoй записана форма множ. числа Starzykonie, а при Pstresto появляется производное слово pstrościcy 1243 г. Б. не pstreścicy.

Изъ первичныхъ сложеній, которыя уже въ древнѣйшихъ памятникахъ имѣютъ основу въ первой части, мы отмѣтили одно прозвище Białowaś (1136 г.) Б., которое такъ часто было въ употребленіи, что сдѣлалось фамильнымъ именемъ и теперь весьма распространеннымъ. Во вторичныхъ образованияхъ конечно стоитъ всегда основа въ первой части, наприм., Krziwousty (ca 1250) Б. Złotoust (1277) Б.

Между прозвищами, собранными у Маретича, находимъ слѣдующіе типы:

Сочетанія: Golklas, Golozlo, Grdnos, Kozirep. Эти двучленные слова можно также считать сроченіями, но для рѣшенія этого вопроса намъ недостаетъ данныхъ: ни косвенныхъ падежей, ни производныхъ словъ.

Сложенія: Bjelobrk, Lichomil, Zlotrg, Bjelobaba, Krivošija, Zlonoga, Zlovečera.

Производныя, кромѣ одного, именно Bielbradić, образованы отъ сочетаній или сложеній, а не отъ сроченій, такъ какъ имѣютъ основу въ первой части: Crnoglavac, Golojuh, Krivošić (ср. Krivošija), Radooča, Sviňoglav, Zlobra-

dić, Zlojutrić (отъ Zlojutro, которое можетъ быть сочетаніемъ, сроченіемъ или сложеніемъ) Zlokušan и т. д.

Наконецъ перечислимъ еще русскія прозвища, собранныя въ словарь Н. М. Тупикова:

Сроченія: Скорпанъ XVI в. Бурнось XVII в. Сроченіе Новадень XVI в. произошло такъ же какъ и польское swuwola. Производныя отъ сроченій: Злыгостевъ XVII в., Трилетовичъ XVII в.

Сочетанія: X в. Волчій Хвостъ; XIII в. Золотой Поясъ; XV в. Великая Шапка, Великіе Лапти, Кривыя Щеки, Лубяная Сабля; XVI в. Баранья Голова, Дрозжая Бабка, Тихое Лѣто; XVII в. Волчій Зубъ, Вострая Сабля, Вострой Кнутъ, Дутая Нога, Желѣзное Копыто, Красная Бакшта, Поганой Поль, Скорая Запись, Сѣченая Щека, Темная Денга, Черное Лихо, Четыре Здравья, Широкіе Штаны.

Сложенія: XV в. Бѣлогубица, Бѣлоусть, Голозубъ, Кривошея, Мокроусть, Сухонось; XVI в. Бѣловерхъ, Бѣлосоръ, Бѣлохвостъ, Голопыха, Лихолисть; XVII в. Бѣлогородъ, Бѣлоножка, Гнилозубъ, Желтонось, Кисловась, Краснояръ, Кривохижа, Пустовойтъ, Пустодоль, Пустодомъ.

Наконецъ, въ словарь находимъ въ значительномъ количествѣ производныя слова съ основой въ первой части, образованныя отъ сочетаній или сложеній, или сочиненныя по образцу другихъ сложеній, наприм.: Скороходъ, Дармоѣдъ, Долгополой и т. д.

Всѣ разсмотрѣнные нами случаи подтверждаютъ наше предположеніе о томъ, что сочетаніе можетъ перейти въ разрядъ сроченія или сложенія, т. е. что эти двѣ категоріи двучленныхъ словъ развиваются параллельно, не скрещиваясь другъ съ другомъ. За исключеніемъ двухъ географическихъ названій мы не замѣтили не одного случая, въ которомъ бы можно было признать переходъ отъ сроченія къ сложенію или обратно, въ области одного языка; такой переходъ, т. е. измѣненіе формы первой части, можетъ произойти только въ заимствованіяхъ да и то далеко не всегда: tudzień и нѣкоторыя другія слова этого типа вѣроятно заимствованы поляками отъ чеховъ, а все-таки на польской почвѣ не пе-

ремѣнили формы. Но, наприм., возникновение браточадъ изъ братуцадъ (о немъ мы будемъ говорить ниже) единственно можно объяснить вліяніемъ новой среды, въ которую проникло это слово.

Названія растений.

Ростафинскій въ своемъ сочиненіи „Słownik polskich imion rodzajów oraz wyższych skupień roślin“ (Краковъ, 1900 г.) указываетъ, что въ польскую ботаническую терминологию XVIII в. вошли между прочимъ: 1) польскія слова, переведенныя изъ иностранныхъ названій, напр., piaskowe ziele — Arenaria, porpielec — Cineraria и т. п.; 2) польскія новообразования, построенныя по аналогіи съ другими словами и имѣющія въ основаніи какой-нибудь характерный признакъ растений, напр.: dwuząb, niciennica, szepiec, или сходство съ другими растениями, напр., brzanka при ber; 3) полонизованныя слова, представляющія фонетическій переводъ иностранныхъ названій, напр., śmiałek — Schmile, gądziel — Günsel, ubiorek — Iberis, upatrek — Eupatorium, czystek — Cistus, przeniek — Prenanthus и т. д. Ботаническая терминологія сочинялась отдѣльными учеными сообразно ихъ личнымъ взглядамъ и вкусамъ.

Не иначе сложилась значительная часть ботаническихъ, а также зоологическихъ и минералогическихъ названій въ XV вѣкѣ, когда краковскіе ученые или самостоятельно изучали мѣстную фауну и флору, или переводили на польскій языкъ собранныя иностранными учеными названія различныхъ, часто неизвѣстныхъ въ Польшѣ растений и животныхъ. Вслѣдствіе этого здѣсь можно встрѣтиться съ формами, чуждыми другимъ категоріямъ словъ. Отмѣтимъ, напр., приведенныя выше изъ XV в. названія: toje, tojeść, tojest, sałujmie, niezaropinajmie, storzusewe и др., имѣющія вполне искусственный и, особенно въ XV в., совсѣмъ чуждый польскому языку характеръ.

Итакъ, буквальный переводъ изъ иностранныхъ языковъ

представляютъ слѣдующія названія: *bożydar* R. 172, 219 (по Ростафинскому изъ нѣмецкаго или латинскаго яз.) *dwielistecz*, *dwielistnik* R. 134 лат. *Bifolium*, *Kurzanoga* R. 158 — лат. *Pes pulli*, *kurzagłowa* R. 168 — лат. *Caput galli*, *łanieuszko* R. 125 — лат. *Auricula cervi*, *kurze trzewce* R. 265, 266 — нѣм. *Hunerdarm*; затѣмъ слова: *czrnobil* R. 331 или *pięci-ragśica* R. 194 носятъ на себѣ явные признаки чешскаго происхожденія; точно также: *hoře květ* дало польск. *gorzekwiat*, *gorzykwiat*, чешск. *jinorodec* R. 325 передѣлано въ польск. *jenorost* R. 325, а *zemolez* — въ *zimołza* R. 313; названіе птицы *krzywunos* R. 410 заимствовано изъ лат. *Loxia curvirostra*; при словѣ *hordovit* R. 235 прямо въ памятникѣ обозначено: *rutenice* и т. д.

Фонетическій переводъ между прочимъ составляютъ названія: *piotru ziele*, *pietra ziele*, *piotrowe ziele* R. 247, 315, 316 — лат. *Petroselinum*; *narszczek* R. 210 вѣроятно уменьшительное отъ лат. *Nardus*, при чемъ появились видоизмѣненія: *nostrzyk*, *nostrzek* и на подобіе сложныхъ *nocstrzeg*, теперь — *nostrzek* R. B.; изъ нѣм. *Kritzelmore* — польск. *krucmorka*, *kucmorka*, *kucmerka* R. 248; изъ нѣм. *Ziegenlinde*, средневѣк. *sigelinde* — польск. *cielejelito* R. 240. Вѣроятно такое же происхожденіе имѣютъ разнообразныя названія одного и того же растенія: *samozielon*, *samzielon*, *zimzielon*, *zimaziele*, *zimoziele*, *zimozielej*, *zimozielon*, *zimozieleń* R. 263, теперь *zimozielon* R. B., такъ какъ это разнообразіе можно развѣ объяснить вліяніемъ народной этимологіи. Можетъ быть также благодаря народной этимологіи появилось непонятное названіе *rzymbaba* R. 327, обозначававшее искусственно разводимое растеніе *Chrysanthemum Parthenium*.

Вслѣдствіе этого приема пополняютъ списокъ народныхъ названій иностранными, переведенными на польскій языкъ или только слегка полонизованными названіями, легко могутъ встрѣтиться среди двучленныхъ названій такія, которыя по своей формѣ отличаются отъ обычныхъ польскихъ типовъ, хотя, конечно, общій типичный характеръ такихъ двучленныхъ формъ чаще всего здѣсь сохраняется.

Такъ, напр., имѣются злѣсь сочетанія: *babimog* (при мо-

rzybab) R. 102, białmech, białpuch R. 331, gorzkigroch R. 206, winnegrono R. 232, czapinos R. 217, koziarzyc (также koziadrzyśc) R. 188, kozirożec R. 205, ptasze głowki R. 280, ostrymlec R. 344, prosianawłoc R. 332, wielkigroch R. 206, złota głowa R. 124, złota wirzba R. 137, wilczymlec R. 226, 227, 228 и мн. другія, позднѣйшія судьбы которыхъ неизвѣстны.

Изъ перечисленныхъ нами сочетаній нѣкоторыя уже въ XV в. чередовались со сложеніями, другія же перешли въ разрядъ сложеній позже; въ памятникахъ XV в. имѣются: gorzegroch, prośnowłoc, wielogroch, złotogłow, złotowirzba; въ настоящее время: wilczomlec R. B., winogrono. Это послѣднее слово также, какъ и kurześlepy, kurześlep и наконецъ kuroślep R. 265, 266 существующее понынѣ (kuroślep R. B.) перешло въ разрядъ сложеній, въ первой части которыхъ основа стоитъ въ функціи не имен., а родит. падежа.

Сложеній, которыя бы уже въ XV в. не чередовались съ сочетаніями, мы пашли мало: dobroran R. 225, suchowirzch R. 263, wieloroża R. 236, wszedobr R. 118, 153, 245, złotokwiat R. 172, złotowłos R. 125, 172, żółtowłos R. 172 и изъ царства животныхъ gołopticze R. 426 — маленький цыпленокъ.

Въ словахъ производныхъ всегда стоитъ основа въ первой части: drogozłot, drożezłot R. 268, czarnogłowiec R. 196 (изъ melancephis), czarnogłow R. 250, 281, suchogłow R. 281, żywokost R. 154, 193, 273, 274, 281, złotogłowiec, żółtogłow R. 124, złotogłow R. 124 (при złota głowa) теперь złotogłow R. B.; изъ названій животныхъ: białorzyt R. 417, inochodnik R. 449, jednożec R. 450, wielonog R. 388 (изъ лат. multipeda), wieloryb R. 450, wyszogniazdek R. 423, sadopior R. 431; наконецъ сложныя съ sto-: stokłosa R. 112, stoziarń R. 161, stogłow R. 244, stonog R. 102, 388, stolistnik R. 324. Единственное исключеніе составляетъ здѣсь слово ptaszygłow, которое развилось изъ первоначальнаго сочетанія ptasze głowki (см. ниже).

Г Л А В А III.

Срощенія съ формой косвеннаго падежа въ первой части.

1. Наричательныя имена.

Въ области этихъ двучленныхъ словъ различіе между сочетаніемъ и срощеніемъ не такъ замѣтно, какъ въ предъидущей категоріи, потому что указаніемъ здѣсь не можетъ служить форма косвеннаго падежа, а только форма производнаго слова. Такъ, напр., слово:

Karygodny (достойный наказанія) представляется дѣйствительно срощеніемъ, такъ какъ: 1) при немъ можетъ стоять нарѣчіе, какъ и при всякомъ другомъ прилагательномъ: *wiele, bardzo karygodny* и напротивъ того, нельзя сказать, напр., *człowiek bardzo śmierci godny*; 2) производныя слова: *karygodnie, karygodność* имѣютъ падежную форму въ первой части, между тѣмъ какъ въ производномъ словѣ отъ сочетанія—въ первой части стояла бы основа. По косвенные падежи этого слова не даютъ намъ никакихъ указаній; здѣсь одинаковыми представляются формы срощенія: *karygodnego, karygodnemu* и сочетанія *śmierci godnego, śmierci godnemu*.

Czcigodny (достойный уваженія) составляетъ такое же срощеніе, какъ и *karygodny*. Тоже говорится: *bardzo czcigodny, najczcigodniejszy, czcigodność*, всегда съ падежной формой въ первой части. При обоихъ этихъ срощеніяхъ употребляются и сочетанія въ обратномъ порядкѣ составныхъ

частей: *godny kary, godny czci*, но нѣтъ вовсе сложений: *karogodny, czciogodny*.

Wiarygodny (достоверный), напротивъ, чередуется съ *wiarogodny* и эта послѣдняя форма исключительно встрѣчается въ словарѣ Линде. Итакъ, здѣсь, повидимому, мы бы имѣли одинъ изъ тѣхъ очень рѣдкихъ случаевъ, въ которыхъ можно бы предположить переходъ сложения въ разрядъ сращения или, точнѣе, замѣну основы падежною формою въ первой части. Однако, хотя это слово дѣйствительно встрѣчается въ языкѣ и даже изрѣдка служитъ темой для производныхъ словъ, напр., *najwiarygodniejszy* (Ramułt „Statystyka ludności kaszubskiej“, стр. 9), *niewiarygodność* Rozpr. Hist. 39, 5 все-таки оно представляется явленіемъ очень рѣдкимъ и не только не вытѣснило собою сложения *wiarogodny*, но даже трудно прививается въ языкѣ. Производныя слова звучатъ: *wiarogodność, wiarogodnie* и т. д. и формы въ родѣ упомянутой: *najwiarygodniejszy* появляются крайне рѣдко. Несомнѣнно форма *wiarygodny* была вызвана въ новѣйшее время аналогіей со словами: *karogodny* и *czciogodny*. Значить, на ея возникновеніе повліялъ не какой-нибудь внутренній факторъ развитія, но чисто внѣшній.

Къ болѣе древнимъ явленіямъ этого рода принадлежитъ слово *żalamsza* (*funerale sacrum*) Pr. F. II. 279, относящееся къ XVI в. Однако нельзя съ увѣренностью сказать, имѣется ли здѣсь сращеніе или сочетаніе, такъ какъ это слово не встрѣчается въ болѣе позднихъ памятникахъ и современному языку оно чуждо. Въ пользу сращения говоритъ порядокъ составныхъ частей, такъ какъ въ случаѣ сочетанія мы бы скорѣе ожидали обратнаго порядка: *msza żala*. Теперь уже говорится не *msza żalu*, а *msza żałobna*.

Въ народныхъ говорахъ имѣется еще сращеніе: *bogaboju* въ куявскомъ и познанскомъ говорахъ Karł. Sł. gw. pols. *bogaboju* (*ib.*) при *bogobojny, bogobojnie* въ литературномъ языкѣ. И здѣсь мы думаемъ, что первоначальное сочетаніе двухъ словъ *boga boju* въ однѣхъ мѣстностяхъ срослось механически въ одно слово, а въ другихъ преобразо-

валось въ сложеніе съ основой въ первой части, и эта послѣдняя форма вошла въ литературный языкъ.

На непосредственный переходъ типа сочетанія въ типъ сложенія указываетъ еще разъ глосса въ упомянутомъ нами сочиненія Опеця = Pr. F. II. 689, именно старое выраженіе: *ku bogu myślności* (*chceszli ku bogu myślności dostąpić*) замѣнено новымъ словомъ: *bogomyślności*, въ которомъ основа *bogo-* замѣняетъ собою падежную форму съ предлогомъ *ku*.

Нѣкоторые, такъ сказать, ложныя сращения, происшедшія не изъ соотвѣтствующаго имъ сочетанія двухъ словъ, но рабски переведенныя изъ латинскихъ, обыкновенно не удержались въ языкѣ. Къ нимъ, напр., принадлежатъ *zakonapośca* F. 9. 20; 83, 7 (*zakonawydawca* P. 9. 20), точный переводъ лат. *legislator* (*legisdator*). Эти слова совсѣмъ вышли изъ употребленія и замѣнены новымъ: *prawodawca*, т. е. сложеніемъ, построеннымъ по образцу другихъ этого рода словъ.

Wszechtnosny, wszecztożny (всемогущій). Первое изъ этихъ словъ общеупотребительно и теперь, второе же устарѣло; оба по памятникамъ восходятъ къ XVI в. ср. *wszechnosny* BW. 100 и т. д. *wszechtożny* 1514 г. Pr. F. I. 66. Форма родительнаго падежа въ первой части, повидимому, не вызвана синтаксическими условіями и кажется не на мѣстѣ. При *wszechnosny* встрѣчается болѣе рациональная форма *wszechnosny Żyw. św. Eufr. Pr. F. III. 193*. Но всѣ эти формы съ *wszech-* и *wsze-* въ первой части встрѣчаются въ старыхъ памятникахъ довольно рѣдко и по всей вѣроятности онѣ появлялись сравнительно поздно подъ вліяніемъ аналогіи болѣе древняго слова —

Wszecztoğacy, wszetogacy (всемогущій). Параллели этой формации мы находимъ въ ц.-сл. *всьемогы*, въ рус. *всемогущій*, въ чеш. *všemohoucí* и т. д., вездѣ съ основой въ первой части. И въ польскомъ языкѣ первоначально стояла здѣсь основа, по крайней мѣрѣ на это указываютъ хотя и немногочисленные, но несомнѣнные историческіе факты. Итакъ въ памятникахъ XIV в. имѣется только форма *wszetogacy: wszetogacego* 1375 Nehr. 243, и 5 разъ, повторяющееся это слово въ *Kaz. Sw.* Затѣмъ въ XV в. рѣже встрѣчается

wsze (напр., 1440 г. Rozpr. 24. 77, начала XV в. Rozpr. 24. 83), чаще wszecz (1475 г. Pr. F. I. 61; BZ. 18, 31, 177; полов. XV в. Rozpr. 24. 356). Въ XVI в. имѣется уже только wszecz—(Żyw. św. Aleks. Spr. V и др.) равнымъ образомъ какъ и теперь исключительно встрѣчается въ употребленіи только форма wszeczmogący. Итакъ мы бы имѣли здѣсь переходъ типа сложенія въ типъ, названный нами сращеніемъ, или формальное подновленіе первой части. Такого подновленія, осмысленія мы не находимъ въ цѣломъ рядѣ другихъ двучленныхъ словъ да притомъ и здѣсь оно не вызвано какимъ-нибудь опредѣленнымъ факторомъ. Достаточно указать на обстоятельство, что отношеніе падежной формы wszecz къ причастью mogący совсѣмъ не ясно: это не можетъ быть ни род. пад. заступающій мѣсто винит. пад., ни какое-либо другое дополненіе. По нашему мнѣнію источникомъ для замѣны основы wsze падежною формою wszecz было какое-то недоразумѣніе, въ свою очередь вытекающее изъ обстоятельства, что слово wszeczmogący было ново; оно во всей вѣроятности впервые появилось въ религіозной письменности, переведенной изъ чешскаго языка, въ который это же слово проникло изъ церковно-славянскаго письменности. Здѣсь произошло то же самое, что и со словомъ благословить, которое въ польскомъ языкѣ видоизмѣнилось не только въ błogosławić, но и въ bogosławić. Но если образцомъ для этой послѣдней формы можно предположить вѣроятно извѣстное и поныне выраженіе sława bogu, bogu sława, то для wszeczmogący трудно найти и такую поддержку. Быстронъ въ своемъ изслѣдованіи о родит. пад. въ польскомъ яз. Rozpr. 22. 140 упоминаетъ, что прилагательное mosen сочетается съ род. пад. и приводитъ примѣръ изъ новаго автора Ржевускаго: nie był mosen alienowania ani odłuzenia. Если такое сочетаніе было присуще и древне-польс. яз., тогда оно могло послужить исходной точкой и для wszeczmogący, и для wszeczmosny. Возможно тоже предположить, что первоначально существительное wszeczmosny приняло форму wszeczmos, какъ бы „могущество всѣхъ“, сосредоточенное въ Богѣ; но для такого предположенія не имѣется историческихъ подтвержденій.

Памятники указывают только, что первоначально въ языкѣ появилось слово *wszemogący*, потомъ *wszemocny* и далѣе: *wszemogący*, *wszemocny*, *wszemóżny*. Въ словарь Линде записаны слѣдующія слова съ формой *wszech* въ первой части: *wszehdzielny*, *wszehmoc*, *wszemocność*, *wszemocny*, *wszehświąty*, *wszehwidny*, *wszehwidz*, *wszehwładca*, *wszehwładny*, *wszehwładztwo*. Нѣкоторыя изъ нихъ неупотребительны въ живой рѣчи и крайне рѣдко встрѣчаются въ памятникахъ. Замѣчательно, что форма *wszech* послужила основой для производныхъ словъ: напр., *rowszechny* повидимому произошло изъ выраженія *po wsze (czasy)*; *wszechnica* новое слово, переводъ лат. *universitas* имѣеть въ основѣ ту же форму.

Okamgnienie (мгновеніе) ср. чешс. *okamžení*, *okamžik* составляетъ собственно не срощеніе, а только сочетаніе, въ которомъ можетъ измѣняться порядокъ словъ: *w oka mgnieniu*, *w mgnieniu oka*. Замѣчательно только древне-польское *w ose mgnieniu* (у Опеця и Кохановскаго) *Rozpr.* 22, 69 по Быстрюню происшедшее изъ уподобленія, аттракціи двухъ падежей какъ и въ выраженіи *z pięciu ludźmi* вм. *z pięciu ludzi* *Rozpr.* ib. Это именно древне-польс. сочетаніе въ народномъ яз. срослось въ одно слово: *w osuminiu*, гдѣ вторая часть вслѣдствіе фонетическихъ измѣненій потеряла прежнюю ясность.

Psubrat (собственно братъ собаки, негодай, по значенію то же, что рус. *сукинъ сынъ*), по памятникамъ восходитъ не далѣе XVIII в. (ср. Линде), однако кажется, что это слово не новаго происхожденія. Какъ ругательство, оно легко могло не попасть въ древніе памятники, тѣмъ болѣе, что даже Пассекъ, передавая въ своихъ Мемуарахъ перебранки, повидимому, смягчаетъ ихъ тонъ; такъ, напр., онъ употребляетъ выраженіе *taki syn* вмѣсто очень сильнаго термина; у него мы напрасно искали слово *rsubrat* можетъ быть потому, что оно звучало въ тѣ времена слишкомъ ужъ грубо. И теперь это слово употребляется весьма рѣдко за предѣлами простонародной жизни. Нерѣдко даже интеллигентными людьми употребляемое слово *psiakrew* только въ послѣднее время начало

появляться на страницах натуралистических романов и повѣстей ради сохраненія надлежащаго колорита. Между тѣмъ слово *rsubrat* трудно объяснить на новой почвѣ. Такой поговорки, какъ приведенная въ словарь Линде изъ словацкаго языка „*pes psu brat*“, ни другой, сколько-нибудь похожей на нее, нѣтъ у Адальберга „*Księga przysłów, przurówieści i wyrażen przysłowiowych polskich*“. Нѣтъ тоже въ новомъ польскомъ языкѣ такого сложнаго слова, которое могло служить для *rsubrat* образцомъ. Между тѣмъ въ древне-польскомъ языкѣ мы находимъ аналогичное сложеніе, правда, только одинъ разъ встрѣчающееся въ памятникахъ.

Слово это—*Bogurodzica* (Богородица). Именно въ письмѣ канцлера Яна Конецпольскаго къ какому-то кардиналу объ избраніи Владислава Ягеллона на венгерскій престолъ, въ описаніи благодарственнаго богослуженія д. 8 марта 1440 г. читаемъ (*Monumenta medii aevi Poloniae XII. Codex epistolaris saec. XV, II* стр. 415): „*post eam (missarum celebritatem) consumatam Dno episcopo Cracoviensi Tedeumlaudamus et post Bogurodzicza in eadem ecclesia cathedrali Cracoviensi intonante cum ingenti iocunditate vulgus cum clero universo decantabat*“. Брюкнеръ формы *Bogurodzica* не считаетъ опиской ни опечаткой и, приводя это мѣсто въ „*Rozpr. 25, 255*“, говоритъ: „Обращаемъ вниманіе на первоначальный дативъ, *Bogurodzicza*, не *Bogarodzicza* по требованіямъ славянскаго синтаксиса“. Дѣйствительно этой формы *Bogurodzicza* нельзя считать ошибочной потому, что она повторяется еще два раза въ двухъ спискахъ XV в., сохранившихъ намъ текстъ упомянутой Конецпольскимъ древней пѣсни въ честь Богородицы. Эти два списка тѣмъ важнѣе для насъ, что они сохранили древнѣйшій текстъ пѣсни и относятся къ серединѣ XV в., между тѣмъ какъ всѣ другіе списки происходятъ изъ болѣе поздняго времени. Итакъ, краковскій I текстъ сохранился въ рукописи „*Decisiones rote magistri Wilhelmi Hortborg*“ 1408 года, но самъ гимнъ по Бобовскому („*Polskie pieśni katolickie*“, *Rozpr. 29*) относится къ серединѣ XV в. Краковскій II текстъ относится болѣе или менѣе къ тому же времени и замѣчательнъ тѣмъ, что онъ заключаетъ въ себѣ

только ту часть гимна, которая признана самой древней. Въ первомъ изъ этихъ текстовъ читаемъ: *Bogw rodzicza*, во-второмъ—*Bogv rodzicza*. Во всѣхъ остальныхъ текстахъ и другихъ памятникахъ, даже въ „*Chronica conflictus regis Vladislai cum Cruciferis*“, написанной очевидцемъ Грунвальдской битвы, находимъ только форму *Bogarodzica*. Изъ этого можно бы заключить, что краковскіе тексты XV в. и письмо Конецпольскаго сохранили намъ форму *Bogurodzica*, обычную въ болѣе раннія времена и вышедшую потомъ изъ общаго употребленія.

Остается еще спросить, какой формы требуютъ законы славянскаго синтаксиса, о которыхъ упоминаетъ Брюкнеръ. Въ Остромировомъ Евангеліи читаемъ (Матѳ. IV. 18): *Въ врѣмѣ оно. ходѣи иісѣ. при мори галилеистѣмъ видѣ дѣва брата симона нарицаемаго петра. и андреѣа брата ѿмоу*. Въ Зографскомъ Евангеліи въ этомъ мѣстѣ написано: *брѣтра єго*. Но въ другомъ мѣстѣ (Матѳ. IV, 21) оба памятника имѣютъ: *іоана брата ѿмоу*. Ассеманово Евангеліе въ обоихъ случаяхъ имѣетъ род. п.: *андреѣа брата єго, іоана брѣтра єго*. Маріинское Евангеліе имѣетъ на первомъ мѣстѣ: *брѣтра ієго*, а на второмъ — *брѣтра ѿмоу*.

Итакъ эти случаи показываютъ, что по правиламъ славянскаго синтаксиса при названіяхъ родства опредѣленіе можетъ стоять или въ родит. или въ дат. падежѣ.

Такой же дат. падежъ встрѣчаемъ еще въ двухъ прозвищахъ; одно изъ нихъ сербское: *Vinubrat* взято Маретичемъ изъ Дечанской хризовулы, второе — русское, *Богуматка*, извлечено Тупиковымъ изъ акта 1589 года.

Итакъ, если при словахъ: *brat, rodzica, matka* опредѣленіе можетъ стоять въ дат. пад., то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что такой же дат. пад. можетъ стоять и при словѣ *чадо*. Поэтому мы въ правѣ считать формой дат. пад. первую часть ц.-славянскаго *брѣтѣоуѣадо*. Повидимому это слово рано приняло характеръ полнаго срощенія, такъ какъ и производныя слова: *брѣтѣоуѣада, брѣтѣоуѣады* имѣютъ падежную форму въ первой части. Но при нихъ встрѣчается также форма *брѣтѣоуѣада* только одинъ разъ отмѣченная въ словарѣ Микло-

пича въ памятникѣ сербскаго извода и одинъ разъ у Востокова Сл. ц.-слав. яз. въ русскомъ памятникѣ. Ее можно объяснить какъ чисто индивидуальное на новой почвѣ видоизмѣненіе общеупотребительной цсл. формы братучад-.

Изъ старо-польскаго языка извѣстно еще одно сложное слово съ дат. пад. въ первой части: это названіе растенія bogubicz (*Rubus caesius* Rost. 195, а также: *Scorpio est quasi rubus acculeatus* i. e. bogubicz Rozpr. 24, 359 очевидно въ значеніи: bicz dla Boga, такъ какъ народъ вѣроятно это колючее растеніе считалъ орудіемъ страстей Господнихъ.

Первоначально Bogurodzica, а можетъ быть и Bogarodzica, было только сочетаніемъ, и оно могло перейти въ разрядъ сложеній подобно рус. Богородица, если это послѣднее слово появилось не сразу въ готовой формѣ по аналогіи съ другими сложеніями. Такому переходу въ польск. яз., по предположенію И. В. Ягича, Arch. 20, 666 и сл., помѣшало вліяніе лат. *Deipara*, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что слово Bogarodzica почти неупотребительно среди простаго народа, который предпочитаетъ ему выраженіе *Matka Boska*. Впрочемъ сочетаніе *rsubrat* хорошо извѣстно простонародію и все-таки не приняло формы *rsubrat*, т. е. оно перешло въ разрядъ не сложеній, а срощеній.

Еще одинъ случай дат. пад. въ первой части находимъ въ *bogulichy* Karł. Sł. gw. polsk. (бѣднякъ) и въ производномъ *bogulichnie* (слабо, вяло). Полагаемъ, что и это срощеніе восходитъ къ сочетанію *bogu lichy* (*lichy Bogu*, ср. *Bogu miły*, *Bogumił*), хотя по крайней мѣрѣ въ литературномъ языкѣ прилагательное *lichy* не сочетается съ дат. падежемъ. Иногда въ первой части срощеній стоятъ дат. п. возвратнаго мѣстоименія *sobie*, напр., *meretrix—niewiasta sobiewolna* XV в. Брюкнеръ Rozpr. 24. 84 и нарѣчіе отъ этого прилагательнаго: *temerarium—sobiewolnie* Брюкнеръ Rozpr. 25. 147. Другія подобнаго рода сочетанія замѣняются сложеніемъ съ основою *sobo-* въ первой части: современное *sobowótór*, названіе мѣстности *Sobowidz* 1583 Rom. и т. д.

Изъ формъ другихъ падежей, кромѣ род. и дат., встрѣчаются въ первой части срощеній только тѣ, которыя упо-

требляются самостоятельно въ функціи нарѣчій или предлоговъ. Такъ, напр., въ словарь Бод. находимъ: *Mezerici* 1015, *Mezerech* 1245, etc. *meserzecemsem* 1394 Н. *pozn.* 306 *medericensis* 1394 Н. *pozn.* 278 и *Mezyricze* (ca 1120) В. *Myedzyrzecze* (ca 1200) Б. *Medilanze* 1282 Б. *Medilese* (1245) Б. *medzirzeczki* 1394 Н. *Pozn.* 386 и т. д. Колебание между е и і нельзя объяснить безъ предварительнаго изученія ореографіи данныхъ памятниковъ.

Старопольскія срощенія съ нарѣчіями въ родѣ *złemuśca* Рг. F. II. 117 недолго удержались въ языкѣ вслѣдствіе искусственнаго ихъ характера, такъ какъ нарѣчіе не можетъ сочетаться съ существительнымъ въ функціи его опредѣленія.

2. Названія мѣстностей.

Говоря о нарицательныхъ именахъ, мы перечислили только срощенія или двучленные формы, имѣющія теперь видъ срощеній, но не происшедшія изъ первоначальныхъ, одинаковыхъ съ ними имѣвшихъ видъ, сочетаній (ложныя срощенія). Но достаточно посмотрѣть въ словарь, чтобы убѣдиться о громадномъ перевѣсѣ въ языкѣ сложений, въ первой части которыхъ стоитъ основа въ функціи падежной формы.

То же самое мы видимъ и среди географическихъ названій. И здѣсь подавляющее количество случаевъ имѣетъ уже въ древнѣйшее, доступное изслѣдованію время основу въ первой части, при чемъ во второй части безразлично появляются и такія формы, которыя могутъ употребляться самостоятельно, и другія, о которыхъ нельзя съ увѣренностью сказать, были ли онѣ когда-либо отдѣльными словами и, наконецъ, формы, навѣрно никогда не существовавшія самостоятельно.

Приводимъ здѣсь нѣкоторые: *Bogołomia* Wiel. II. 24. *Chroszczebrodl* II. 194, 195. *Chroszczobrod* Mal. 451, 453 (теперь *Chrószczobród*); *Głodomęk* Dl. II. 245. *Czołomyje*, *Igołomia* Dl. I. 55 etc. Mal. 6, 443. *Kołomyja* Dl. IV. 188, etc. (теперь *Kołomyja* рѣчка въ Ломж. губ. и городъ на рѣчкѣ *Коломыйкѣ*) *Kotropole* Dl. H. I. 389. 390 (*Kotra flumen* Dl.

I. 24. 39). Konojad Wiel. I. 12. 72 теперь Konojady; Krowodrza Dl. III. 200. Karwodrza Mal. 264, 548 и теперь Karwodrza; Krowodrza Dl. II. 221 теперь Kawodrza; Krowodrza Dl. I. 159 Mal. 4 и теперь; Kołodziąż, Konopat 1599 Pom. Konopacie 1583 Pom. теперь Konopaty, Konopat; Konotopa, Konotop, Konotopy, Kurozsank вм. Kurozvank 1287 Б. Kurozwęki Dl. I. 48, etc. Mal. 230, etc. Kwiatoniwski Dl. II. 181 (отъ Kwiatoniwa) Masłomiąca Dl. II. 2, 50, Mal. 21, 437 Rybojedzki 1391 Н. pozn. 160 (отъ Rybojady) Sobowidz 1583 Pom. Sobowidzensem ib. Turobin (вѣроятно отъ прозвища Turobija) Dl. Н. г. 25. Wilkogrzeby Mal. 467, 537. Wilkołazy Dl. II. 551, 552. Wilkołaz Mal. 355 и теперь; Wilkowyje Dl. II. 404, 425 Mal. 226 (теперь Wilkowa). Wilkojeczko Dl. III. 157, etc. Wilkowiecko Dl. III. 166 и теперь; Wołodrza Wiel. II. 18, II. 50. Żaboklik, Żabokrzeki; сложныя съ -ryja: Bogoryja 1282 Б. Dl. I. 323 etc. Czartoryja lacus Dl. Н. I. 30. Osoryja Dl. I. 69, etc. Złotoryja castrum (1242) (1252), etc. Б. Dl. I. 14, III. 324, etc.

Всѣ эти названія и понинѣ сохранили неизмѣнную форму правильныхъ сложений съ основою въ первой части и ни въ одномъ случаѣ не произошла замѣна основы падежною формою.

Напротивъ того, правда, въ одномъ только случаѣ, но все-таки мы имѣли возможность отмѣтить обратную замѣну падежной формы формою основы, и именно въ названіи *Mięsa sośnia* (*Miassa sossnia*) Wiel. II. 103, теперь *Mięsosośnia*. Оказывается, что въ XVI в. это названіе было простымъ, можетъ быть свѣжимъ сочетаніемъ двухъ словъ, и это сочетание въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи пошло по обыкновенному пути, благодаря которому появилось въ языкѣ столько сложений. Достаточно было образцовъ, чтобы и здѣсь вызвать появленіе основы на мѣстѣ падежной формы.

Однако не всѣ сочетанія подверглись этой участи: нѣкоторыя перешли прямо въ разрядъ сроченій. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ является названіе *Kodrąb* см. Брюкнеръ Arch. 21 (*Randglossen zur Kaschubische Frage*). По его мнѣнію слово *Kodrąb* восходитъ къ болѣе древнему *Kołodrąb* и представляется такимъ же образованіемъ, какъ рус. Коло-

друбъ и чешск. Kladruby. Въ такомъ случаѣ ł передъ dr исчезло раньше, чѣмъ сочетание oł передъ согласнымъ звукомъ было замѣнено сочетаніемъ ło, и вмѣстѣ съ исчезновеніемъ звука ł, форма kod- сдѣлалась непонятной этимологически и не могла быть замѣнена основой.

Кромѣ того въ разрядъ сращеній перешли еще нѣкоторые другія сочетанія, наприм., *Zmigrod* (1228 г. 1296) Б. Dl. Н. III. 23, Dl. I. 239, теперь *Zmigród* і *Żmigród*; *Barcigłowo* (можетъ быть вмѣсто первоначальнаго *Barcigłowa* или же это производное слово отъ прозвища *Barcigłowa*, *Barcigłow*); это названіе звучало такъ же въ XVI в. Wiel. I. 238, какъ оно звучитъ и теперь. Эти слова не даютъ намъ возможности доказать, что они восходятъ къ сочетаніямъ, но такое указаніе даетъ намъ названіе *Marcyporeba*: оно уже въ XV в. имѣло ту же форму: *Marciporaba* Dl. I. 193, но кромѣ того мы находимъ слѣдующее опредѣленіе той же мѣстности: „poramba, villa... cuius haeres Marcus do domo Radwan“ Dl. II 53. Въ XVI в. эта же деревня называлась по-польски *Poręba Markowa* Mal. 102, но повидимому сохранялось и латинско-польское ея наименованіе *Marci Poręba*, потому что окончательнo установилась форма *Marciporęba*. Оказывается такимъ образомъ, что названіе *Marci Poręba* въ XV и XVI вв. было только сочетаніемъ двухъ словъ: латинскаго и польскаго, и что ихъ взаимное отношеніе было всѣмъ вполне понятно. Иначе теперь: слово *Marcyporęba* представляется настоящимъ сращеніемъ; теперь уже оба составные элемента срослись вмѣстѣ и первая часть сдѣлалась даже непонятной для человѣка, не знающаго исторіи этого названія.

Прозвища.

Въ области старыхъ польскихъ прозвищъ нами не найдены случаи сращеній за исключеніемъ малопонятнаго *Siestrzewał* (1254) Б., въ первой части котораго можно бы видѣть дат. пад. *siestrze*, а вторую часть можно принять за чуждое теперь языку слово *wał*, которое встрѣчается только въ сложеніяхъ: *konował*, *kostiwał* и т. д.

Немногочисленны также собранныя нами сложныя прозвища съ основой въ первой части: *Kurołoch* 1471 г. *Arch.* 19. 206 *Wojewoda* *Di. N. I.* 74; *Kuropatwa* *Di. N. IV.* 400, при чемъ надо сказать, что всѣ эти слова, а по крайней мѣрѣ два послѣднія принадлежатъ собственно къ разряду нарицательныхъ именъ. Можетъ быть отъ старыхъ прозвищъ образованы производныя, наприм., *Sadłogoszcz* мѣстность *Wiel. I.* 154 отъ *Sadłogost*, *Turobin* отъ *Turobija*, но о формѣ этихъ прозвищъ нельзя имѣть понятія, такъ какъ слова *Sadłogoszcz*, *Turobin* могли одинаково произойти отъ сложений и отъ сочетаній. *Laskonogi* XIII в. какъ производное слово имѣетъ правильно основу въ первой части.

Между сербскими прозвищами, собранными *Маретичемъ*, слѣдующія имѣютъ падежную форму въ первой части: *Kotumil*, *Vinubrat*, *Paunkos* и *Pirivatrić*, отъ *Pirivatra*. При этихъ четырехъ формахъ стоятъ сравнительно многочисленныя съ основой въ первой части: *Kozoder*, *Kučkoder*, *Zivoder*, *Muchoberac*, *Rakooca*, *Rogouh*, *Salopek*, *Svilokos*, *Vodogažac*, *Vodorija*, *Vragooca*, *Vukobrad*. Одно только *Kozoder* взято изъ *Дечанской хризовулы*, остальные новы и образованы по аналогіи съ другими словами (нарицательными), относящимися къ этой категоріи по принципу своего сложения.

Обильнѣе матеріаль, собранный въ словарь *Тупикова*, но и онъ не даетъ намъ никакихъ прямыхъ указаній на развитіе сращеній и сложений изъ первоначальныхъ сочетаній. Здѣсь тоже встрѣчаемъ нѣсколько прозвищъ съ падежной формой въ первой части. Къ нимъ, можетъ быть, относится *Водмоль* XIII в. и странное по своей формѣ *Взорпоповичъ* XIV в., которое развѣ можно объяснить такъ, какъ польское *sztukamięs* (изъ *Взорпопъ*, а это въ свою очередь изъ *Взорпопа* съ род. пад. во второй части). Къ XVI в. относятся: *Богуматка* и *Чегодай*.

Всѣ остальные прозвища имѣютъ основу въ первой части, а именно: изъ XI (скорѣе XIV в.) *Сновидъ*; изъ XV в. *Боголѣпъ*, *Бѣсомыка*, *Волосомоя*, *Горемыка*, *Домотканъ*, *Звѣздочетъ*, *Мукосѣя*, *Рыболовъ*; изъ XVI в. *Бобѣдъ*, *Богоносъ*, *Верховодъ*, *Верхотравъ*, *Деревѣдъ*, *Дубо-*

толкъ, Жерносѣвъ, Золоторыинъ, Зубоволокъ, Кошкодавъ, Кровопускъ, Куроптичь, Куроѣдъ, Муковозъ, Мясопустъ, Мясоѣдъ, Рудомоинъ, Салогубъ и непонятное Шаповаль; изъ XVII в. Богомазь, Богомилъ, Богомоль, Быкодеръ, Водопьянъ, Гузномазь, Кожемяка, Коловѣй, Кологривой, Конопатка, Кововаль, Колонось, Костомаровъ, Костоусовъ, Куропоть, Курощупъ, Листопадикъ, Мухоморъ, Мышелапъ, Пахорувъ, Портомоинъ, Рудометь, Саловаръ, Салоѣдъ, Турносовъ.

Названія растений.

Среди новыхъ названій нерѣдко встрѣчаются сращения въ родѣ: babrosty, czerwitruj, czerwizera и т. п. Изъ болѣе древнихъ отмѣчаемъ: bogubicz R. 195 повидимому искусственное, такъ какъ при немъ стоитъ еще glogobicz, т. е. bicz glogu и męczygłóg; по причинѣ длинныхъ прутьевъ съ шипами народъ повидимому считалъ это растеніе однимъ изъ орудій страстей Господнихъ и отсюда bicz Bogu, т. е. dla Boga. Pięciparścica R. 193 заимствовано изъ чешскаго, такъ какъ иначе мы бы ожидали pięcipierścica (ср. pierścień при parastek); первая часть появилась такимъ же путемъ, какъ и въ dziesięcistrunny F. 143, 10, гдѣ въ другихъ мѣстахъ стоитъ w załtarzu dziesięci strun F. 32. 2, а также w załtarzu o dziesięci strun P. ib. Форма косвеннаго падежа такъ часто сочеталась со слѣдующимъ словомъ, что вошла и въ производное двучленное слово. Kostiwał R. 273 теперь kosztuwał несомнѣнно заимствовано изъ чешскаго, такъ какъ иначе было бы или kościwał или kostował; sz w kosztuwał тоже указываетъ на заимствование, такъ какъ оно встрѣчается вм. s въ заимствованныхъ: sztylet, paszport, Juliusz и т. п. Изъ этихъ словъ для насъ важнѣе другихъ bogubicz, потому что оно повидимому восходить къ чисто польскому сочетанію двухъ словъ.

И здѣсь также преобладаютъ сложенія: czartopłoch R. 243 (ср. русск. чертополохъ), glogobicz R. 195, gromotrząsk R. 185, gwiazdopad R. 89 (изъ латинск. stella cadens),

koniochron R. 213 (hippocrepis), lasomyk (при laskownik) R. 238, gosopaść R. 172, sianożęć R. 207 при многихъ другихъ названіяхъ: sianowiec, janowiec, janosiet (латинск. genesta), żnisiano и т. д. очевидно ради осмысленія слова; Slinogorka R. 126, zimostrad R. 182.

Зоологическія названія исключительно имѣють основу въ первой части: drzewotocz R. 373, grabołusk, grabołuszcz, grabołuch R. 410, чешск. itrocel R. 305; makolądwa R. 411, теперь makolągwa; osoryja R. 419.

Въ первой части именительный падежъ вмѣсто формы косвеннаго падежа.

Иногда въ сложныхъ словахъ основа, являющаяся въ функціи косвеннаго падежа (родит. или дат.) или форма косвеннаго падежа чередуется съ формою именит. пад., напр.: при czasoguśnicy Rozpr. 24. 342 имѣется czasaguśnicy 1472 г. Rozpr. 24. 375 ср. Rozpr. 23. 313.; въ чешскомъ языкѣ при lidomil и lidumil имѣется lidmil; польск. Bogumił Б. чередуется съ Bogmił: Bogmilone Б. Всѣ эти случаи можно легко объяснить: именно Bogmił, а также польск. Ludmiła и нѣкоторые другія личныя имена пошли въ этомъ направленіи благодаря особымъ аналогіямъ. Чешск. lidmil является также первоначально именемъ. Наконецъ czasaguśnik можетъ имѣть форму родит. пад. множ. числа въ первой части и притомъ это слово книжное, искусственное, появившееся въ языкѣ подъ вліаніемъ какого-то иностраннаго образца. Наконецъ упомянемъ еще слово русское: на кровьпролитѣ Лавр. 67 при кровьпролитіи, но здѣсь имѣемъ дѣло съ той аттракціей двухъ въ данномъ случаѣ винительныхъ падежей, о которой упоминалось при сочетаніи okamgnienie.

Нѣсколько иначе представляется слово Bogdan (1065); 1237 г., etc. Б.; правда, что это личное имя, и какъ таковое, оно могло тоже слѣдовать за специальными образцами; равнымъ образомъ при формѣ Bogdan попадаютъ формы съ XII в.: Bogudan и Bogodan 1175 г. Б. Но все-таки формы съ именит. пад. въ первой части являются обычными въ то

время, когда другія имѣютъ характеръ исключенія (ср. словарь Бодуэна де Куртене подъ словомъ богоданъ) и кромѣ того форма Bogdan является общей для всѣхъ славянскихъ языковъ. Но ни именит., ни родит. пад. (множ. числа) здѣсь не имѣетъ смысла, и поэтому надо допустить, что онъ заступаетъ мѣсто другого падежа: или дат., или, что вѣроятнѣе, творит. пад. падежа. Непонятно: Domauserke villa 1235 Б. при Domau rusticus (1136) Б.

Сюда можно отнести двучленные слова съ падежною формою оѣ- въ первой части, напр., сербск. oĉigledni при oĉevidni, русск. очевидный, чешск. oĉihledě, oĉevidomě. И. В. Ягичъ (Arch. 20. 530), говоря объ этихъ словахъ, замѣчаетъ, что здѣсь надо признать оѣ какъ исходную точку и что оѣ является болѣе поздней формой. По нашему мнѣнiю слово очевидный образовано совершенно правильно по образцу множества другихъ сложныхъ словъ, и напротивъ того конструція слова oĉigledni является неестественной. Мы это слово приводимъ въ связь съ извѣстнымъ церковно-славянскому языку словомъ *oczuwisty*. Въ Lex. Миклошича это слово имѣетъ различную форму въ первой части, а именно здѣсь при очи, является оѣ, т. е. какъ будто чередуются два типа: сращенiе и сложенiе, если бы это слово считалось двучленнымъ, состоящимъ изъ падежной формы или основы: очи, оѣ и какой-то предполагаемой причастной формы виста отъ глагола видѣть. Но такое объясненiе возбуждаетъ нѣсколько возраженiй: прежде всего мы видѣли, что въ первой части двучленныхъ словъ падежныя формы не чередуются съ основами, и затѣмъ предполагаемая причастная форма имѣетъ слишкомъ гадательный характеръ. Намъ случилось слышать другое объясненiе: что *oczuwisty* построено такъ, какъ и другія прилагательныя на *isty*: *promienisty*, *złocisty* и т. д. и отсюда предполагаемое *oczuyu* даетъ *oczuwisty*. Но суффиксъ *isty* присоединяется только къ основамъ существительныхъ, а не прилагательныхъ. Повидимому для уясненiя этимологии Миклошичъ (Lex.) приводитъ древне-немѣцкое *achiwiz* и прусское *askiwysty*. Но немѣцкiе словари формы *achiwiz* не знаютъ и неизвѣстно откуда

ее взялъ Миклошичъ, прусское же слово *akiwystu* (*ackewystin*, *ackuwistu*) по Брюкнеру (*Arch.* 20. 491) заимствовано изъ польскаго *oszuwiście*.

Остается искать этимологию этого слова на славянской почвѣ. Въ церковно-славянскомъ языкѣ имѣются слѣдующія формы: очевисто, очивисть и очивѣсть, а также съ суффиксомъ ѣн: очивѣстьно и очивѣстьнѣ; значить — только нарѣчія за исключеніемъ одного прилагательнаго съ вторичнымъ суффиксомъ. Въ польск. имѣется: прилагательное *oszuwiści* — *manifestus* XV в. *Pr. F. II.* 107. *oszuwiście* — *manifeste* XV в. *Rozpr.* 25. 164 и причастіе *oszuwistnion* — *praesens* XV в. *Rozpr.* 23. 297. У Линде изъ XVI в. только *oszuwisnie*, также теперь въ говорахъ: *oszuwisny* *Лор. Przycz.* между тѣмъ какъ прилагательное съ твердымъ окончаніемъ *oszuwisty*, а также существительное производное *oszuwistość* въ литературномъ яз. появляются только въ XVIII в. Изъ этого можно заключить, что это прилагательное ново и что ему предшествовало другое съ суффиксомъ ну: *oszuwistny*, или съ мягкимъ окончаніемъ *oszuwiści*, вѣроятно производное отъ *oszuwiść*, которому соотвѣтствуютъ формы посл. очивисть и очивѣсть. Эту послѣднюю форму мы считаемъ первичной и объясняемъ ее какъ сращеніе изъ очиво ксть. Прилагательное очивѣ неизвѣстно по памятникамъ, но имѣется безочивѣ — *imprudens*; звукъ *i* на мѣсто стараго *ѣ* или *ѣ* появился по видимому тѣмъ же путемъ какъ и въ *istota*, *istny*, *istotny* вмѣсто *jestota*, *jestotny*. Принимая такое объясненіе, мы легко можемъ объяснить и всѣ остальные образования: *oszuwiści*, *oszuwisnie*, *oszuwistnion*, а также болѣе позднее слово *gzeszuwisty*, *gzeszuwiście*. Замѣтимъ, что это послѣднее слово имѣеть то же значеніе, что и выраженіе: *w istocie gzeszy*.

Итакъ въ словѣ *oszuwisty* нѣтъ именит. пад. *oszy*, но все-таки древнее выраженіе очивисть, очивѣсть могло было пониматься какъ сложное съ очи и потому оно дало начало такимъ словамъ, какъ *ocigledni* и съ другой стороны по образцу настоящихъ сложныхъ съ основами словъ могло принимать форму очевисть, очевисто и т. д.

ГЛАВА IV.

Сложныя слова съ основою въ первой части.

1. Отношеніе срощеній къ сложеніямъ.

Крайнюю исходную точку для разсмотрѣнныхъ нами срощеній и отчасти сложеній въ ихъ историческомъ развитіи составляютъ синтаксическія выраженія, состоящія изъ двухъ элементовъ: опредѣляющаго и опредѣляемаго. Въ качествѣ этого послѣдняго элемента чаще всего появляется имя существительное, но случается также прилагательное, напр., въ выраженіяхъ *karu godny, czci godny, bogu lichy*, съ подразумеваемымъ существительнымъ. Опредѣляющимъ словомъ бываетъ: прилагательное, мѣстоименіе, числительное, существительное, при чемъ это послѣднее можетъ стоять въ именит. пад. *pan Bóg, pan Jezus* или въ косвенномъ (чаще всего родительномъ или дательномъ), иногда съ предлогомъ: *ku Bogu myślność*.

Значеніе такого синтаксическаго выраженія обусловлено исключительно только значеніемъ составныхъ его частей, т. е. имъ обозначаются всякаго рода предметы и понятія, общую черту которыхъ составляютъ признаки, обозначенные отдѣльными членами выраженія. Такъ, напр., *wielka wieś* обозначаетъ каждую большую деревню, *czarny las*—черный лѣсъ, *biały stok*—бѣлый источникъ, *dobry byt*—хорошее въ различныхъ отношеніяхъ состояніе, *wielka noc*—ночь, въ которую совершается что-либо великое, *swa wola*—своя, свободная воля и т. д.

Нѣкоторыя изъ этого рода синтаксическихъ выраженій, служа постоянно для обозначенія одного и того же предмета или понятія, получаютъ болѣе узкое значеніе, нерѣдко переносное: *swa wola* уже тогда обозначаетъ не вообще „свою волю“, а извѣстный ея родъ съ характерными специальными признаками: легкомыслія, неугомонности, вредныхъ послѣдствій и т. д.; *wielka noc* становится названіемъ ночи, въ которую празднуется годовщина Воскресенія Господня; *dobry byt* обозначаетъ только матеріальное благосостояніе; *wielka wieś* дѣлается названіемъ одной, въ данной мѣстности извѣстной деревни, названія *biały stok*, *czarny las* изъ источника или лѣса переносятся на цѣлую ближайшую мѣстность или селеніе; *czarny wąs*, *kurzy bok* становятся прозвищами людей, извѣстныхъ по этимъ характернымъ признакамъ. Объемъ этихъ выраженій уменьшается, и увеличивается ихъ содержаніе, иначе говоря, число предметовъ или понятій ими обозначаемыхъ уменьшается (часто до одного, и тогда выраженіе становится собственнымъ именемъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, увеличивается число подразумѣваемыхъ, т. е. не указанныхъ прямо характерныхъ признаковъ, заключающихся въ данномъ понятіи. Когда совершится такой процессъ перемѣны значенія, тогда синтаксическое выраженіе дѣлается сочетаніемъ.

Дельбрюкъ Grdr. 5. 140 и „Grundfragen“ 122 и слѣд. говоритъ, что всѣ сложные слова, т. е. и сложенія и сращения (*echte und unechte Composita*) представляютъ неразрывное единство двухъ понятій, и дальше поясняетъ, что сложное слово по своему значенію вовсе не то же самое, что синтаксическое соединеніе его составныхъ частей: *Bittersalz* не значить того же, что *bitteres Salz* и т. д. Изъ исторіи польскаго языка оказывается, что модификація значенія составныхъ частей синтаксическаго выраженія появляется раньше рожденія самаго сложнаго слова, именно она выступаетъ уже на почвѣ сочетаній. Иначе говоря, сложеніе понятій въ одно новое понятіе предшествуетъ сложенію словъ въ одно новое слово. Объ этомъ говоритъ и Вундтъ (*Völkerpsychologie* I. 611), гдѣ онъ обращаетъ вниманіе на то, что про-

дуктъ ассоціаціи двухъ понятій, воспринимаемый какъ единичное представленіе, можетъ и не выражаться посредствомъ одного сложнаго слова, но иногда обозначается парой словъ. Отсюда Дельбрюкъ (Grundfragen 125) дѣлаетъ выводъ, что надо признать существованіе слѣдующихъ категорій словъ: единичныхъ (Einzelwörter) и двойныхъ (Gruppenwörter, Doppelwörter), а эти послѣднія раздѣляются на соединенія непосредственныя (Kontaktverbindungen) и посредственныя (Distanzverbindungen). Оказывается однако, что и эти „Kontaktverbindungen“, поскольку они не произошли сразу путемъ аналогіи, восходятъ къ сочетаніямъ, которыя тождественны съ двучленными выраженіями, названными Дельбрюкомъ „Distanzverbindungen“.

Различіе между синтаксическимъ выраженіемъ и сочетаніемъ незначительно: въ психологическомъ отношеніи послѣднее обнаруживаетъ результатъ болѣе сильнаго дѣйствія ассоціаціи по смежности; съ точки зрѣнія логики, и одно и другое представляется логическимъ опредѣленіемъ; въ формальномъ отношеніи вся разница состоитъ въ томъ, что часто сочетанія носятъ одно общее удареніе, особенно если послѣдній (второй) элементъ состоитъ изъ одного слога, и что въ сочетаніи не такъ свободно какъ въ синтаксическомъ выраженіи составные элементы могутъ перемѣнять свое мѣсто, т. е. слѣдовать другъ за другомъ въ различномъ порядкѣ. Чѣмъ сочетаніе старше, тѣмъ больше закрѣпляется извѣстный порядокъ, очередь его членовъ; напр., въ новыхъ сочетаніяхъ *dobry byt, czci godny, kary godny* можно перемѣнять порядокъ словъ, но въ старыхъ: *wielka wieś, czarny las* это не допускается.

Относительно порядка, въ которомъ составные члены сочетанія должны слѣдовать другъ за другомъ, нѣтъ никакой постоянной нормы: чаще всего опредѣленіе стоитъ на первомъ мѣстѣ: *wielka noc, dobra noc, swa wola, biały dzień, biała głowa, jawny grzesznik, winne grono, ty dzień, dwa dzieciąta, trzy dzieciąta, Białe wieże, Białe brzegi, Dębna rzeczka, Zły dziej, Czarny wąs, kary godny, psu brat, Mięsa sośnia*

и мн. др.; рѣже на второмъ: *dzień dobry, rzecz pospolita, dzi-ś* и т. д.

Слѣдующую ступень въ историческомъ развитіи этихъ явленій составляетъ сплоченіе сочетанія въ одно слово: первая часть такъ тѣсно примыкаетъ ко второй, что вмѣстѣ съ ней составляетъ одну морфологическую единицу. Полученное этимъ путемъ механическаго соединенія двухъ элементовъ слово называемъ сращеніемъ. Сращеніе, вопреки словамъ Бругманна *) — по крайней мѣрѣ въ польск. яз. — только на видъ ничѣмъ не отличается отъ сочетанія, но въ сущности между ними есть рѣзкое различіе: обѣ части сочетанія склоняются отдѣльно, сращеніе же измѣняется по падежамъ только во второй части; отъ сочетанія образуются производныя сложные слова съ основою въ первой части, между тѣмъ какъ слова, произведенныя отъ сращеній, имѣютъ въ первой части падежную форму: *Krasny staw, Krasnego stawu* при производномъ *Krasnostawski* представляется сочетаніемъ; *Krasnystaw, Krasnystawu* при производномъ *Krasnystawski* является уже сращеніемъ. Зависимость формы производнаго слова отъ характера сочетанія и сращенія съ очевидной ясностью обнаруживается въ замѣнѣ болѣе старыхъ формъ: *wielkonosny, swowolny* болѣе новыми: *wielkanosny, swawolny* или *swuwolny*.

Сращенію могутъ подвергнуться сочетанія существительнаго съ опредѣленіемъ не только тогда, когда двѣ эти формы стоятъ въ именительномъ падежѣ, но иногда и формы косвенныхъ падежей, особенно родительнаго: отсюда получается *dwanastu* при *dwunastu*, *połednie* при *południe*, *rółnos* при *połunosny, psiakrwi*—*psiekrwi*, *swawola*—*swuwola*, *tydniowy*—*tygodniowy* (ср. мало-рус. злыдни—злыгодни), *trzystronny*—*trzechstronny*, *czterystronny*—*czterechstronny* и т. д. Иногда темой для склоненія и словопроизводства служить форма мѣстнаго пад. *bielednia, bieledniowy* при *białudnia*.

Процессъ перехода сочетаній въ сращенія не захватилъ сразу всѣхъ существовавшихъ въ извѣстное время въ языкѣ сочетаній: въ то время, когда одни сочетанія уже давно

*) „Eine feste Grenze zwischen syntaktischem Wortverband und Compositum ist nicht zu ziehen“ Grdr. II. 3.

сдѣлались срощеніями, напр., powszedni, południe, półtora, tydzień, другія еще сохраняли древній характеръ: wielka nos, swa wola и только потомъ перешли въ разрядъ срощеній; многія до сихъ поръ не измѣнили древняго характера сочетаній, (Biały stok и т. п.) и наконецъ въ каждое время нарождались и нарождаются новыя сочетанія. Итакъ, процессъ преобразования сочетанія въ срощеніе производится въ каждомъ случаѣ отдѣльно, независимо отъ другихъ того же рода явленій.

По замѣчанію Бругманна (Grdr. II. 4) „на каждой ступени развитія языка имѣются нарождающіяся сложныя слова, т. е. такія, которыя только еще становятся сложными словами (werdende Composita) и естественно очень часто нельзя различить, имѣется ли дѣло уже со сложеніемъ или же съ синтаксическимъ соединеніемъ словъ“. Но на почвѣ славянскихъ языковъ такое неясное состояніе можетъ быть замѣчено только въ области (неполныхъ) срощеній; напротивъ того, гдѣ является настоящее сложеніе (съ основою въ первой части), тамъ никакого сомнѣнія о природѣ даннаго слова быть не можетъ.

Равнымъ образомъ процессъ замѣны сочетаній болѣе тѣснымъ словосложеніемъ не приуроченъ къ какой-нибудь одной эпохѣ: рядомъ съ древними едва ли не обще-славянскими срощеніями, напр., Kodrąb, Колодубы, Kladruby (срощенія можно допускать даже для индо-европейской эпохи) являются новыя (wielkanos, swawola, sztukamięsa, wniebowzięcie, пісроі, karygodny и мн. др.), отчасти даже не вполне установившіяся (Krasnystaw).

Эта послѣдняя форма (Krasnystaw) показываетъ, что переходъ отъ сочетанія къ срощенію совершается не сразу, но что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ надо допустить известное промежуточное время, въ которое рядомъ являются двѣ формы: срощеніе и сочетаніе. То же самое находитъ Дарместетеръ во французскомъ языкѣ („De la création actuelle des mots nouveaux de la langue française“ 1877) говоря: „объединеніе составныхъ элементовъ въ одно слово является результатомъ времени и практики. Случается поэтому, что

нѣкоторыя выраженія колеблются между двумя состояніями: они не настолько упростились, чтобы сдѣлаться дѣйствительными срощеніями (*juxtaposés*), и слишкомъ уже просты, чтобы считаться синтаксическими выраженіями (*locutions spéciales*)". Авторъ для нихъ придумалъ особый терминъ: *locutions par juxtaposition*, напр., *centre droit, libre-penseur, chemin de fer* и т. п. и притомъ прибавляетъ: трудно (ожидать), чтобы срощенія (*des juxtaposés*) нарождались на нашихъ глазахъ, такъ какъ ихъ рожденіе есть результатъ предшествовавшихъ медленныхъ перемѣнъ" (стр. 125).

Но далеко не всѣ сочетанія переходятъ въ разрядъ срощеній или остаются сочетаніями: многія изъ нихъ сперва чередуются, а потомъ вытѣсняются изъ употребленія сложеніями съ основою въ первой части. Мы указали на несомнѣнный переходъ сочетанія въ сложеніе во многихъ случаяхъ, напр., *jawny grzesznik—jawnogrzesznik, ku bogu myślność—bogomyślność, biała głowa—białogłowa, Mięsa sośnia—Mięso-sośnia* и въ другихъ географическихъ названіяхъ. Вездѣ форма сочетанія предшествуетъ формѣ сложенія, относительно же того, что это были дѣйствительно сочетанія, а не срощенія (*jawny grzesznik, biała głowa* и т. д.) имѣются доказательства въ формахъ косвенныхъ падежей: *jawnego grzesznika, białej głowy* или производныхъ словъ, первая часть которыхъ является всегда въ формѣ основы. Прилагательныя въ родѣ: *dobrocieski, starogrodzki, zimnowodzki, nowomieski* указываютъ, что названія: *Dobraciesz, Starygród, Zimnowoda, Nowemiasto* были несомнѣнно не срощеніями, а сочетаніями. То же самое надо сказать о прозвищѣ *Pstresto* 1254 г. 1262 г. Б. при производномъ *Pstrościcy* 1243 г. Б.

Итакъ сочетанія могутъ переходить отчасти въ срощенія, отчасти въ сложенія. На вопросъ, какія причины вызываютъ появленіе въ одномъ случаѣ одного типа, въ другомъ—другого, не умѣемъ отвѣтить опредѣленно. Попытаемся, однако, предложить здѣсь нѣсколько общихъ соображеній.

Во-первыхъ замѣтимъ, что только незначительное число срощеній въ родѣ, напр., *Kodgrąb*, появляющагося въ трехъ славянскихъ языкахъ въ одинаковой формѣ, можно бы съ

увѣренностью отнести къ общеславянской эпохѣ. Даже такіа слова, какъ: *połtoga*, *południe*, *połnoc*, *jedenaste*, *piećdziesiąt* и нѣкоторыя другія изъ разряда названныхъ ненормальными могли появиться самостоятельно на почвѣ каждаго отдѣльнаго языка изъ однозвучныхъ сочетаній. Другія въ родѣ: *rowszedni*, повидимому, распространялись путемъ заимствованій. Еще менѣе совпаденій въ разныхъ славянскихъ языкахъ находимъ среди такъ называемыхъ нормальныхъ срощеній: числительныя — *dwadzieścia*, *trzydzieści*, *czterdzieści* развились вездѣ самостоятельно изъ сочетаній, слово *tydzień* распространилось путемъ заимствованій, и только общеславянскими могутъ быть срощенія: *dziś* и такъ называемая мѣстоименная или полная форма прилагательныхъ. Такъ какъ общеславянскихъ сложеній во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ предполагаемыхъ общеславянскихъ срощеній, то естественно предположить, что уже съ древнихъ временъ господствовало стремленіе замѣнять сочетанія сложеніями, а не срощеніями.

Во-вторыхъ въ области польскаго языка вообще сложеній больше, чѣмъ срощеній. Въ этихъ частяхъ нашего изслѣдованія, гдѣ была рѣчь о замѣнѣ древнихъ сочетаній срощеніями или сложеніями, изъ числа именъ нарицательныхъ мы привели больше примѣровъ срощеній, чѣмъ сложеній. Но это объясняется слѣдующими двумя причинами: прежде всего мы по необходимости имѣемъ здѣсь дѣло съ исторіей языковыхъ измѣненій только новыхъ сравнительно временъ, такъ какъ памятники не восходятъ раньше XIV вѣка; затѣмъ срощенія въ языкѣ болѣе рѣзко выдѣляются изъ числа другихъ категорій, и поэтому легче прослѣдить ихъ исторію. Напротивъ того, сложные слова, происшедшія въ новѣйшія времена, теряются среди множества другихъ или восходящихъ къ болѣе глубокой старинѣ, или образованныхъ сразу по образцу другихъ сложныхъ словъ, и поэтому выдѣлить ихъ изъ общей массы значительно труднѣе. Тамъ, гдѣ оба эти препятствія устраняются, имѣемъ совершенно другую картину, именно среди географическихъ названій. Срощенія здѣсь попадаются рѣдко: *Sadykierz*, *Lisikierz*, *Turzegłowy*, *Ociesęki*, *Kodrąb*, *Żmigrod*, *Barcigłowo*, *Marcyporeba* и нѣкоторыя дру-

гія или сомнительныя или заимствованныя (Biłgoraj), или, наконецъ, появляющіяся только въ нѣкоторыхъ говорахъ (Stargard, Belgard). Напротивъ того, громадный перевѣсъ имѣютъ здѣсь сложенія, въ первой части которыхъ стоитъ основа въ функціи падежной формы прилагательнаго или существительнаго.

На основаніи этого можно сдѣлать слѣдующее общее заключеніе: въ польскомъ языкѣ господствуетъ стремленіе замѣнять сочетанія сложеніями. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ особая причина или особыя причины помѣшали такой замѣнѣ, и тогда вмѣсто сложенія появилось сращеніе.

Изъ разсмотрѣнія сращеній можно сдѣлать развѣ такой выводъ, что почти въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дѣйствовала специальная причина, вызвавшая появленіе сращенія. Такъ, напр., въ словѣ Kodrąb рано была забыта этимологія первой части вслѣдствіе выпаденія l (въ русской и чешской формѣ затемнѣніе этимологіи могло быть вызвано перенесеніемъ звука d во второй слогъ); слово Bogarodzica вм. болѣе древняго Bogurodzica не было замѣнено формой Bogorodzica можетъ быть подъ вліяніемъ латинскаго Deiraga, какъ это предполагаетъ И. В. Ягичъ (Арх. 20); въ нѣкоторыхъ случаяхъ на сохраненіе падежной формы въ первой части могло повліять (въ области географическихъ названій и личныхъ прозвищъ) то обстоятельство, что данныя слова были записаны въ юридическихъ актахъ, и измѣненіе ихъ формы могло вызвать практическія затрудненія; иногда слово имѣло какъ будто священное значеніе, и форма его должна была оставаться неприкосновенной (такъ называемое „zawołanie“ Koźlarogi). Число такихъ факторовъ нельзя опредѣлить даже приблизительно и во многихъ случаяхъ относительно ихъ характера ничего сказать невозможно. Однако уважемъ еще на значительное число сращеній, въ первой части которыхъ стоитъ форма на -i, y: оставляя въ сторонѣ слова: rowsikij, rowsinoga, tydzień, trzydzieści, dziś, перечислимъ слѣдующія: psikus, sowizrzał, Lisikierz, Sadykierz, Kampinos (Kępinos), Bożywój, Kozirak, Kozirożec, bożydar, babimor, czapinos, za-biściek, czarcikęs, karygodny, czcigodny, Żmigrod, Barcigłowo,

Марсуроґа, а также: *długinoga*, *Kuninoga*, *Kurzynoga*, *ptaszygłów*, *Debięka*. Повидимому здѣсь надо признать вліяніе сложныхъ словъ съ глагольнымъ элементомъ на -i въ первой частн.

Чаще, чѣмъ въ польскомъ, появляются сращения въ чешскомъ языкѣ: *novměsíc*, *psíhlav* (при *psohlav*), *psívod*, *tštítroba* (*tštítroba*), *ledutřesení*, *mědilijec*, *solivarna*, *vladychtivost*, *zvěřilovec*, *lidumil* (филантропъ), *knihtisk* (типографія), *nohsled* (послѣдователь), *ganhoj* (врачъ) и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ переведены изъ нѣмецкаго языка: *Neumond*, *Hundskopf*, *Hundsführer* и т. д., другія образованы на нѣмецкѣй ладъ, ср. *Geburtstag*, *Blutsfreund*, *Brudersfrau*, *Liebesbrief*, *Perlenborte*, *Pflanzenkunde* и т. п.

Такъ какъ мы ни въ литературномъ языкѣ, ни въ области какого-нибудь говора почти не находимъ чередованія формы сращения и сложенія, поэтому мы въ правѣ заключить, что и сращеніе и сложеніе восходятъ къ сочетанію, но всегда изъ сочетанія можетъ образоваться только или сложеніе или сращеніе и нормально одно не замѣняется другимъ.

И въ остальныхъ родственныхъ языкахъ въ очень рѣдкимъ явленіямъ принадлежатъ чередованіе сложенія и сращения (ср. Бругманнъ *Grdr.* II, стр. 28, 38, 40, 42, 43, 52, 53) въ родѣ санскр. древняго *vākṛati-* при болѣе новомъ *vācāpāti-* (быть можетъ умышленное подновленіе для уясненія этимологіи, какъ въ польс. яз. *śudzałożec* вм. болѣе древняго *śudzołożec* Карл.). На почвѣ польскаго яз. имѣются еще: *bogaboju*—*bogobojny* Карл., *chleburad* при *chleboracz* Карл., *brodgołacz* при *brodogoł* *Sł. Wil.*, *dziśdzień* при *dzisie-dnia* Карл., *Bogumiła* 1447 *Rozpr.* 22. 55 при *Bogomił* (1233) Бод., *domarodny*—*domorodny* Линде. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ здѣсь можетъ быть чередованіе не сращения со сложеніемъ, а сочетанія (или нарочно разрозненнаго сложенія) со сложеніемъ, какъ, напр., *Biały stok*—*Białostok*, *wiary godny*—*wiarogodny*, *czarny księżnik*—*czarnoksiężnik*, *czarna księżnica*—*czarnoksiężnica* *Sł. Warsz.*, *chrzestny ojciec*—*chrzesnoociec* Карл., *chrzestna matka*—*chrzesnomatka* Карл., *czarne ziele*—*czarnoziele* Карл. Примѣровъ чередованія сращеній со сло-

женіями на почвѣ польскаго яз. наберется очень немного, болѣе многочисленны эти случаи въ чешск. яз. въ родѣ smrtihlav—smrtohlav, hadyžer—hadožer и т. д., но тамъ это чередованіе объясняется нѣмецкимъ вліяніемъ, въ силу котораго старыя словосложенія замѣняются подновленными формами. Въ рѣдкихъ случаяхъ и на почвѣ ц.-сл. языка попадаетъ чередованіе формъ срощенія и сложенія. Примѣры заимствуемъ изъ Слов. ц.-слав. яз. Востокова: богадѣльнзи XI в., богадѣльнѣхъ людѣи XIII в., домочадыць Изб. Свят. 1073 года и др. памятники XI в., домочадыць XIV в. (теперь рус. домочадецъ, но богадѣльня). Въ одномъ и томъ же памятникѣ (Новг. I лѣтопись) чередуются: богомерзкій и богомерзвѣій. Относительно братѣчад- на 8 примѣровъ съ формой дат. пад. въ первой части находимъ только одинъ съ основою брато-. Вообще надо имѣть въ виду, что во всѣхъ языковыхъ процессахъ, обусловленныхъ психологическими факторами, не бываетъ такой строгой послѣдовательности, какъ въ звуковыхъ процессахъ. Здѣсь иногда нельзя отыскать ассоціацію, создавшую данное единичное явленіе, и поэтому поневолѣ приходится считаться съ цѣлыми рядами явленій и на ихъ основаніи дѣлать выводы, отказываясь отъ объясненія „исключеній“. Иногда словообразованіе отличается очевидною искусственностью, напр., законзположеніе при законо-, законзпрѣстѣльнзи при законо- подъ вліяніемъ выраженій: законз положити, законз прѣстѣпити.

2. Происхожденіе сложныхъ словъ.

Во второй и третьей главѣ нашего труда мы указали цѣлый рядъ сочетаній, которыя со временемъ были замѣнены сложными словами съ основою въ первой части. Здѣсь равнымъ образомъ, какъ и при срощеніяхъ, замѣчается, что замѣна сочетанія сложеніемъ производится въ каждомъ случаѣ отдѣльно въ разныя эпохи жизни языка и что въ продолженіе нѣкотораго времени обѣ формы, т. е. сочетаніе и сложеніе чередуются. Такъ, наприм., мы видимъ, что слово jawnogrzeszniк появилось въ концѣ XVI или въ на-

чалъ XVII в.; białogłowa — вѣроятно въ началѣ XIX в. Изъ сочетаній, служившихъ въ XV в. названіями мѣстностей, нѣкоторыя уже въ XVI в. были замѣнены сложными словами, наприм., Brzozogaj, Świętomarza, Łysokanie, Zimnodół, другія же въ XVI столѣтіи сохранились еще въ первоначальной формѣ: Długa Łęka, Ostra Łęka, Wielka wieś, Wilcze pole. Наконецъ нѣкоторыя сочетанія одновременно чередуются со сложениями: Dobra ciesz и Dobrociesz въ XV в. Jały węs и Jałowesy у Длугоша, Swinia gać и Swinogać въ XVI в., а также такое чередованіе мы находимъ и въ современномъ языкѣ: Wielka wola и Wielkowola.

Кромѣ ряда сложныхъ словъ, которыя замѣнили собою и затѣмъ вытѣснили изъ употребленія болѣе древнія сочетанія, въ польскомъ языкѣ находится гораздо большее число такихъ сложений, для которыхъ мы не можемъ найти соотвѣтственныхъ сочетаній. Эти слова можно раздѣлить на двѣ группы: къ первой принадлежатъ тѣ, для которыхъ теоретически можно создать первообразъ въ формѣ сочетанія, наприм., для тѣхъ географическій названій, которыя искони являются въ формѣ сложныхъ словъ: Białogrod, Rytomoczydła, Suchostrzygi, Bogołomia, Chroszczobrod, Igołomia и мн. др. или нарицательныя, наприм., Iatorośl, muchomor, czarodziej, listopad и т. д. Ко второй группѣ мы относимъ всѣ производныя слова отъ извѣстныхъ въ языкѣ или предполагаемыхъ сложныхъ словъ, наприм., suchodolski, czarodziejski и т. п.

На почвѣ исключительно теоретическихъ соображеній можно бы предположить, что всѣ первичныя сложныя слова восходятъ къ сочетаніямъ и всѣ производныя образованы отъ существовавшихъ когда-то въ языкѣ, но потомъ забытыхъ первичныхъ сложныхъ словъ. Но такому теоретическому взгляду противорѣчатъ историческіе факты. Во-первыхъ, въ области первичныхъ сложныхъ словъ мы находимъ такія, которымъ никогда не предшествовало никакое сочетаніе: ragowóz образовано не изъ ragowy wóz, ragochód не изъ ragowy chód, dalekowidz не изъ daleki widz, но всѣ эти слова и множество подобныхъ имъ возникли сразу по образцу

обычнаго въ языкѣ типа сложеній. Во-вторыхъ, производныя сложные слова связаны съ такими же сочетаніями, которыя или вовсе не измѣнили первоначальной своей формы (białostocki) или даже перешли потомъ въ разрядъ сращеній (wielkoposny, swowolny). Очевидно и эти слова имѣютъ только видъ производныхъ, въ дѣйствительности же они возникли въ языкѣ сразу, также по образцу соотвѣтствующаго имъ типа болѣе древнихъ сложныхъ словъ.

Наконецъ, не прибѣгая къ помощи аналогіи, мы никакимъ образомъ не сумѣемъ объяснить возникновенія и тѣхъ сложеній, появленію которыхъ несомнѣнно предшествуютъ сочетанія. Иначе говоря, нельзя допустить *перехода* сочетанія въ сложеніе, такого перехода, который намъ представляется совсѣмъ естественнымъ въ сращеніяхъ. Мы здѣсь имѣемъ уже дѣло не съ механическимъ процессомъ сплоченія двухъ словъ въ одно, а съ перемѣной формы одной изъ его частей. Такая перемѣна не представлялась бы трудной для объясненія только въ томъ случаѣ, если бы теперь падежную форму слова въ предложеніи можно было замѣнять основою слова, если бы основа являлась самостоятельной грамматической формой, но этого, по крайней мѣрѣ, теперь нѣтъ, и потому мы принуждены держаться такого взгляда: что сочетаніе иногда *переходитъ* въ сращеніе, дѣлается сращеніемъ, въ другихъ же случаяхъ сочетаніе *замѣняется* сложеніемъ. Иначе говоря, въ области сложныхъ словъ мы должны признать дѣйствіе аналогіи: *если сочетаніе замѣняется сложеніемъ, то каждый разъ эта замѣна производится по образцу болѣе древнихъ сложныхъ словъ*. То же самое относится и къ словамъ производнымъ отъ несуществующихъ въ языкѣ сложныхъ словъ, но какъ будто образованныхъ непосредственно отъ сочетаній (wielkoposny, swowolny).

Сочетаніе является лишь подспорьемъ для возникновенія новыхъ сложныхъ словъ и притомъ теперь только для одного ихъ типа, т. е. съ основою прилагательнаго въ первой части, потому что синтаксисъ польскаго языка позволяетъ, чтобы прилагательное предшествовало существитель-

ному, но для сложныхъ словъ, въ первой части которыхъ стоитъ основа въ функціи косвеннаго падежа, мы въ древнепольскомъ языкѣ нашли только одно сочетаніе *Mięsa sośnia* и для такихъ же сращеній также одно: *Magci roęba*, а въ теперешнемъ языкѣ такія сочетанія вовсе невысказаны, хотя сложные слова этого типа все еще возникаютъ¹⁾.

Теперь естественно рождается вопросъ, какимъ образомъ появились въ языкѣ тѣ первыя сложные слова, которыя со временемъ вызвали появленіе столь многихъ другихъ, построенныхъ по аналогіи съ ними? Такъ какъ этотъ вопросъ, собственно говоря, выходитъ за предѣлы нашей задачи, поэтому мы только въ краткихъ словахъ постараемся нѣсколько обосновать наше мнѣніе.

Сложное слово самостоятельно (т. е. такъ, какъ сращеніе) могло бы появиться въ языкѣ только тогда, когда основа замѣняла собою въ предложеніи падежную форму и употреблялась наравнѣ съ ней. „Типъ этотъ (сложенія съ основою въ первой части), говоритъ Дельбрюкъ (*Grundfr.* 121), можно понять только тогда, если допустить, что самые древніе его представители возникли въ эпоху, въ которую отсутствовала еще флексія. Тогда соединялась основа съ основою и затѣмъ послѣ появленія флексіи конечно только второй членъ получалъ флексивную форму, между тѣмъ какъ первый, котораго нельзя было выдѣлить изъ сложенія, сохранилъ древнюю форму основы“. Но такая функція основы можетъ быть допущена только развѣ для древнѣйшей эпохи праиндоевропейскаго языка, между тѣмъ какъ возникновеніе сложныхъ словъ врядъ ли можетъ быть отнесено даже къ самой поздней эпохѣ общей жизни индоевропейцевъ. Правда, что Якоби (*Comp. u. Neb.*) возникновеніе сложныхъ словъ съ глагольнымъ элементомъ въ первой части (*Relativparticipium*) относитъ именно къ этой древнѣйшей эпохѣ (*indogermanische*

¹⁾ Для праславянской эпохи необходимо предположить возможность существованія сочетаній съ родит. пад. опредѣленія на первомъ мѣстѣ. По крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ такой порядокъ словъ допускается и теперь, Ср *Извѣстія Императорской академіи наукъ т. V, кн. 4, стр. 1388*, рецензія Г. А. Ильинскаго на книгу: „*Die Wortfolge in den slavischen Sprachen von Dr. Erich Berneker Berlin 1900*“.

Ursprache), но его теорія основывается на неубѣдительныхъ соображеніяхъ. Бругманъ (Grdr. II. 23) говоритъ: „Хотя этотъ типъ (сложныхъ словъ съ основою имени или мѣстоименія въ первой части) въ этомъ періодѣ (индоевропейскомъ) навѣрно былъ широко распространенъ, однако немногія сложные слова повторяются въ различныхъ языкахъ и такимъ образомъ даютъ основаніе для мнѣнія, что они восходятъ къ этому протѣическому времени“. Откуда же въ такомъ случаѣ мы можемъ *навѣрно* („sicher“) знать, что сложные слова уже въ индоевропейскій періодъ были въ изобиліи? Затѣмъ Бругманъ приводитъ 9 сложныхъ словъ въ подтвержденіе своего вышеуказаннаго взгляда, при чемъ справедливо замѣчаетъ, что почти всѣ эти формы не совсѣмъ тождественны („übrigens decken fast alle diese Formen einander nicht genau“). Итакъ мы можемъ сказать, что нѣтъ ни одного сложнаго слова, возникновеніе котораго можно бы съ полною увѣренностью отнести къ индоевропейской эпохѣ. Это отчасти признаетъ и Дельбрюкъ (Grundfr. 121), говоря: „Сохранилось ли отъ этой древнѣйшей эпохи хоть одно слово въ какомъ-нибудь отдѣльномъ языкѣ, неизвѣстно, во всякомъ однако случаѣ громадный перевѣсъ среди сложений составляютъ новообразованія (Nachbildungen)“. На это можно замѣтить: 1) Относительно такъ называемыхъ „простыхъ“ словъ Бругманъ и Дельбрюкъ руководятся весьма тонкими методическими приѣмами и на этой почвѣ врядъ ли позволили бы себѣ сдѣлать какое-нибудь предположеніе, котораго не умѣли бы хоть сколько-нибудь подтвердить фактическимъ матеріаломъ, извлеченнымъ изъ разныхъ языковъ. Напротивъ того, въ области сложныхъ словъ ими допускаются ничѣмъ не основанныя предположенія. 2) Выраженіе Дельбрюка слѣдовало бы измѣнить въ томъ смыслѣ, что „отъ этой древнѣйшей эпохи“ не осталось ни одного слова, а слѣдовательно можно, и даже надо сомнѣваться, существовали ли въ индоевропейскую эпоху такія сложные слова, которыя съ теченіемъ времени могли бы послужить образцомъ для типа сложений съ основами въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ. 3) Единственными сложениями, относящимися къ обще-

индоевропейской эпохѣ представляются приведенныя Бругманномъ (Grdr. II. 8) „verdunkelte Composita“, (сестра, гнѣздо и т. д.), но эти слова, будемъ ли мы въ первой ихъ части усматривать основу или падежную форму, хотя и могутъ быть считаемы срощеніями (не сложеніями въ теперешнемъ смыслѣ этого слова) все-таки не могли служить образцомъ для сложеній, такъ какъ уже въ индоевропейскую эпоху сдѣлались этимологически неясными (verdunkelt).

Дальше замѣтимъ, что между литовскими сложными словами, приведенными А. И. Александровымъ („Lit. Studien“), мы находимъ только такія совпаденія со славянскими сложеніями, которыя могли очень легко появиться самостоятельно на литовской и славянской почвѣ: geltonosis, kreivnosis, gaudongalvis, rudbarzdis, trideninis, ilgrankis, — *žoŭtonos*, *krzywonos*, *rudogłowy*, *rudobrody*, *trzydniowy*, *długoreki* или же совпадаютъ по значенію, но не по формѣ: *naktigultas*, *posleg*. Поэтому, если допустить славяно-литовскую эпоху, то и къ ней нельзя отнести возникновенія сложныхъ словъ.

Несомнѣннымъ является присутствіе сложныхъ словъ только въ позднѣйшихъ эпохахъ, наприм., въ общеславянской, на что указываютъ такія слова какъ: медвѣдь, ночлегъ и др., поэтому естественно предположить, что сложные слова возникли уже послѣ распадѣнія индоевропейскаго языка на отдѣльныя главныя вѣтви. Если же вездѣ сложные слова образовались по одному принципу, то можно это объяснить только предположеніемъ, что образцомъ для нихъ служилъ одинъ общій, выработанный у всѣхъ одинаково типъ „*простого слова*“.

Такое предположеніе сразу устраняетъ всѣ трудности, сопряженныя съ вопросомъ, могла ли основа употребляться вмѣсто падежной формы или нѣтъ. Притомъ съ формальной стороны мы здѣсь не наталкиваемся ни на какія преграды: въ тѣ времена такъ названная морфологическая абсорпція не могла обнаруживаться такъ сильно, какъ потомъ, когда слова подверглись сильнымъ фонетическимъ измѣненіямъ; и такимъ образомъ основы простыхъ словъ представлялись въ болѣе отчетливомъ, въ болѣе ясномъ видѣ, чѣмъ теперь.

Съ другой стороны, по своему содержанию сложные слова существенно не отличаются отъ простыхъ. Простое слово — это не образъ, но символъ, заключающій въ себѣ неопредѣленные указанія на множество не указанныхъ составными частями этого слова признаковъ; вслѣдствіе этого одно и то же слово можетъ обозначать рядъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ, имѣющихъ одинъ общій, часто только воображаемый признакъ. Картинный характеръ (въ условномъ значеніи этого слова) имѣютъ только синтаксическія выраженія: *szagny las, zimna woda*. Когда же они становятся сочетаніями, тогда уже вмѣсто картины является символъ для совокупности такихъ признаковъ, которые прямо не указаны составными частями сочетанія. Конечно то же самое относится и къ сложенію. Отсюда, наприм., возможно перенесеніе названія *Czarnolas* или *Szagnulas* на такія мѣстности, въ которыхъ чернаго лѣса никогда не бывало, но названіе это обусловлено, наприм., тѣмъ, что въ этой мѣстности основали колонію переселенцы изъ деревни *Szagnulas* и названіе это сохранили на память о старой родинѣ.

Отношеніе частей простого и сложнаго слова одно и то же. Это уже отчасти признавалъ Тоблеръ (*Ueber die Wortzusammensetzung*), при чемъ онъ различалъ суффиксы флексивные отъ словообразовательныхъ и настоящіе отъ ненастоящихъ, именныхъ. На стр. 4 онъ говоритъ: „Главное, внутреннее различіе между флексіей и сложнымъ словомъ состоитъ въ томъ, что флексивные элементы по большей части слѣдуютъ за основой, между тѣмъ какъ въ сложеніи опредѣляющее слово (въ формѣ основы) стоитъ передъ главнымъ словомъ“. Но на слѣдующей страницѣ читаемъ: „Впрочемъ ясно, что словообразованіе стоитъ ближе сложенія, чѣмъ флексія уже потому, что и одно и другое имѣетъ общую главную цѣль: служить для модификаціи матеріальнаго значенія, а не для обозначенія грамматическихъ категорій и притомъ такъ, что *суффиксъ* основъ, хотя онъ, какъ и во флексіи стоитъ позади, *дѣйствительно соответствуетъ главному слову въ сложеніи*. По крайней мѣрѣ это представляется тамъ, гдѣ, какъ, наприм., въ нѣмецкомъ языкѣ нѣкоторые существи-

тельные и прилагательные съ отвлеченнымъ значеніемъ, наприм., —heit, —schaft. —thum, —bar, —haft, —lich, —sam съ теченіемъ времени, когда эти слова перестали употребляться самостоятельно, приняли видъ и значеніе суффиксовъ“. Это послѣднее замѣчаніе совсѣмъ уничтожаетъ всякій смыслъ сопоставленія сложныхъ словъ съ простыми, такъ какъ все дѣло сводится къ сопоставленію сложныхъ словъ со сложными же словами, которыя со временемъ приняли только видъ простыхъ словообразованій. Относительно настоящихъ суффиксовъ Тоблеръ говоритъ, что нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть когда-то были самостоятельными словами, но такъ давно, что позитивная наука не можетъ это брать въ расчетъ (ср. также Paul: Principien¹ стр. 177).

Итакъ оказывается, что по Тоблеру въ простомъ и въ сложномъ словѣ имѣется обратный порядокъ составныхъ частей: разъ опредѣляемое слово стоитъ передъ опредѣлителемъ, другой разъ послѣ него. Въ такомъ однако случаѣ необходимо прийти къ слѣдующему заключенію: если сложные слова возникли одновременно съ простыми, тогда въ одномъ и томъ же языкѣ, въ одно и то же время существовали два разнородные, противоположные принципа словообразованія. Правда, что такіе два принципа замѣчаются теперь, когда, наприм., въ сложныхъ словахъ опредѣленіе стоитъ на первомъ или на второмъ мѣстѣ. Но это зависитъ отъ синтаксиса: мы указали тѣсную связь между сложеніемъ и сочетаніемъ и поэтому понятно, что тамъ, гдѣ въ сочетаніи, восходящемъ къ синтаксическому выраженію, опредѣленіе стоитъ на второмъ мѣстѣ, можетъ возникнуть и такое сложеніе или сращеніе, наприм., лукоморье *ἰπποπότιδος sztukamięsa*. Надо бы слѣдовательно допустить, что въ первобытномъ языкѣ, изъ котораго развился индоевропейскій языкъ, господствовалъ синтаксическій законъ, по которому мѣстоименное опредѣленіе слѣдовало за опредѣляемымъ словомъ, а именовое предшествовало ему.

Но мы возникновенія сложныхъ словъ не относимъ къ такой глубокой старинѣ, и врядъ ли кто не согласится, что сложные слова появились въ языкѣ значительно позже про-

стныхъ словъ. Въ такомъ случаѣ надо допустить, что въ извѣстный моментъ времени принципъ словообразованія измѣнился: то, что раньше ставилось впереди, стало появляться назади и наоборотъ. Это была бы настоящая революція въ языкѣ, которая не могла вѣдь произойти въ одинъ моментъ, если же она совершалась въ какой-нибудь продолжительный періодъ времени, тогда остались бы отъ этого слѣды: мы бы имѣли цѣлый рядъ древнихъ сложныхъ словъ съ опредѣленіемъ то на первомъ, то на второмъ мѣстѣ. Этого нѣтъ, слѣдовательно предполагаемаго переворота не было, и всѣ слова должны были образоваться по одному принципу.

Тоблеръ въ суффиксѣ видитъ опредѣлитель; но что же онъ обозначаетъ самъ по себѣ? развѣ только грамматическую категорію? Извѣстенъ цѣлый рядъ суффиксовъ, которые появляются въ словахъ, имѣющихъ опредѣленный характеръ и сообразно этому распадающихся на категоріи: на имена дѣйствующихъ лицъ, названія дѣйствій, названія орудій и т. д. *). Почему же это такъ? По нашему мнѣнію, во многихъ суффиксахъ заключается общее указаніе на извѣстный родъ понятія, суффиксомъ въ извѣстной степени опредѣляется понятіе. Возьмемъ, напр., суф. -dŕo: въ словахъ шу-dŕo, га-dŕo, szy-dŕo, во второй части имѣется указаніе на извѣстное понятіе объ орудіи, которое ближе опредѣляется корнемъ (или основою), стоящимъ въ первой части. То же самое замѣчается и въ сложныхъ словахъ: dobro-dziej, zŕo-dziej, koŕo-dziej, barto-dziej: во второй части стоитъ общее понятіе, въ первой — частное. Изъ этого слѣдуетъ, что *каждое слово* и такъ называемое простое, и сложное *является логическимъ опредѣленіемъ, т.-е. сочетаніемъ двухъ терминовъ: общаго (родового) на второмъ мѣстѣ и частнаго (видового) на первомъ.*

Итакъ, наша гипотеза вводитъ единство принципа въ исторію образованія всякаго рода словъ и кажется, что она можетъ послужить къ уясненію нѣкоторыхъ вопросовъ, ка-

*) Попытку распредѣлить суффиксы по ихъ значенію сдѣлалъ Бругманъ Grdr. II 419 и слѣд. Миклошичъ, Vergl. Gr. II тоже опредѣляетъ семасіологическую функцію суффиксовъ первичныхъ и вторичныхъ.

сающихся развитія простыхъ словъ. Но объ этомъ ужъ не будемъ распространяться, не желая выходить далеко за предѣлы намѣченной нами задачи *).

3. Синтетическія сложныя слова.

Этимъ названіемъ Якоби (*Compositum und Nebensatz*) обозначаетъ сложныя слова, во второй части которыхъ стоитъ форма, не употребляющаяся самостоятельно, а только встрѣчающаяся въ сложеніи съ именами или предлогами. Синтетическія словообразованія Якоби считаетъ загадочными и пытается дать имъ свое объясненіе. Онъ говоритъ, что въ первой ихъ части стоитъ преимущественно имя въ функціи объекта, относящагося къ глагольной основѣ второй части сложенія. Иногда, даже въ первой части сложенія на санскритской почвѣ появляется не основа, а форма винительнаго падежа: *stanamdhaya* (сосущій грудь), *vidhumsuda* (ранящій луну) и т. д. Въ славянскихъ языкахъ чаще всего здѣсь появляется во второй части форма съ суф. -ъ: водовозъ, водоносъ, и съ -ь: медвѣдь. Это послѣднее слово Якоби съ Сольмсеномъ считаетъ преобразованиемъ болѣе древняго сложенія съ чистымъ корнемъ во второй части.

Якоби дальше исходитъ изъ положенія, что синтетическія сложенія были первоначально прилагательными и только со временемъ сдѣлались существительными, и что въ греческомъ яз. такія сложенія, не имѣющія притяжательнаго значенія, почти неизвѣстны литературному языку. Всѣ синтетическія сложенія Якоби объясняетъ какъ слова, во второй части которыхъ стоитъ глагольная форма съ именнымъ или адвербіальнымъ дополненіемъ въ первой части.

*) Между прочимъ, по моему мнѣнію, въ человѣческомъ языкѣ появились сперва, такъ называемые, мѣстоименные и только потомъ именные (глагольные) корни. Мѣстоименный корень имѣлъ очень неопредѣленное значеніе и могъ ассоціироваться съ каждымъ предметомъ и съ каждымъ дѣйствіемъ, ближе опредѣляемымъ жестами. Именные корни ассоціировались только съ извѣстными рядами понятій признаваемыхъ однородными и выдѣляемыхъ изъ массы другихъ понятій.

Эту глагольную форму Якоби считаетъ относительнымъ причастіемъ, которое когда-то существовало въ обще-индо-европейскомъ языкѣ и сохранилось только въ сложеніяхъ. „Отъ обыкновенныхъ именъ дѣйствующихъ лицъ,—говоритъ Якоби,—относительныя причастія отличались тѣмъ, что имена, какъ самостоятельныя слова, употреблялись въ различныхъ сочетаніяхъ по большей части безъ именнаго или адвербіальнаго дополненія (Complement). Между тѣмъ какъ относительныя причастія появлялись только съ такимъ дополненіемъ. Эти причастія были отчасти корнями, отчасти очевидными производными отъ корней формами, въ природѣ которыхъ не было ничего такого, что дѣлало бы ихъ неспособными для самостоятельнаго употребленія... Основаніе для дѣйствительнаго отличія относительныхъ причастій отъ именъ дѣйствующихъ предметовъ должно состоять въ ихъ особомъ значеніи и особой функціи“ (стр. 21, 22). Съ другой стороны относительныя причастія отъ настоящихъ причастій отличались тѣмъ, что они не заключали въ себѣ никакихъ указаний на время, въ которое совершается дѣйствіе. Наконецъ Якоби утверждаетъ, что синтетическія словосложенія съ относительными причастіями должны были народиться въ отдаленную эпоху индо-европейской жизни, такъ какъ въ болѣе новый періодъ, но еще на общей индо-европейской почвѣ появилось относительное мѣстоименіе, и тогда мѣсто оборотовъ съ относительнымъ причастіемъ заняли опредѣлительныя предложенія съ *verbum finitum*.

Вся эта теорія, заимствованная изъ грамматикъ неиндо-европейскихъ, нефлексивныхъ языковъ (Якоби, III глава) возбуждаетъ много сомнѣній. Якоби, съ одной стороны, отрицаетъ возможность самостоятельнаго когда-либо употребленія именъ существительныхъ въ родѣ *боръ, *носъ, *ѣдъ и т. д. потому, что эти имена не сохранились въ памятникахъ, и между тѣмъ съ другой стороны онъ появленіе первыхъ сложныхъ словъ относитъ къ праиндо-европейской эпохѣ, хотя изъ этихъ первобытныхъ словъ „врядъ ли хоть одно сохранилось до настоящаго времени“ (стр. 1). Затѣмъ должна показаться странной неопредѣленная по своему строенію форма

причастія, будто бы образованная съ помощью различныхъ суффиксовъ и отличающаяся отъ именъ только значеніемъ и грамматической функціей, а вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣющая основного признака причастій, т. е. указанія на время дѣйствія. Если такое причастіе должно было употребляться только съ именнымъ или адвербіальнымъ дополненіемъ, то какъ оно появилось въ языкѣ? очевидно его, предполагаемой авторомъ, функціи должна была предшествовать какая-нибудь другая, болѣе простая синтаксическая функція и въ такомъ случаѣ естественно было бы предположить, что такія причастія, если они дѣйствительно были, о чемъ можно сомнѣваться, представлялись видоизмѣненіемъ именъ существительныхъ или прилагательныхъ. Вѣдь и относительное же мѣстоименіе выводятъ изъ вопросительнаго.

Впрочемъ, непонятно, почему относительное причастіе не могло употребляться безъ всякихъ дополненій; опредѣлительное предложеніе, вѣдь, можетъ состоять изъ одного глагола: „человѣкъ, который пишетъ“, а не непременно, „который пишетъ книгу“ или „который хорошо пишетъ“. Если бы нашимъ предкамъ понадобилось относительное причастіе, то оно осталось бы и понынѣ въ такъ названныхъ сокращенныхъ относительныхъ предложеніяхъ, въ которыхъ, однако, мы прибѣгаемъ къ помощи самаго обыкновеннаго причастія, тѣмъ болѣе удобнаго, что оно даетъ указаніе и на время дѣйствія.

На стр. 40 Якоби говоритъ, что „относительныя причастныя предложенія могутъ заключать въ себѣ значительное число опредѣленій (Bestimmungen), между тѣмъ какъ индо-европейскія сложныя слова по большей части допускаютъ только именное дополненіе (Complement) относительнаго причастія, чаще всего прямое дополненіе. Это ограниченіе обусловлено природою сложныхъ словъ, которыя въ большинствѣ языковъ состоятъ чаще всего изъ двухъ, рѣдко изъ большаго числа членовъ“. Но здѣсь: 1) не объяснена причина, по которой сложныя слова должны состоять только изъ двухъ членовъ; 2) авторъ прибѣгаетъ къ помощи аналогіи со сложными словами, которыя врядъ ли существовали въ индо-евро-

пейскомъ праязыкѣ; 3) не обращаетъ вниманія на то, что многочленность предполагаемыхъ имъ сочетаній служила бы помѣхой для ихъ сроченія, а тѣмъ болѣе для замѣны ихъ двучленными сложеніями, такъ какъ для того нуженъ былъ сознательный выборъ между данными нѣсколькими дополненіями; 4) нельзя допускать дѣйствія аналогіи тамъ, гдѣ нѣтъ сходныхъ чертъ, какъ въ данномъ случаѣ сопоставленія многочленныхъ и двучленныхъ формъ разныхъ категорій.

Якоби создалъ свою теорію съ цѣлью объяснить темныя доселѣ причины этого явленія, что цѣлая категорія словъ употребляется не самостоятельно, а только въ сложеніи съ именами или предлогами и другими адвербіальными частицами. Это ему не удалось, и противъ его теоріи можно сдѣлать гораздо больше возраженій, чѣмъ мы это сдѣлали. Но хотя эта теорія, по нашему мнѣнію, и не выдерживаетъ критики, мы не сочли возможнымъ обойти ее молчаніемъ единственно потому, что она является одной изъ новѣйшихъ попытокъ рѣшить вопросъ о сложеніяхъ, названныхъ синтетическими.

Гораздо болѣе вѣроятными кажутся намъ взгляды на природу составныхъ частей этихъ сложеній, господствовавшіе въ наукѣ до появленія въ печати сочиненія Якоби и, полагаемъ, господствующіе и теперь, несмотря на теорію „относительныхъ причастій“. Whitney Ind. Gr. § 383a говоритъ, что имена, имѣющія форму чистаго корня, въ древнемъ санскритѣ встрѣчаются рѣдко: въ Ригведѣ ихъ насчитано около сотни, въ Атарваведѣ около 60; однако, въ классическомъ санскритѣ способность образовать такія имена была утеряна, и примѣры такихъ словъ представляются тамъ крайне рѣдкими. Изъ этого можно сдѣлать выводъ, что корни въ функціи именъ употреблялись когда-то самостоятельно и потомъ все больше выходили изъ употребленія. Ихъ функцію, какъ отдѣльныхъ словъ, признаетъ и Бругманъ Grdr. II. 448 и слѣд., при чемъ онъ говоритъ, что эти имена не имѣютъ точно опредѣленной семасіологической функціи и могутъ обозначать названія дѣйствующихъ лицъ и названія дѣйствій. Въ сложеніи эти слова обозначаютъ дѣйствующія лица, такъ какъ

корень уже въ праиндо-европейскомъ языкѣ могъ имѣть значеніе только имени дѣйствующаго лица Grdr. II. 461.

Винительный пад. въ первой части сложений, который по Якоби долженъ указывать на глагольный характеръ корневыхъ словъ, составляющихъ вторую часть сложений, врядъ ли можетъ считаться убѣдительнымъ доказательствомъ исконности этого глагольнаго характера, такъ какъ онъ можетъ стоять и при другихъ существительныхъ (ср. въ санскритѣ Whitney Ind. Gr. §§ 271 и 272, въ латинскомъ яз. dator divitias, justa orator Brugm. Grdr. II. 431, и въ такихъ, повидимому, позднихъ славянскихъ сложенияхъ, какъ: ц.-сл. водѣльницъ, законъ-положеніе, законъпрѣстѣпникъ Вост. Сл. ц.-сл. яз. чеше. zubylom, zubyrh, hadyžer, totožmluv, польс. cudzałożec Karł. Sł. gw. pols. Здѣсь естественно предположить не отраженіе какой-то предполагаемой конструкціи съ „относительнымъ причастіемъ“, а только вліяніе синтаксическихъ оборотовъ: глагола съ дополненіемъ. Это вліяніе еще болѣе можно допустить въ отношеніи къ корневымъ словообразованіямъ, которыя по своему звуковому составу были столь близки глаголамъ.

Все, что относится къ чистымъ корнямъ въ функціи именъ, вполне примѣнимо и къ славянскимъ словообразованіямъ съ суф.: -ъ, -ь, -а, -ја, встрѣчающимся только или почти только во второй части сложныхъ словъ. Появленіе первыхъ такихъ сложныхъ словъ несомнѣнно надо отнести къ праславянской эпохѣ, хотя бы въ виду на общеславянскій характеръ сложений съ -дѣй и съ нѣкоторыми другими подобнаго рода формами. Но, конечно, значительное большинство теперешнихъ сложений этого типа образованы по аналогіи съ древними словами, тѣмъ болѣе что и теперь способность такого словообразованія все еще жива въ славянскихъ языкахъ; вспомнимъ такия слова, какъ польскія новообразованія: dalekopis — телеграфъ, drobnowidz — микроскопъ, kwasoród — кислородъ, korkociąg — пробочникъ и многочисленныя прозвища: piwożłor, groszorób, dymowach, biedoklep, brodogol, bronowłok, garnkotłuk и т. д.

Въ языкѣ постоянно нарождаются новыя слова и новыя категоріи словъ (ср., напр., польскія слова съ заимствован-

нымъ суф. -unek съ чисто польскими основами: opatrunek, opiegunek...), но вмѣстѣ съ тѣмъ, выходятъ изъ употребле- нія другія, которыя иногда оставляютъ свой слѣдъ только случайно, напр., въ географическихъ названіяхъ; теперь нѣтъ въ польск. яз. глагола *ciechać, но сохранились отпричаст- нья формы въ названіяхъ: Cieshomin, Cieschanów. Другія слова сохранились только во второй части сложений: pa-sierb, dziewo- słaб, Kuro-zwęki, kopo-wał, krzywo-łęcz, Koło-dziaż и т. п.

Изъ интересующихъ насъ здѣсь словообразованій отъ кор- ней съ суф. -ъ, -ь, -а, -ја нѣкоторая часть существуетъ и теперь, хотя съ видоизмѣненнымъ, узкимъ значеніемъ, напр., польск. lej—воронка, dzieje—дѣянія, исторія, бój—бой, борьба, war—впятокъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и здѣсь замѣ- чается колебаніе значенія: baj — сочинитель сказокъ (baj baj...) и baje—сказки, ц.-сл. посълъ legatus, но и negotium. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ исчезли изъ употребленія уже въ историческое время, напр., польск. prza—споръ, ср. не- извѣстныя новымъ славянскимъ языкамъ ц.-сл. слова: sьsz— мамма, sьsz—legatus, gran—сantus и др.

Оставивъ въ сторонѣ вопросъ объ относительной древно- сти отдѣльныхъ сложныхъ словъ, принадлежащихъ къ раз- сматриваемой нами категоріи словообразованій, мы вератцѣ займемся только разсмотрѣніемъ ихъ основного значенія, при чемъ мы различаемъ только двѣ категоріи: 1) названія дѣй- ствій, результатовъ дѣйствій и т. п., 2) названія дѣйствующ- ихъ лицъ или предметовъ.

I. Существующія въ самостоятельномъ видѣ слова имѣютъ другое значеніе; чѣмъ встрѣчающіяся во второй части сло- жений тождественныя съ ними въ звуковомъ отношеніи формы. Эти послѣднія обозначаютъ названія дѣйствующихъ лицъ или предметовъ: польск. dzieje—złodziej; польск. baje—рус. красно- бай; польск. бój — zbój; польск. dój — kozodój; польск. war — рус. поварь; ц.-сл. рокъ — отърокъ; ц.-сл. вѣгъ—оувѣгъ; польск. sąd—Krzywosąd, ц.-сл. правосадъ; рус. діал. видъ (зрѣніе)— рус. островидъ и т. д.

II. Одни и тѣ же слова имѣютъ различное значеніе, сооб- разно тому, соединяются ли они съ адвербіальными частицами

или съ именами. Въ послѣднемъ случаѣ получаютъ значеніе именъ дѣйствующихъ лицъ или предметовъ: польс. *udój—kozodój*, *zapas—świniopas*, *podpis—dziejopis*, *obłok—bronowłok*, *porłoch—kurporłoch* R. 510 Arch. 19. 206; *obiad—ludojad*, *Konojady*, *połów—rybołów*, *wywar—piwowar*; рус. промой—судомой, измоль—мукомоль, подвигъ—самодвигъ, счетъ—звѣздочетъ, набѣгъ—польс. *szybkobieg*, скопъ—рудокопъ, срубъ—дроворубъ, словинс. *razder—kozoder*; ц.-сл. обода—воєвода; ождаз—правосждаз; польс. *Krzywosąd*; изълазъ—водолазъ и мн. др.

III. Различіе значенія сложныхъ словъ, повидимому, не зависитъ отъ характера первой ихъ части, такъ какъ имѣется цѣлый рядъ словъ, по своему значенію принадлежащихъ къ одной категоріи, хотя въ первой ихъ части стоитъ или адвербіальная частица или основа имени. Названія дѣйствій или результатовъ дѣйствій: рус. поворотъ—водоворотъ; польс. *zwrot—kołowrot*; рус. притокъ—водотокъ; надзоръ—вругозоръ; польс. *rokos—sianokos* и т. д. Названія дѣйствующихъ лицъ или предметовъ: рус. поваръ—кашеваръ; удавъ—волкодавъ; польс. *zbieg—szybkobieg*; *nieuk—samouk* и др.

IV. Вторая часть сложныхъ словъ имѣетъ различное значеніе, хотя она соединяется только съ именными основами: ц.-сл. *враногран*—рус. пустограй; србс. *čarobija* (*incantatio*)—*gočobija* (*tympanista*); польск. *Złotoryja* (повидимому мѣсто добыванія золота, какъ рус. золотоноша)—*osoguja* (коршунъ), ц.-сл. *гроворина*; польс. *rekoris—gumoris*; рус. солнопекъ—хлѣбопекъ; рус. мимоходомъ—ц.-сл. *мимоходъ* (*transiens*).

V. Вторая часть сложныхъ словъ имѣетъ различное значеніе, хотя въ первой части стоятъ адвербіальныя частицы: польс. *gozbój—zboj*; *parbój—orbój*; ц.-сл. *наука* (*doctrina*)—*несука* (*imperitus*); *набѣгъ—убѣгъ* (*fugitivus*); *налогъ—сѣлогъ*; *нарокъ—отзрокъ*; польс. *zbieg* (стеченіе)—*zbieg* (*fugitivus*) и т. д.

Мы видимъ, что синтетическія сложныя слова на славянской почвѣ имѣютъ различное значеніе, несмотря на вокализацию второй части (-пекъ, -токъ, -бѣгъ, -лазъ, -бѣжа, -бой) и на именную или адвербіальный характеръ первой

части. Между ними есть много именъ дѣйствующихъ предметовъ и эти сложенія трудно считать притяжательными (хлѣбопекъ, гупорія, гроборина). Но съ другой стороны нѣтъ тоже недостатка и въ названіяхъ дѣйствій или ихъ результатовъ. Къ этой категоріи принадлежитъ и такое древнее слово, какъ *ękojmia* XIV в. Н. rozp. 72 и многія названія мѣстностей: *Turoboje*, *Konotor* (рѣчка XIII в. Б.) *Kostomłoty*, *Krowodrza* (ср. *kozodrza* — *zdzierstwo* Линде), *Skotomierza* XVI Pom. *Kołomyja* (рѣчка въ Ломж. губ.) *Bogołomia*, *Igołomia* 1398 г. Н. Кг. 14 и т. д. Интересны названія на -гуја по синтаксическому отношенію ихъ частей: *Bogoguja*, *Czartoryja* (около Сѣрадза) обозначаютъ, повидимому; яръ-Бога или чорта, т.-е. вырытый Богомъ или чортомъ; *Złotoguja*—это копи золота, *Вoguja* вѣроятно изъ *Bogoguja*, а послѣдняя изъ *Вogowa guja*—яръ въ лѣсу. Названіе коршуна: *osoguja* = копатель (гнѣздъ) осъ (*nomen agentis*). Упомянемъ еще *nomina agentium*: *kaznodzieja* Rozpr. 25. 41, *dziwowidza* (*curiosus*) Rozpr. 24. 367. Arch. 16. 143, *grodozirza* (*castellanus*) Pr. F. I. 481.

Слабую сторону теоріи, допускающей возможность самостоятельнаго существованія когда-то тѣхъ словообразованій, которыя теперь почти исключительно встрѣчаются во второй части сложныхъ словъ, составляло умалчиваніе о причинахъ, по которой данныя слова вышли изъ самостоятельнаго употребленія. Съ точки зрѣнія нашей теоріи строенія, такъ называемыхъ, простыхъ и сложныхъ словъ это явленіе объясняется естественно и просто. Суффиксы: -ъ, -ь, -а, ја приобрѣли способность соединяться со всевозможными основами, и кромѣ того два изъ нихъ (-ъ, -ь) имѣютъ различное происхожденіе, т. е. каждый изъ нихъ восходитъ къ различнымъ суффиксамъ. Благодаря этому всѣ эти суффиксы имѣютъ весьма широкое неопредѣленное значеніе и неудивительно потому, что, соединяясь съ корнями, не могли этимъ послѣднимъ придать точно опредѣленную семасіологическую функцію. Тѣмъ болѣе и корень, когда-то употребляемый какъ самостоятельное слово въ санскритѣ, не могъ имѣть опредѣленнаго значенія. Вездѣ мы здѣсь находимъ только названія

самыхъ общихъ понятій. Иногда могло случиться такъ, что изъ множества оттѣнковъ значенія такого слова одинъ бралъ верхъ надъ другими и тогда слово сохранилось въ языкѣ, напр., польс. wóz, bój, dój и др. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ произошелъ другой процессъ: общее понятіе разчленилось на частныя съ помощью отдѣльныхъ опредѣлительныхъ элементовъ, т. е. передъ словомъ, обозначающимъ данное понятіе, появлялось опредѣленіе въ формѣ имени или адвербіальной частицы. Иначе говоря, образовались сложные слова, по своему строенію тождественныя со всѣми остальными сложениями: во второй ихъ части стояло названіе общаго понятія, въ первой — опредѣлитель, ограничивающій значеніе второй части. Послѣ совершившейся такимъ путемъ дифференціаціи даннаго общаго понятія, тѣмъ болѣе не было больше надобности удерживать въ языкѣ слово, обозначающее это общее, слишкомъ широкое и вслѣдствіе того неопредѣленное понятіе.

ГЛАВА V.

Судьбы сложныхъ словъ.

Въ исторіи сложныхъ словъ въ польскомъ языкѣ замѣчаются нѣкоторыя явленія, заслуживающія вниманія, такъ какъ въ нихъ, можетъ быть, отражаются слѣды процессовъ, совершившихся въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ на доисторической почвѣ не только славянскихъ, но и другихъ родственныхъ языковъ. Мы здѣсь остановимся только на синтаксической связи составныхъ элементовъ сложнаго слова, на измѣненіи первой его части подъ вліяніемъ аналогіи другихъ сложныхъ словъ и на видоизмѣненіяхъ второй части сложений.

Оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи притяжательныхъ сложений (*bahuvrīhi*), такъ какъ мнѣніе, высказанное Остгоффомъ (*Das Verbum* 128—132), кажется намъ совершенно вѣрнымъ. Славянскіе языки, и польскій въ частности, имѣютъ не мало сочетаній съ метафорическимъ значеніемъ, которыя со временемъ перешли въ разрядъ сложныхъ словъ. Вспомнимъ такія прозвища какъ: *Kurzy bok*, *Czirny wąs* и многочисленныя приведенныя выше названія мѣстностей, а также названія растений и т. п. Отсюда видно, что притяжательный характеръ появляется уже въ сочетаніяхъ, что вполне понятно, такъ какъ, по сдѣланному нами выше замѣчанію, соединеніе двухъ понятій въ одно новое понятіе предшествуетъ соединенію двухъ отдѣльныхъ словъ въ одно новое сложное слово. Такимъ образомъ притяжательныя сложные слова восходятъ къ притяжательнымъ сочетаніямъ.

1. Синтаксическое отношеніе частей сложенія.

Въ предыдущихъ главахъ мы указали, что всѣ сложные слова, восходящія къ сочетаніямъ, имѣютъ вполне определенное синтаксическое отношеніе ихъ составныхъ частей: одна изъ нихъ (преимущественно первая) служитъ опредѣленіемъ для второй. Въ сложеніи вмѣсто прилагательнаго по-является его основа, и вмѣсто косвеннаго падежа, иногда съ предлогомъ, является основа соотвѣтствующаго имени существительнаго. Если бы мы допустили, что каждое сложное слово восходитъ къ соотвѣтствующему сочетанію или синтаксическому выраженію, тогда надо бы ожидать, что возстановленіе этого предполагаемаго сочетанія не должно сопровождаться какими трудностями. Между тѣмъ очень часто дѣло представляется иначе.

Въ старыхъ сложныхъ словахъ чаще всего можно легко и безъ натяжекъ возстановить сочетаніе, которое дало или могло дать начало этимъ сложеніямъ. Разсмотримъ здѣсь нѣсколько типовъ такихъ словъ, отчасти заимствованныхъ изъ средневѣковыхъ памятниковъ польскаго языка.

Прилагательное + прилагательное.

Эта категорія сложныхъ словъ теперь широко распространена въ языкѣ, и слова, образованныя по этому принципу, имѣютъ двойное значеніе: *czarnożółty*, *niebieskoczerwony* и т. п. представляютъ чистый типъ словъ *dvandva*; слова: *ciemnożółty*, *jasnoniebieski*, *krwawoczerwony* составляютъ другую категорію. Здѣсь имѣемъ дѣло съ однимъ главнымъ понятіемъ, для котораго другое составляетъ опредѣленіе. Этотъ типъ сложеній образуется по общему принципу сложныхъ словъ, и поэтому считаемъ его болѣе древнимъ, чѣмъ типъ копулятивныхъ сложеній. Такъ какъ теперь им. *jasnożółty*, *ciemnoczerwony* и т. д. можно сказать *jasny żółty*, *ciemny czerwony* (не *jasny i żółty*, *ciemny i czerwony*), то мы въ правѣ предположить, что и въ древности могли быть такія же сочетанія, которыя впоследствии были замѣнены сложеніями. Повидимому, однако, эти сочетанія были очень рѣдки,

такъ какъ въ старыхъ польскихъ памятникахъ изъ словъ этой категоріи мы нашли только: *piegworodzony* BZ. 157 (въ BW. *piegworodny*). *Dobrowolny* 1401 г. Н. kal. 29 является скорѣе производнымъ словомъ изъ сочетанія *dobra wola*, чѣмъ первичнымъ, восходящимъ къ сочетанію *dobry wolny*.

Прилагательное, числительное, мѣстоименіе + существительное.

Образцы этого типа довольно часты въ старыхъ памятникахъ; первичныя и производныя: *złosyn* (въ памятникѣ ошибочно *złosyn*)—*scelus* XV в. Rozpr. 24. 386. *jednorożec* изъ **jednorog*) XIV в. Rozpr. 25. 59, BZ. 157 и т. д. *jepokole*—*plaustrum* XV в. Rozpr. 22. 23. *jednokole* XV в. Rozpr. 16. 358 *cudzoziemiec* F. 2 4, *nowożenia* F. 18. 5, *złorzeczenie* XV Rozpr. 22. 41, *ostrowidz* ib. *sinogarlica* XV в. Rozpr. 24. 359, *białorzyt* R. 417 и т. д. При глаголахъ и причастіяхъ стоитъ форма, которую можно считать нарѣчіемъ: *lekoważy* Rozpr. 24. 366, *marnotrawiący* XV в. Rozpr. 22, 10, *wielowyobrażone* XV в. Rozpr. 25. 165 и т. д. Названія мѣстностей въ родѣ *Krzywołęcz* Mal. 229 *Mokrošek* Mal. 310 и др., а также извѣстныя изъ новаго языка слова *gołoledź*, *częstokół*, *piegwospy* Łop. и мн. др. легко могутъ быть разложены на составныя части, т. е. возведены къ сочетаніямъ, въ синтаксическомъ отношеніи вполне яснымъ.

Однако, случаются въ этой категоріи слова, неясныя въ синтаксическомъ отношеніи. Напр., упомянемъ о двухъ названіяхъ растеній изъ XV в. *drogozłot* или *drożezłot* R. 268, *żywokost* R. 193. Чтобы объяснить смыслъ этихъ словъ, надо прибѣгать къ такимъ описательнымъ выраженіямъ, которыя сами по себѣ не могли дать почвы для непосредственной замѣны ихъ сложными словами.

Въ первой части основа въ функціи косвеннаго надежа.

Bogobojny celebris XV в. Rozpr. 22. 13, *justus, timoratus* Rozpr. 25. 136. *Bogoryja* 1282 Б. (*Boguryja* Las. 2. 241, etc. вызвано вѣроятно аналогіей другихъ сложныхъ словъ съ

Bogu-, и эта форма появляется только спорадически); *czar-topłoch* R. 529; *czasoguślnik* Rozpr. 25. 342; *dobrodziej* Rozpr. 24. 85; *złodziej* Fl. P. 49. 19; Rozpr. 25. 41 1408 г. Н. *dobr.* 81 (вѣроятно „дѣятель добра, зла“ ср. *czarodziej*) *dziwowiedza* — *curiosus* XV в. Rozpr. 24. 367. Arch. 16 143; *grododzirża* или *grododzirżca* Pr. F. 1. 481. 502; *latorośl*—*virgula* Spr. 5. 254 Rozpr. 25. 173. R. 505 listopad 1472 г. Rozpr. 24. 376, Arch. 10. 387; *meżobojca* BZ. 215. Rozpr. 25. 77; *przodochoźca* Rozpr. 24. 384; *ptakoprawnik* Rozpr. 24. 342 (отсюда производное *ptakoprawnu* 1472 г. Rozpr. 24. 375); *Skotomierza* 1584 г. Pom. *skotopaśca* Pr. F. 5. 45; *świętoguślnik* 1472 г. Rozpr. 24. 375; *Erzepki* 10; *świętokradźca* Rozpr. 25. 182 *świętokupiec* Rozpr. 25. 132; *wilkołak* R. 456; *wojewoda* — *dux exercitus* (ca 1250) Б. BZ. 234, etc. 1390 г. Н. *pozn.* 98. 1400 г. Ul. kr. 47 (*wojewoda* Fl. 103. 19); *Złatoryja* (1242 г.), etc. Б.

Dziewośląb. Pr. 623; *kiełbodziej* Pr. F. 5. 51; *kuro-płoch* Arch. 19. 206. R. 510 (*fantasticus*); *Kurozwęki* 1287 г. Б. 1400 г. Ul. kr. 46; *Krowodrza* (1257) Б. *Laskonogi* (ок. 1250 г. *Balc.*), *muchomor*; *osoryja*—*pernis apivorus* R. 419; *rękojmia* 1388 г. Н. *pozn.* 64, 72; *rosopaśc* R. 172; *Rybojedzki* (отъ *Rybojad*) 1391 г. Н. *pozn.* 160; *ślinogorka* (отъ *ślinogorz*, собств. горечь слюны) R. 126; *wełnobicie* Rozpr. 24. 378; *zimostradka* Rozpr. 22. 25, а также *miedźwiedz*, *posleg* (въ первой части род. пад. времени, какъ въ *latorośl*) и др.

Но при всѣхъ этихъ словахъ, въ первой части которыхъ основа стоитъ, повидимому, въ функціи род. падежа, имѣются сложныя слова, объясненіе которыхъ не менѣе трудно, какъ и выше упомянутыхъ двухъ словъ (*drogozłot*, *żywokost*), съ основою прилагательнаго въ первой части. Сюда прежде всего относится очень древнее слово *kuropatwa* R. 425, которое на польской почвѣ встрѣчается также въ формѣ *kuropadwa* 1449 г. Rozpr. 22. 40. Оно не можетъ быть возведено къ сочетанію: „*patwa*, *patka*“ (г. е. птица), какъ *курица*, *подобная куриць*, потому что такое сочетаніе врядъ ли вызвало бы появленіе сложнаго слова. Можно ли считать вѣ-

роятнымъ объясненіе И. В. Ягича Arch. 20. 535 слова мотовѣзъ, какъ *мотангинъ вѣзъ? Какъ объяснить слова brodobrzanka (название растенія), cudotwór, dziwotwór, dziwolaг и др.? Указанія на этотъ вопросъ намъ даютъ нѣкоторые факты изъ исторіи польскаго языка.

Во многихъ случаяхъ въ первой части сложныхъ словъ появляется видоизмѣненная основа, при чемъ чаще всего вслѣдствіе видоизмѣненія ея затемняется этимологія слова или первоначальное синтаксическое отношеніе составныхъ частей слова. Это видоизмѣненіе основы обусловлено различными причинами. Напомнимъ здѣсь общеизвѣстный фактъ исчезновенія конечнаго звука или конечныхъ звуковъ основы, когда вторая часть сложнаго слова начинается съ группы подобныхъ же звуковъ (ср. А. И. Соболевскій: близорукій изъ близозорукій „Ж. М. Н. Пр.“ 1897, V; Maretić: Runosović изъ Runonosović Mikl. Denkschr. XIII бременоша, иконос, прекорудје и др.

Въ исторіи польскаго языка такое видоизмѣненіе основы иногда можно прослѣдить по памятникамъ, напр., теперешнее названіе мѣстности Łyskornia въ XVI в. звучало Łyse skornie Wielk. 2. 300, теперешнее Kamostek, очевидно черезъ Kamomostek восходитъ къ Kamyonomostek Wielk. 2. 240. Въ другихъ случаяхъ можно болѣе или менѣе легко возстановить первоначальную форму. Въ Лавр. 75 при Бѣлоозеро имѣется Бѣлозерци съ выпаденіемъ одного о; равнымъ образомъ такое выпаденіе можно предполагать въ рус. дикобразъ, польс. krajobraz, białogon, czerwogon Sł. warsz. и въ названіи мѣстности Brłokowo Las. 1. 14 (изъ brłook). Записанное у Длугоша Wylczasze Dl. III. 428, т. е. Wilciąże, теперешнее Wyciąże вѣроятно имѣло первоначальную форму Wilcze ciąże. Sześcian (кубъ) очевидно изъ sześcióścian. Въ народныхъ говорахъ встрѣчаются слова: na budniu Łор. Przycz., повидимому, изъ na budnodniu (budny dzień), а Kupalnocka Łор. изъ Kupalnooscka. Нельзя ли предположить, что и въ нѣкоторыхъ неясныхъ ужъ теперь словахъ совершилось то же измѣненіе? modrzew (лиственница) могло бы происходить отъ modrodrzew, kałuża — изъ kałofuża, rybitw — изъ rybobitw,

ostrog—изъ ostrorog (иначе Mikl. Et. Wb.) czworoǳnia названіе растенія, myginda—изъ czworoǳnia (менѣе вѣроятно по аналогіи къ trzeǳnia: trze-, czworo — ложная этимологія). Нѣкоторыя названія мѣстностей: Boryja изъ Boroguja, Soborzyce изъ Soboborzyce (ср. sobowtór), Sieradz прежде Siradz изъ Siroradz отъ имени Sirorad, ср. Siroślaw), Słabowice изъ Słaboborowice (ср. Słabomierz), Jawidz—изъ Jawowidz, Mysławczyce—изъ Mysłosławczyce, Dźwigorzów изъ Dźwigogorzów (отъ имени Dźwigogor?), Płoważ изъ Płowoważ, Smogorzów и прозвище Smogor изъ Smogogor (основа глагола *могу* съ предлогомъ *съ*), рус. прозвище Жирнось XVI в. Туп.—изъ Жирноносъ и т. д.

Случаются, однако, видовзмѣненія основы, вызванныя все не присутствіемъ какой-нибудь группы сосѣднихъ звуковъ. Такъ, напр., при чешскомъ *balvanochvalce* имѣется польское *bałwochwalca*, при *baran* — сложное *baroróg*, при *Wielgie pole* Dl. I. 648. 649. 650 — теперь *Wielopole* при *kiełbasa*—*kiełbodziej* Брюкнеръ Pr. F. V, при *krótki*—*krótochwila* (XV в. Rozpr. 24. 368. Rozpr. 16. 340), при сердце рус. сердобольный, можетъ быть ц.-сл. *вратоградъ* при *вратепоградъ*, *достоѣпъ* вм. *достоинноѣпъ*. Подобнаго рода своеобразное укороченіе основы, повидимому, совершалось уже въ то время, когда затемнилось этимологическое значеніе составныхъ частей слова, т. е. сравнительно въ позднее время.

Самыми важными, однако, представляются тѣ случаи видовзмѣненія основы, съ которыми измѣняется первоначальное ясное и вполне понятное синтаксическое отношеніе составныхъ частей сложнаго слова.

Нормальный путь для замѣны сочетанія сложеніемъ, какъ извѣстно, состоитъ въ замѣнѣ падежной формы перваго члена сочетанія формою основы того же слова. Но случаются нерѣдкія отъ этого правила уклоненія, а именно вмѣсто ожидаемой основы прилагательнаго появляется основа существительнаго: *Brzozowy gaj* 1391 Н. pozn. *Brzozogaj* Wielk. 1. 144; *Dębna rzeczka* Mal. 281 — теперь *Dęborzeczka*; *Dęba gora* (м. б. *Dębia gora*) Las. 1. 124 — теперь *Dębogóra*; *Dębowa łąka* Dl. III. 86, etc.—теперь *Dębołęka*; *Tarnowa gora* Mal.

74, 436 — теперь Tarnogóra; Kamienny mostek (въ документахъ Sł. Geogr. 3)—теперь Kamostek (очевидно черезъ Kamomostek), czarnoksiężnica при czarksiężnica Karł. Вѣроятно также Janussius Brzozogłowy Dl. H. IV. 12, etc. изъ Brzozowogłowy; Czarmysł Wielk. 1. 9 изъ Czarnomysł; winne grono Rost. 232 — теперь winogrono (слово, неизвѣстное древнимъ памятникамъ).

Если бы мы не знали исторіи этихъ словъ, мы бы предполагали здѣсь сочетанія, въ первой части которыхъ стояло бы имя существительное, чаще всего въ родит. пад.: brzóz gaj, Tarna góra, wina grono, и мы бы возводили эти сочетанія къ глубокой древности, такъ какъ уже съ древнихъ временъ такой порядокъ словъ не встрѣчается въ польскомъ языкѣ. Вѣроятно и многія другія сложные слова съ основою существительнаго въ первой части взяли начало изъ сочетаній съ прилагательнымъ въ первой части.

Для объясненія остальныхъ выше приведенныхъ названій надо бы прибѣгнуть къ описательнымъ выраженіямъ: rzeczka pod dębami, góra z dębami, łąka pod dębami, mostek z kamieni, при чемъ вездѣ слѣдовало бы опредѣленіе ставить впереди опредѣляемаго слова, что не согласно съ требованіемъ польскаго синтаксиса и допускается лишь въ исключительныхъ случаяхъ, напр., ku Bogu myślność, потому bogomyślność. Оказывается, такимъ образомъ, что неумѣние правильно отвлекать основу даннаго слова послужило причиною появленія такихъ сложений, которыя даютъ намъ ложное понятіе о синтаксическомъ отношеніи частей предшествовавшихъ имъ сочетаній. Въ свою очередь такіа сложные слова послужили образцомъ для другихъ сложныхъ словъ, обнаруживающихъ самое разнообразное взаимное отношеніе ихъ составныхъ частей. Нѣкоторое ихъ количество можно отнести къ первоначальнымъ сочетаніямъ прилагательнаго (или причастія страдат. залога) съ существительнымъ. Напр., kuropatwa можетъ такъ восходить къ *kurza patwa, какъ kuroślep къ kurzy ślep (kuroślep, названіе растенія, herba Petri; въ латинско-польскомъ словарѣ конца XV или начала XVI в. (Pr. F. П. 150) читаемъ: Morbus galine kuroslep. въ Spr.

III. 70· есть только Kurzyślep; въ современномъ народномъ языкѣ: kurzyślep, kurzoślep, kuroślep, kuroślepina и kurzaślepota). Motowąż можно производить отъ motany wąż, brodobrzanka отъ brodata brzanka, cudotwór — отъ cudowny twór, dziwotwór, dziwoląg отъ dziwny twór, —ąg; плетоплотъ (Arch. VI. 564) — отъ плетень плотъ, kęgosłup отъ kęgowy słup, kościotrup — отъ kościsty trup, сербс. verboloz (Mikl. Vergl. Gr. 2. 382) — отъ verbna loza, ц.-сл. живодатель — изъ живодатель и т. д. Но есть и такія слова, особенно новѣйшаго происхожденія, гдѣ основа заступаетъ мѣсто различныхъ падежей или гдѣ вообще синтаксическое отношеніе составныхъ частей неясно: brzuchomówca = mówca brzuchem, głodomor (у Линде нѣтъ) или изобрѣтенное Копчинскимъ слово imie-słów (причастіе).

По замѣчанію Якоби (Comp. und. Nebensatz 2), между сложными словами имѣютъ огромный численный перевѣсъ тѣ, въ первой части которыхъ стоитъ основа въ функціи именительнаго, винительнаго (?) и родительнаго пад., и онъ полагаетъ, что по образцу тѣхъ древнихъ сложений произошли новыя, въ первой части которыхъ является основа въ функціи остальныхъ падежей. Мы указали путь, облегчившій появленіе такихъ новообразованій въ польскомъ языкѣ. Наше предположеніе примѣнимо и для другихъ славянскихъ, а можетъ быть также и для остальныхъ индоевропейскихъ языковъ. По словамъ Якоби (стр. 3) въ Ведахъ довольно часто появляются сроченія съ мѣстнымъ, рѣже съ родит. пад. въ первой части. Отсюда можемъ заключить, что при возникновеніи новыхъ двучленныхъ словъ сильнѣе дѣйствовала аналогія старыхъ образцовъ на сочетанія съ родит., чѣмъ на сочетанія съ мѣстнымъ пад. и эти послѣднія поэтому чаще переходили въ разрядъ сроченій, чѣмъ сложений.

Изъ всего этого можно сдѣлать выводъ, что первоначально сложными словами въ славянскихъ языкахъ (м. б. и въ другихъ) замѣнялись сочетанія существительнаго съ опредѣленіемъ въ именительномъ (прилагательныхъ) и родительномъ (существительныхъ) падежѣ (можно допустить и дат. пад. принадлежности Bogurodzica, psubrat, vinubrat, богуматка,

братуцадъ). Потомъ вслѣдствіе смѣшенія основъ существительныхъ съ прилагательными стали появляться сложенія съ видовзмѣненнымъ синтаксическимъ отношеніемъ составныхъ частей и съ теченіемъ времени это отношеніе становилось все болѣе и болѣе разнообразнымъ.

2. Форма первой части сложныхъ словъ.

Извѣстно, что основа въ первой части сложныхъ словъ не всегда является въ формѣ, которую признано считать правильной. Именно, основы на -а, -з, -ь, -ы и на согласные звуки или всегда или чаще всего принимаютъ форму основъ на -о. Это объясняется влияніемъ аналогіи основъ на -о, но для насъ важно выяснитъ ходъ этого уподобляющаго процесса. Совершился ли онъ путемъ непосредственнаго влияния готовыхъ сложныхъ словъ съ основами на -о на другія готовые же сложенія съ другими основами или иначе? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы обратимъ вниманіе на слѣдующія явленія:

1. Въ языкѣ имѣются слова, сложные съ разнообразными основами одного и того же слова: *kostpraw* — *kościotrup*, *krwotok*—*krwionośny*, *kopował* — *kopiował*, и не замѣчаемъ стремленія уравнитъ эти формы. Только изрѣдка въ языкѣ отдѣльныхъ личностей вм. *krwotok* слышится *krwiotok*, но это исключительное явленіе. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ нѣтъ никакихъ колебаній въ формѣ основы: всегда слышится только *Kopotor*, *krwiożerczy*, *Kostomłoty* и т. д.

2. Въ простыхъ словахъ смѣшеніе основъ произошло путемъ морфологической абсорпціи, для которой не было никакой почвы въ первой части сложныхъ словъ. Конечный звукъ основы или оставался неизмѣннымъ или исчезалъ (ъ, ь), и мы могли бы говорить о абсорпціи только тогда, если бы основы съ исчезнувшимъ конечнымъ звукомъ повліяли на измѣненіе формы остальныхъ основъ, т. е. если бы при *posleg*, *miedźwiedz* и предполагаемыхъ: *kostpraw*, *kostmłoty* появились формы: *latrośl*, *listpad*. Для обратнаго явленія принципъ абсорпціи непримѣнимъ.

3. Въ цѣломъ рядѣ древнихъ общеславянскихъ сложныхъ словъ основа появляется въ первоначальномъ правильномъ видѣ. Между тѣмъ, принимая ассимилирующее вліяніе готовыхъ словъ другъ на друга, мы должны бы ожидать, что именно эти древнѣйшія слова въ столь продолжительное время своего существованія должны были подвергнуться взаимному уподобляющему вліянію.

Къ числу этихъ древнѣйшихъ словъ, сложныхъ съ основами на -о И. В. Ягичъ (Arch. 20. 535) относитъ слѣдующія: *motowaz*, *czarodziej*, *молочосось*, *listopad*, *człowiek*, *latorośl*. Къ нимъ можно еще присоединить: *złodziej*, *wilkołak*, *nietoperz* и нѣкоторыя названія мѣстностей: *Wilkowyja*, *Bogołomia*, *Igołomia*, *Bogoryja*, *Czartoryja*, *Złotoryja*, *Skotomierza*, *Turoboje*, *Ołobok* (ср. чешс. *Olomúc* изъ *Olomeťjz* Geb. Hist. Ml. 1. 384) и др.

Основы на -jo: *wojewoda*, *licemiernik*, *лицедѣй*.

Основы на -a, всегда съ конечнымъ звукомъ -o: *kuropatwa*, *muchomog*, *руволтка*, *gękojmia*, *dziewosłab*, *osoryja*, названія мѣстностей: *Kurozwęki*, *Krowodrza* и др.

Основы на -ja: по Ягичу, *кожемяка*.

Основы на -os тоже только въ формѣ съ o: *kołowrót*, *kołomaz*, *kołodziej*, *Kołodziaź*, *Kołomyja* и т. д.

Основы на -z: *niedźwiedz* (др.-польс. *miedźwiedz*) *дрѣколь*.

Основы на -z: *posleg*, *poćbiega*.

Основы на согласный звукъ: *drugubica*, ц.-сл. *трѣзѣвъ*, *трѣлѣтъ*, *трѣрогъ*, *четвѣргоѣвъ*, *barłóg*, *господь*, *jastrzab*, *małżen*.

О этимологій нѣкоторыхъ изъ этихъ словъ мы будемъ говорить въ концѣ главы. Теперь важна для насъ не ихъ этимологія, а только конечный звукъ ихъ основъ. Мы видимъ, что уподобляющее вліяніе основъ на -o отразилось на сложныхъ словахъ съ основами на -os, но вѣроятно сложенія съ *koło-* образовались уже тогда, когда это слово склонялось по образцу основъ на -o. Относительно женскихъ основъ на -ā можно предположить, что замѣна ихъ исконной формы новою формою на -o была вызвана особою причиною. Именно основа на -ā ничѣмъ не отличалась отъ формы именит. пад., а такъ какъ этотъ послѣдній имѣетъ вполне опредѣленную синта-

всическую функцію, то и форма на -ā въ первой части сложений сдѣлалась неудобною и была замѣнена формою на -o. Впрочемъ, эта замѣна произошла не въ одинаковомъ размѣрѣ въ различныхъ языкахъ; она появляется: нерѣдко въ яз. арійскихъ и греческомъ, очень часто въ латинскомъ и литовскомъ, всегда въ кельтскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ. Brugm. Grdr. II. 24.

Всѣ остальные основы сохраняются въ первоначальномъ правильномъ видѣ, и если бы мы могли формально допустить въ первой части нѣкоторыхъ словъ именит. падежъ, напр., ночь, потъ, медь, дръ, то это предположеніе не найдетъ поддержки въ другихъ соображеніяхъ: 1) родственные языки указываютъ здѣсь несомнѣнную основу, 2) именит. пад. въ синтаксическомъ отношеніи здѣсь не имѣетъ смысла, 3) этому предположенію противорѣчатъ слова съ консонантическими основами: если бы, напр., гос считать именит. падежомъ, то для ночь нужно бы предположить именит. пад. ночью. Замѣтимъ еще, что древнѣйшія сложения съ основами на -jo въ польскомъ языкѣ до послѣднихъ временъ сохранились со звукомъ -e: wojewoda, licemiernik, т. е. что этотъ звукъ не былъ съ теченіемъ времени замѣненъ звукомъ -o. Это при наличности такихъ формъ, какъ: kowionośny, peźobójca и мн. др. служить неоспоримымъ доказательствомъ, что нельзя допустить непосредственнаго вліянія сложныхъ словъ другъ на друга. Такъ какъ въ простыхъ словахъ на мѣстѣ стараго e появилось o, напр.: Staszów, Mniów и т. д., то и здѣсь легче всего обнаружилось бы дѣйствіе аналогіи, если бы оно вообще было въ этой области возможно.

Слова, сложные съ неправильно оканчивающейся основой относятся къ болѣе позднимъ временамъ, очевидно къ тѣмъ, въ которыя уже начали смѣшиваться основы въ простыхъ словахъ подъ вліяніемъ морфологической абсорпціи, и это обстоятельство указываетъ намъ на несомнѣнную связь между строеніемъ простыхъ словъ и сложныхъ.

Но и въ этомъ процессѣ смѣшенія основъ различаются два періода: старый и новый. Есть цѣлый рядъ словъ, въ первой части которыхъ является основа съ неумѣстнымъ съ

морфологической точки зрѣнія звукомъ -о, которому предшествуетъ твердый согласный звукъ вмѣсто ожидаемаго палатальнаго. Эти слова повторяются въ разныхъ славянскихъ языкахъ и по характеру составныхъ частей обнаруживаютъ древнее происхожденіе. Къ нимъ относятся, напр., Konotor, Kopojady, konował, Konotor, Kostomłoty, kostopraw, kazpodziejsa, piesnotworka, krwotok, bartodziej, Гостомысль, Осмомысль, Костомар(овъ), ц.-сл. пламеноносць и др. Повидимому, это могло случиться только въ то время, когда палатальность зубныхъ, плавныхъ и губныхъ звуковъ была еще не очень сильна, т.-е. на польской почвѣ, по крайней мѣрѣ, до половины XII в. (ср. Бод. „О др.-польс. яз.“, стр. 53). Впрочемъ, гдѣ не было рѣзкаго измѣненія звука (напр., *ć, dź* на мѣстѣ древняго *t', d'*) тамъ и въ болѣе позднія времена могла появляться форма съ непалатальнымъ согласнымъ передъ -о, напр., Swinogaś, которое въ XVI в. чередуется съ сочетаніемъ Swinia gaś и поэтому не можетъ быть очень старымъ.

Наконецъ, въ новѣйшій періодъ появляется -о и послѣ палатальныхъ звуковъ: wiciokrzew, krwionośny, kościotrup, kopiówół и т. п.

Очевидно, видоизмѣненная основа появляется только въ новыхъ сложеніяхъ, построенныхъ по образцу болѣе древнихъ, но эти новыя сложенія не производятъ никакого уподобляющаго вліянія на первую часть старыхъ сложныхъ словъ или же ихъ уподобляющее вліяніе обнаруживается въ крайне рѣдкихъ случаяхъ.

Остается намъ еще сказать нѣсколько словъ о формѣ первой части, которую можно бы назвать ненормальной. Существуетъ рядъ словъ, которыя можно считать и сращениями и сложеніями. Сюда относится прозвище Kuninoga consul lubliniensis Dl. III. 480, современное прозвище аиста dżuginoga Karł. Sł. gw. pols. и названіе мѣстности Kurzynoga Калише. губ. Въ первыхъ двухъ случаяхъ мужскую форму прилагательнаго можно бы объяснить стремленіемъ согласовать ее въ родѣ съ предметомъ, къ которому относится прозвище; относительно третьяго случая это возможно развѣ только тогда,

если это слово (Kurzynoga) обозначало первоначально лѣсъ (las, gaj), ущелье (wąwóz, dół), постройку (dom, budynek) или какой-нибудь предметъ мужского рода.

Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого предположенія могли бы служить сербскія формы въ родѣ: *debelkosa*, *gvozdenzuba*, *šarentrba*, *debelguza* и т. п. (ср. *Mikl. Vergl. Gr.* II. 351), или у Маретича прозвища *Zelenkara* и въ производномъ *Vjelbradić* повидимому отъ *Vjelbrada*, гдѣ въ первой части стоитъ несомнѣнная форма им. пад. ед. ч. мужского рода. Однако нѣкоторые факты заставляютъ сомнѣваться въ вѣрности этого объясненія. Во-первыхъ, какъ объяснить польск. названія: растенія *kosimiętka* и мѣстности *Dambięka*? *Wielk. П.* 29. Здѣсь появленіе мужской формы въ первой части не могло быть вызвано ни характеромъ второй части ни соображеніями относительно грамматическаго рода пѣлаго слова. Во-вторыхъ, странно, что всѣ эти слова (за исключеніемъ развѣ названія растенія *ptaszygłow* 1485 г. *Rost.* 280) во второй части не только сохраняютъ форму на -а (вопреки другимъ притяжательнымъ сложеніямъ, но даже (въ сербск. яз.) принимаютъ это -а, хотя во второй части стоитъ существительное мужского рода: -zuba, -guza и т. д. Оставляя въ сторонѣ сербскія формы, которыя требуютъ историческаго изученія по памятникамъ, выскажемъ относительно польскихъ предположеніе, что по причинѣ страннаго окончанія -і въ первой части и -а во второй, ихъ слѣдуетъ считать новообразованіями, происшедшими изъ сочетаній по образцу сложныхъ словъ съ глагольнымъ элементомъ въ первой части. Это вліяніе обнаруживается, какъ мы уже упомянули, въ нерѣдкой замѣнѣ сочетаній съ формою на -і въ первой части — сращениями, а не сложеніями: *bożudar*, *czerwitruj*, *czarinos*, *żabiściek*, *czarcikęs* (позднее названіе: въ XV в. записанъ еще въ чуждой польскому языку формѣ *czirty kus* *Rost.* 316), *babikęs*, *babimóg*, *babizab*, даже *babikrówka*, *bożybyt*, *bożukwiat*, *bożulist* и мн. др. Все это названія растеній, не входящія далѣе XV вѣка. Такія же ирраціональныя формы встрѣчаются въ русскихъ прозвищахъ XVII вѣка: Пятибратовъ, Пятигорчинъ, Семнхость Туп. въ чешскихъ словахъ:

medicergveny (красный, какъ мѣдъ), pídídluhý (длинный, какъ пядь, мальчикъ съ пальчикъ) и т. п.

3. Форма второй части сложныхъ словъ.

Въ формѣ второй части сложныхъ словъ на польской и вообще на славянской почвѣ произошло одно только существенное измѣненіе и при томъ исключительно въ области притяжательныхъ сложений или, лучше сказать, въ области сложений, замѣняющихъ собою притяжательныя сочетанія. Эти сложные слова перемѣнили древнее окончаніе, принимая новое, согласно полу обозначаемого ими лица или грамматическому роду обозначаемого ими предмета. Измѣненіе окончанія не произошло только тогда, когда родъ сложнаго слова совпадалъ съ родомъ существительнаго, стоящаго во второй части сложения. Фактъ этотъ настолько извѣстенъ, что приведеніе примѣровъ представляется совсѣмъ лишнимъ.

Этимъ путемъ перемѣны суффикса получилось то, что многія первоначальныя существительныя перешли въ разрядъ прилагательныхъ, т. е. понимались какъ прилагательныя и со временемъ значительное ихъ количество имѣло общую судьбу съ прилагательными, т. е. и въ нихъ произошло сращеніе съ мѣстоименіемъ -ji, напр., *Złotoust* XIII в. Б. — теперь только *Złotousty*. Это явленіе замѣчается далеко не всегда: *Złotousty*, *Krzywousty*, *Laskonogi* это несомнѣнныя прилагательныя по значенію и по формѣ, между тѣмъ какъ *białogłowa*, *złotogłów* и мн. др. остаются существительными. Атрибутивный характеръ сложения обнаруживается внѣшней формой только тогда, когда данное сложеніе не замѣняетъ собою названія предмета, но стоитъ рядомъ съ нимъ: *Jan Złotousty*, *Bolesław Krzywousty*, *Władysław Laskonogi*. Напротивъ того: *białogłowa*—это синонимъ женщины (*kobieta*, прежде *żona*, *zamica*), *złotogłów* служитъ названіемъ парчи или извѣстнаго растенія.

Различіе во внѣшней формѣ между атрибутивными и неатрибутивными сложениями относится къ новымъ сравни-

тельно временамъ; даже и теперь нѣкоторыя притяжательныя сложные слова могутъ принимать двойную форму: прилагательнаго или существительнаго, напр., *długouchy* и *długouch*. Напротивъ того, перемѣна суффикса, характеризующая цѣлый классъ притяжательныхъ сложений, совершилась давно, во всякомъ случаѣ въ дописьменную эпоху, а такъ какъ она обнаруживается одинаково во всѣхъ славянскихъ языкахъ, то ее можно отнести даже къ эпохѣ общеславянской жизни.

Въ историческое время уже нѣтъ вовсе слѣдовъ предполагаемой первичной формы этихъ сложений. Правда, что Калина (*Hist. jęz. pols.* 144) приводитъ форму *Laskonoga* вм. обычной *Laskonogi*. Но эта послѣдняя исключительно господствуетъ въ языкѣ уже съ XIII вѣка (князь, носившій это прозвище, жилъ съ 1168 до 1232 г. и документы XIII вѣка знаютъ только форму *Laskonogi*), между тѣмъ какъ форма *Laskonoga*, относящаяся къ XVI в. (Бѣльскій) или ошибочно записана или составляетъ продуктъ индивидуальнаго подновленія.

Притяжательныя двучленные слова съ неизмѣнной второй частью попадаютъ только въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, о которыхъ мы говорили въ предыдущемъ отрывкѣ: *kupinoga*, *długinoga*, *kurzypoga*, въ сербс. *zelenkara*, *debelkosa* и т. п. Такъ какъ въ сербс. яз. при нихъ стоятъ слова съ вторичнымъ суф. -а: *gvozdenzuba*, *šarentrba*, то можно предположить, что и въ такихъ словахъ, какъ *zelenkara*, *debelkosa* это конечное -а вторично или, точнѣе, что всѣ эти слова на -а новѣйшаго происхожденія и что они образованы наподобіе довольно распространеннаго типа сложныхъ словъ съ глагольнымъ элементомъ въ первой части, нерѣдко оканчивающихся на -а. Для польскихъ словъ это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что въ первой ихъ части стоитъ форма на -i.

4. Нѣсколько замѣчаній о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ.

Drgubica—сѣтъ, состоящая изъ трехъ частей (видоизмѣненія этого слова: *drygubica*, *drugubica*, *drychybica*, *tryhubica*

Sl. Warsz. Ср. также Arch. 11. 140), очевидно произошло изъ *trgubica путемъ обыкновенной ассимиляціи согласныхъ. Такая ассимиляція не совершилась въ словѣ roztrnożca Rozpr. 22. 35 (prodigus), которое по первоначальному его значенію можно бы противопоставить рус. глаголу „стреножить“, т. е. связать двѣ ноги лошади, чтобы ее сдѣлать какъ будто треножной. Поэтому roztrnożca—человѣкъ развязанный, распущенный, расточительный.

Barłóg др.-польс. barłoga съ такимъ же окончаніемъ, какъ и рус. берлога (Rozpr. 25. 34. Pr. F. I. 97. Arch. 5. 553; 6. 470) w barłodzech F. 103. 23.

Gospodzin всѣ остальные падежи, кромѣ именит., образуется отъ основы gospodyno: род. gospodna (такъ всегда во Флоріанскомъ Пс. и только одинъ разъ gospodzina Fl. 104 дат. gospodnu и т. д. Можно бы полагать, что и gospodzin изъ *gospodzien, т. е. gospodyъ, подъ вліяніемъ аналогіи словъ на -in. Это слово принадлежитъ къ тѣмъ немногочисленнымъ, которыя обыкновенно относятся къ обще-индоевропейской эпохѣ. Но нельзя не согласиться, что сопоставленія его съ санскр. jāspati- и др. подобными словами (Oswald Richter „Griech. δεσπότης“ K. Z. 36. 111, Meillet. Mem. Soc. Ling. 10. 135) обнаруживаютъ не первоначальное тожество, а только сходство этихъ словъ. Можно здѣсь повторить слова Бругманна: „alle diese Formen decken einander nicht genau“. Слѣдовало бы поэтому думать, что въ праиндоевропейскомъ языкѣ существовало сочетаніе двухъ словъ для обозначенія „повелителя племени“ (по Meillet), при чемъ въ первой части этого сочетанія могли стоять слова, происходящія отъ одного и того же корня, но съ различною вокализациею. Сложныя же слова образовались на почвѣ отдѣльныхъ языковъ. Вслѣдствіе этой разновидности вокализациі трудно даже допустить, чтобы слово господъ было *срощеніемъ* двухъ падежныхъ формъ, совершившемся на общиндоевропейской почвѣ.

Niedźwiedzъ въ др. польс. miedźwiedzъ: Mecvade 1268 Б., Medwed (1125 с. 1275) Б., miedźwiedzъ XV в. R. 437, но уже и niedźwiedzъ R. 196, также Nyedzwyedza villa Dl. H. 5. 217. Нѣсколько кажется страннымъ, что во всѣхъ сла-

вянскихъ языкахъ является звукъ *ћ*, а не *га*, котораго можно бы ожидать въ виду того, что между *з* и *ћ* (медзъ -*ћ*дъ) естественно могъ развиться звукъ *ј*, который вызвалъ появленіе формъ: *гасті*, *галь*, *гастіе* и т. д. Не имѣемъ ли мы здѣсь указанія на то, что звукъ *ј* передъ начальными гласными появился въ позднія времена?

Ц.-сл *држколъ*—собственно „древесный колъ“ чешс. *drkolč* наравнѣ съ *медвѣдъ*, господъ и т. п. доказываютъ, что происхожденіе первыхъ сложныхъ словъ надо отнести къ тому отдаленному времени, въ которое существовало еще тонкое этимологическое чутье, позволявшее возстановлять правильную основу путемъ отвлеченія ея отъ флексивныхъ формъ.

Nocleg—ночлегъ. Хотя это слово составляетъ общеславянское достояніе, однако, вслѣдствіе неясности взаимнаго синтаксическаго отношенія составныхъ его частей, происхожденіе его нужно отнести къ поздней эпохѣ общеславянскаго единства. Дѣйствительно, первая часть можетъ стоять въ функции род., вин. или твор. пад. времени, или же основа *ночь*-заступаетъ мѣсто основы прилагательнаго *ночно-*, и тогда сложное слово заступало бы мѣсто первоначальнаго сочетанія, обозначающаго „ночное лежаніе“. Такъ какъ сочетаніе косвеннаго падежа въ значеніи нарѣчія времени съ существительнымъ представляется страннымъ, а замѣна основы прилагательнаго основой существительнаго могла произойти только въ тѣ времена, когда люди потеряли въ известной степени этимологическое чутье, поэтому мы въ правѣ считать слово *ночлегъ* новымъ, вѣроятно образованнымъ по образцу болѣе древнихъ сложныхъ словъ и не восходящимъ ни къ какому сочетанію.

Rośbiega. Приводимъ здѣсь слова Брюкнера Pr. F. 5. 41: „*rośbiega* (слово найденное авторомъ въ памятникѣ XV в.)—*vagus*, прадревнее слово, въ ц.-сл. *потъпѣга* и *потъбѣга*, др.-чешс. *rodvěha*—*uxor dimissa*; если бы не мѣшали формы съ -*пѣга*, можно бы это слово объяснить, какъ „отъ господина убѣгающая“, *потъ*—господинъ = *patis*, *полс* и т. д., въ польскомъ значеніе расширенное и на мужское лицо, ср. *wojewoda* и т. п.“ Во всякомъ случаѣ польское *ś* (въ памятникѣ

sz: *roszbyega*) указывает на то, что формы съ *-d-* болѣе поздняго происхожденія и вѣроятно были вызваны смѣшеніемъ ихъ съ предлогомъ *podъ*.

Nietoperz. Мы бы ожидали *nietoperz*; повидимому е сохранилось благодаря ложному пониманію этого слова, какъ будто сложнаго съ отрицаніемъ *nie*. Вторую часть этого слова мы бы сопоставили съ рус. *у-пырь* (предполагаемое польское **u-pyrgz*, потомъ **u-pergz*). Польс. *prióg* несомнѣнное заимствованіе, вѣроятно изъ малорусск. (*prióg* изъ **upierg*, а это изъ **upirg*). Изъ многочисленныхъ видоизмѣненій этого слова упомянемъ только относящуюся къ XV в. форму *niedopyrgz R. 433* при *nietopyrgz*.

Człowiek. Не касаясь множества сдѣланныхъ попытокъ объяснить происхожденіе этого слова, укажемъ только на интересное, записанное въ Сувальской губ. слово *chogowiek Karł. Sł. gw. pols. = человекъ слабый, истощенный болѣзнями*.

Licemiernik — фарисей, ц.-сл. *лицемѣръ*, чешс. *liceměrník* и т. д. Это слово не поддается объясненію, если считать, что оно состоитъ изъ основы сущ. *лицо* и имени, образованнаго отъ корня *мѣр-*. Повидимому и въ XV в. этимологія этого слова была непонятна, такъ какъ въ одномъ изъ памятниковъ записано: „*phariseus quasi lice myrzyczi*“ *Rozpr. 24. 375* = *лицо мерзящій*. Въ древнихъ памятникахъ имѣются двѣ формы: *licemiernik Rozpr. 24. 353* и т. д. и *lucemiernik* (*luczemerniczy* въ Гнѣзненскихъ проповѣдяхъ XIV в. *Rozpr. 25. 41*, *luczemerniczka* начала XV в. *Rozpr. 24. 84*). Въ виду того, что формы съ *u* встрѣчаются въ болѣе древнихъ памятникахъ, чѣмъ формы съ *i*, которыя потомъ удержались до XVI в. и тогда были вытѣснены словомъ *faryzeusz* (см. выше стр. 7, о замѣнѣ слова *licemiernik* словомъ *faryzeusz*), можно признать форму *lucemiernik* болѣе древнею, чѣмъ форму *licemiernik*, тѣмъ болѣе, что появленіе *u* не могло быть вызвано дѣйствіемъ какой-нибудь аналогіи или народной этимологіи. Скорѣе можно предположить обратное дѣйствіе: замѣну первоначальнаго *u* болѣе позднимъ *i*. Предполагаю, что слово *lucemiernik* принадлежитъ къ числу сложныхъ словъ

въ родѣ *bawelna* (въ XV в. *bawelna* при *bomuwol* R. 236), *browar*, чеш. *vános*, съ первой частью, заимствованною изъ нѣмецкаго языка. *Schade* (*Altdeutsches Wörterbuch*) приводитъ готское: *liuts*—*heuchlerisch, betrügerisch*. Вѣроятно слово людемѣръ первоначально обозначало человѣка (вупца, можетъ быть нѣмца), пользующагося фальшивою мѣрою; отсюда лицедѣй, *люцедей = почти то же, что злодѣй, обманщикъ.

Małzonek, małzonka, ц.-сл. малъжена, малъженъ. Этимологию этого слова, предложенную Юнгманомъ, затѣмъ Миклошичемъ и наконецъ Семеновичемъ *Arch. VI* можно поддержать слѣдующими соображеніями: 1) относительно чешской формы *manžel, Gebauer*, *Hist. Ml. I. 544*, приводитъ рядъ древне-чешскихъ примѣровъ формы *malžen*, которую онъ справедливо считаетъ болѣе древнею, чѣмъ *manžel*¹⁾. 2) Слово *malžen* сохранилось только въ западныхъ современныхъ славянскихъ языкахъ, которые перетерпѣвали нѣмецкое вліяніе. 3) Въ этихъ языкахъ слово *malžen* не сдѣлалось народнымъ: въ польскихъ говорахъ оно употребляется только въ высокопарной рѣчи, какъ русск. супругъ и изъ производныхъ словъ общеупотребительно только *małżeństwo* — названіе таинства брака, очевидно заимствованное изъ катехизиса и церковнаго обихода. 4) Въ польскихъ памятникахъ оно встрѣчается тѣмъ рѣже, чѣмъ памятникъ старше, напр.: во Флоріанскомъ псалтырѣ вовсе нѣтъ словъ: *małzonek, małzonka*, а есть только: *maż, żona, powożenia*. Въ *BZ.* изрѣдка появляется *małzonka* 125, 142 (3 раза), 144, но громадный перевѣсъ видимъ здѣсь на сторонѣ слова *żona* въ значеніи *ихог* (и *femina*), слова же *małzonek* въ *BZ.* вовсе нѣтъ и есть только *maż*. Даже въ *BW.* всегда *ихог* обозначается словомъ *żona*. Замѣчательно, однако, что слова *małzonek, małzonka* иногда встрѣчаются среди польскихъ глоссъ въ латинскихъ рукописяхъ XV вѣка: *ex conjugata — s małzonki, conjugati — małzonkowie, conjuges — małzonkowie, in conjugatis — w małzonkoch* *Spr. V. 254*. Но и здѣсь это обуславливается, повидимому, личностью глос-

¹⁾ Подобныя перестановки звуковъ встрѣчаемъ въ словахъ: *korovlat* и *letorasł, ratolesł, ratolest, letorast* *Geb. Hist. Ml. I. § 458, стр. 541, 542.*

сатора, такъ какъ въ другихъ памятникахъ появляются другія слова: conjugate — meżatki Rozpr. 25. 141. coniugi — meżowi Rozpr. 25. 152, (хотя ad conjugia — на małżeństwo Rozpr. 25. 154. ku małżeństwu ib. 177); ad uxorem—oblu-bienicy Rozpr. 22. 12. Въ началѣ XVI в. въ сочиненіи Опеца Pr. F. П. 672 читаемъ: małżonkę czusz żonę, какъ будто писатель хотѣлъ пояснить мало понятное слово małżonka общеизвѣстнымъ словомъ żona; въ концѣ XVI в. слово czusz было въ текстѣ вычеркнуто. Все это доказываетъ, что на польской почвѣ слово małżonek, małżonka прививалось не скоро да и теперь оно еще не успѣло привиться въ народныхъ говорахъ. Слова manzel, manzelka и въ чешскомъ языкѣ имѣютъ нѣкоторый оттѣнокъ торжественности сравнительно со словами: muž, žena. Повидимому до послѣднихъ временъ сохранились слѣды когда-то книжнаго или церковнаго происхожденія этого слова. Его родиной мы склонны признать Чехію, откуда małzen (вмѣстѣ съ введеніемъ христіанства), и потомъ (въ концѣ XV или въ началѣ XVI в.) въ видоизмѣненной формѣ manzen-, manzel- и т. п. Такъ, въ „Żywot świętego Aleksego“ Spr. V находимъ: manzenkę, въ нѣсколькихъ другихъ памятникахъ этого же XVI в. встрѣчаются формы: manzel, manzenka, manzeństwo, mazeństwo, małzonkowie, małżonka, małzonek, małzonka и т. д. Можно думать, что всѣ эти разновидности были вызваны стремленіемъ объяснить непонятное слово (ср. błogosławić и bogosławić). Въ „Lexicon latino-polonicum“ 1564 г. Мончинскаго имѣется прямое доказательство, что тогда дѣлались сознательныя попытки объяснить этимологию этого слова. Тамъ говорится: „Małzonek нѣкоторые пишутъ, доказывая, что это слово состоитъ изъ нѣм. Mann, что значитъ мужъ и изъ польск. żona, отсюда małzonek—мужъ, имѣющій жену, małzonka—жена, имѣющая мужа“ (см. словарь Линде III. 37).

Вѣроятно, это слово образовалось на чешской почвѣ въ то время, когда нѣмецкіе священники распространяли тамъ христіанство. Тогда именно появилась надобность различать жену законную отъ незаконной или мужа, женившася по христіанскому или по языческому обычаю. Для этого различія

нужно было найти новый терминъ и вполнѣ естественно, что священники сдѣлали здѣсь заимствованіе изъ родного нѣмецкаго языка, гдѣ слово *mahel* является только въ сложеніи или въ производныхъ словахъ (Brückner „*Sywilizacja i język*“ Варшава, 1901, стр. 31). Что было раньше: малжена или малжень, теперь нельзя рѣшить, во всякомъ случаѣ естественно предположить, что одно является произведеннымъ отъ другого. Если древнѣе малжень, тогда это *bahuvrihi*, если малжена—тогда его надо понимать, какъ *karmadhāraya*.

Важнымъ препятствіемъ для этой этимологіи служить нѣм. *h*, на мѣстѣ котораго въ IX в. мы бы ожидали въ славянскомъ словѣ звукъ *h*. Behagel (*Grdr. d. germ. Phil. I.* 586) говоритъ, что *h* исчезло между гласными въ древне-нижне-франкскихъ говорахъ, и напротивъ того въ ниже и средне-нѣмецкихъ оно сохранилось до средняго періода исторіи этихъ діалектовъ. Остается, однако, предположить, что нѣм. *h* между гласными (*mahel*-, *mahal*-) звучало уже настолько слабо, что этотъ звукъ ускользалъ отъ вниманія славянъ. Притомъ надо замѣтить, что если дѣйствительно слав. слова: король, *król*, *král* составляютъ видоизмѣненіе нѣмецкаго имени *Karl*, въ такомъ случаѣ происхожденіе слова *mažen*- надо отнести по крайней мѣрѣ во второй половинѣ, а можетъ быть и къ концу IX вѣка къ послѣ-Меѳодіевскому времени. Въ противномъ случаѣ это слово мы бы ожидали найти въ древнѣйшихъ памятникахъ ц.-сл. яз. по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, о которыхъ можно думать, что они написаны во время жизни св. Меѳодія въ Чехіи, и оно вѣроятно звучало бы тогда млажен- (какъ *král* и сербс. *пладне*).

ГЛАВА VI.

З а к л ю ч е н і е.

Наше изслѣдованіе, по характеру приводимыхъ въ немъ доказательствъ, раздѣляется на двѣ части: историческую и гипотетическую. Въ этой послѣдней мы вышли за первоначально намѣченныя нами рамки на почву обще-индоевропейскихъ явленій, надѣясь, что историческіе факты одного языка могутъ въ извѣстной степени уяснить ходъ развитія нѣкоторыхъ давно забытыхъ языковыхъ процессовъ.

Мы пришли къ убѣжденію, что въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ, даже въ очень отдаленной эпохѣ его жизни, могли случаться сращенія двухъ морфологическихъ единицъ въ одно цѣлое, но такія механическія сращенія путемъ аналогіи не могли вызвать появленія сложныхъ словъ, такъ какъ 1) были очень рѣдки и 2) вслѣдствіе фонетическихъ измѣненій затемнился характеръ ихъ строенія.

Въ обще-индоевропейскомъ языкѣ еще не было сложныхъ словъ, въ общепринятомъ смыслѣ этого термина, а были только простыя слова, состоящія изъ корня и суффикса или основы и суффикса. Оба элемента: корень и суффиксъ имѣли идейное значеніе. Суффиксъ обозначалъ самое широкое понятіе чего-то существующаго или происходящаго, давалъ неопредѣленное указаніе на это понятіе. Суффиксы относительно широты ихъ намековъ на понятія различались другъ отъ друга, т. е. значеніе однихъ было шире, чѣмъ другихъ. Корни, сравнительно съ суффиксами, имѣли значеніе гораздо опредѣленнѣе: они служили названіями для извѣстнаго дѣйствія, со-

стоянія, качества, предмета, но каждый изъ нихъ могъ одинаково обозначать дѣйствіе, результатъ дѣйствія, дѣйствующій предметъ и т. д.

Такимъ образомъ каждое простое слово состоитъ изъ двухъ элементовъ, изъ которыхъ второй (конечный) имѣетъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ первый. Болѣе частнымъ опредѣленіемъ понятія, обозначаемаго суффиксомъ, служитъ понятіе, обозначаемое корнемъ или основою.

Дифференціація понятій могла совершаться нѣсколькими способами. Въ первой части словъ могъ появляться корень или основа съ однимъ или нѣсколькими суффиксами, и сообразно этому измѣнялось значеніе слова, напр., жи-, житель, житель-ство, жительство-вать. Второй способъ дифференціаціи заключался въ томъ, что въ семасіологической функціи суффикса появлялся корень (сохранившійся въ этой функціи въ различныхъ индоевропейскихъ языкахъ Brugm. Grdr. II. 461) или снабженное суффиксомъ слово, имѣющее широкое значеніе. Его опредѣлителемъ осталась, какъ и въ простыхъ словахъ, основа. Наконецъ слово, состоящее изъ корня и суффикса, могло принимать въ качествѣ опредѣлителя адвербіальный префиксъ. Такимъ образомъ могли естественнымъ путемъ уже въ отдѣльныхъ языкахъ появиться сложные слова, тождественныя по своему строенію, но различныя въ каждомъ языкѣ по своимъ составнымъ частямъ. Образцомъ для нихъ служилъ обще-индоевропейскій типъ простого слова.

Ближайшей причиной, вызвавшей появленіе въ языкахъ сложныхъ словъ, были сочетанія, т. е. синтаксическія пары словъ, обозначающихъ одно понятіе.

По своей формѣ сочетанія ничѣмъ не отличались и теперь не отличаются отъ синтаксической группы, состоящей изъ опредѣленія и опредѣляемаго слова. Разница заключается только въ болѣе узкомъ ихъ значеніи, вызванномъ тѣснымъ ихъ ассоціированіемъ съ извѣстнымъ узкимъ понятіемъ (предметомъ, лицомъ, мѣстностью и т. д.). Когда разъ совершилось сложеніе двухъ понятій въ одно новое понятіе, тогда наступаетъ сложеніе двухъ членовъ сочетанія въ одно новое

слово. При этомъ имѣются два случая: иногда (рѣдко) совершается механическое сращеніе словъ, въ другихъ случаяхъ образуется новое слово по общему принципу словообразованія, т. е. съ основою въ первой части.

На первыхъ порахъ замѣчается колебаніе между сращеніемъ и сочетаніемъ, и между сложеніемъ и сочетаніемъ; со временемъ одно вытѣсняетъ изъ употребленія другое. Но на мѣстѣ сочетанія появляется въ языкѣ только или сращеніе или сложеніе, и оба эти типа не смѣшиваются другъ съ другомъ. Колебаніе между сращеніемъ и сложеніемъ можетъ происходить только или вслѣдствіе заимствованія изъ другого языка или вслѣдствіе сознательной попытки осмыслить данное слово, указать формальную функцію первой его части (тогда сложеніе замѣняется ложнымъ сращеніемъ) или наконецъ стремленіемъ уравнить данное слово съ другими сложными словами (тогда сращеніе замѣняется сложеніемъ). Всѣ эти процессы случаются крайне рѣдко.

Въ нормальномъ процессѣ развитія двучленныхъ словъ замѣчаются два момента: первый общій для всѣхъ—это народженіе сочетанія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; второй моментъ заключается въ переходѣ сочетанія въ сращеніе или въ замѣнѣ его сложнымъ словомъ съ основою въ первой части.

Сочетаніе отличается отъ сращенія тѣмъ, что обѣ его части (если сочетаніе состоитъ изъ прилагательнаго или мѣстоименія и существительнаго) склоняются самостоятельно и что производныя отъ нихъ сложные слова имѣютъ основу въ первой части. Когда сращеніе уже совершилось, тогда и въ производныхъ словахъ появляется падежная форма въ первой части (*wielkoposny* — *wielkanosny*).

Если въ языкѣ существуетъ наклонность къ сращенію какого-нибудь сочетанія, тогда еще до совершенія этого сращенія въ производныхъ словахъ появляется падежная форма въ первой части. Иначе говоря: основное выраженіе еще остается на степени сочетанія, но производныя слова образуются такъ, какъ будто это основное выраженіе было уже сращеніемъ (Нова города, новгородскій).

Только незначительное число сложныхъ словъ восходитъ

въ сочетаніямъ; громадное ихъ большинство зарождается сразу, по образцу другихъ сложныхъ словъ.

Древнѣйшія сложные слова образованы совсѣмъ правильно, т. е. съ правильною основою въ первой части. Исключеніе составляютъ женскія основы на -ā и среднія на -os. Последнія вѣроятно попали въ сложеніе уже въ позднее время, первыя очень рано пошли по аналогіи съ основами на -o вѣроятно потому, что ихъ основа по своей формѣ совпадала съ именительнымъ падежомъ, имѣющимъ строго опредѣленную синтаксическую функцію.

Замѣна различныхъ основъ основами на -o въ первой части сложений должна была произойти уже во время развитія морфологической абсорпціи и затемнѣнія основъ въ простыхъ словахъ.

Аналогія основъ на -o не обнаруживаетъ своего вліянія на древнія сложные слова, а только на новообразованія (miedźwiedz — miodojad).

Эти новообразованія можно раздѣлить на двѣ группы: болѣе древнюю, къ которой принадлежатъ когда-то мягкія основы, принявшія потомъ конечный звукъ -o съ диспалатализованнымъ предыдущимъ согласнымъ звукомъ (kostograw) и новую съ палатальнымъ согласнымъ (kościotrup).

Вторымъ послѣдствіемъ смѣшенія и затемнѣнія основъ въ простыхъ словахъ были такія измѣненія основъ въ первой части сложения, которыя повлекли за собою затемнѣніе синтаксическаго отношенія одной части сложения къ другой. Основы прилагательныхъ замѣняются основами существительныхъ; вообще основы укорачиваются, теряютъ суффиксы (Dębowa łęka — Dębołęka вм *Dębowołęka) и затѣмъ такъ видоизмѣненные сложные слова дѣлаются образцами для новыхъ сложений, въ которыхъ синтаксическая связь между частями становится очень неопредѣленной.

Наше предположеніе о генетической связи такъ названныхъ сложныхъ словъ съ такъ названными простыми словами основано на слѣдующихъ соображеніяхъ:

1) Принципъ словообразованія долженъ быть въ языкѣ одинъ.

2) Простое слово состоитъ также, какъ и сложное, изъ двухъ частей (основы и суффикса).

3) Отношеніе этихъ двухъ частей можно объяснить такъ, какъ и отношеніе двухъ частей сложнаго слова.

4) вмѣстѣ съ видоизмѣненіями и затемнѣніемъ основъ въ простыхъ словахъ, появляются видоизмѣненія въ основѣ первой части новыхъ сложныхъ словъ.

5) Не признавъ вліянія аналогіи простыхъ словъ на образованіе сложений, мы должны прибѣгать къ приемамъ, которые противорѣчатъ основнымъ методическимъ принципамъ сравнительной грамматики, не допускающимъ предположенія, что въ индоевропейскую эпоху существовали сложные слова, хотя ни одно изъ нихъ не сохранилось. Напротивъ, аналогія съ простыми словами дѣлаетъ для насъ яснымъ и происхожденіе сложныхъ словъ, имѣющихъ въ различныхъ языкахъ только ту единственную общую черту, что они построены по одному принципу, и многія явленія въ ихъ исторіи.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

- Ассимиляція основъ 110.
Дат. пад. въ срощеніяхъ 63.
Древность сложеній 87.
Занмствованія 7, 32, 56, 57, 61, 62, 71, 119, 120.
Замѣна сочетаній сложеніями 33, 34, 47, 61, 68, 80.
Именит. пад. въ срощеніяхъ 72.
Искусственныя срощенія 31, 97, 109.
Колебаніе между сочетаніемъ и сложеніемъ 45, 48, 53.
Колебаніе между сочетаніемъ и срощеніемъ 45, 79.
Нарѣчія въ срощеніяхъ 67.
Ненормальныя срощенія 9, 31.
Отношеніе сложеній въ срощеніямъ 27, 55.
Отношеніе сложеній и срощеній въ сочетаніямъ 10, 45.
Принципъ строенія словъ 90.
Притяжательныя сложенія 102, 115.
Причины срощеній 82.
Производныя отъ сочетаній 22, 35, 48, 51; съ падежною
 формою въ первой части 20, 21, 39, 40, 51, 71.
Производныя отъ срощеній 20, 30, 35.
Происхожденіе сложеній 84.
Происхожденіе срощеній 22, 27, 41, 69, 78.
Прошедшее время 25.
Сандхи въ срощеніяхъ 27, 44.
Синтетическія сложенія 93.
Смѣшеніе основъ 107.
Сочетанія 76.
Срощенія съ глаголами 22.
Срощенія съ именит. пад. 28.
Срощенія съ косвенными пад. 59.
Укороченіе основъ 106.
Чередованіе падежей въ срощеніяхъ 15, 19, 32, 33, 35,
 39, 55, 78.
Чередованіе сложеній и срощеній 49, 60, 83.
Членныя прилагательныя 43.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВЪ.

Польскія слова.

- Albowiem 22.
Babidar 51.
Babiedarowic 51.
babikęs 114.
babikrówka 114.
babimor 57, 82, 114.
Babin most 46.
babiząb 114.
babrosty 71.
bałwochwalca 107.
Barcigłowo 82.
barłóg 111, 117.
baroróg 107.
bartodziej 113.
Bealtarsk 46.
Belgard 51.
białmech 58.
Białoborze 53.
Białobrzegi 47.
białogłowa 6, 34, 115.
białogon 106.
Białogrod 46, 49.
białorzyt 58, 104.
Białostok 83.
Białotarsk 47.
Białowąs 54.
Białowieże 46.
białpuch 58.
białydzień 32.
biedoklep 97.
bielednia 32.
Biłgoraj 51.
błogosławić 6.
bodaj 23.
Bogarodzica 82.
Bogdał 24.
Bogdan 72.
Bogmił 72.
bogobojny 60, 83, 104.
Bogołomia 67, 100, 111.
Bogomił 83.
bogomyślność 61, 108.
Bogoryja 68, 100, 104, 111.
Bógpomóż 24.
bogubicz 66, 71.
bogulichy 66.
Bogurodzica 64, 66, 82, 109.
Bogwidze 25.
Bógzapłać 24.
bojomocny 7.
Boryja 100, 107.
bowiem 22.
bożybyt 114.
bożydar 82, 114.
Boży dom 46.
bożykwiat 114.

- bożylist 114.
 Bożywój 53, 54, 82.
 Brłokowo 106.
 brodobrzanka 106, 109.
 brodogoń 83, 97.
 bronowłok 97, 99.
 Brzozogaj 47, 48, 50, 107.
 Brzozogłowy 108.
 brzuchomówca 109.
 na budniu 106.
 Bujiwąg 53, 54.
 Bujiwój 53, 54.
 bydłożenie 24.
 całopalenie 6.
 całujmię 56.
 Carogród 29.
 chorowiek 119.
 Chrószczobród 67.
 chresnomatka 83.
 chresnoociec 83.
 cielejelito 57.
 Ciemnołas 46.
 ciemnożółty 103.
 Ciepłowód 53.
 Ciepłowoda 46.
 codzienny 39.
 conocny 39.
 cudotwór 106, 109.
 cudząłożec 83, 97.
 cudzołożnica 7.
 cudzołożyć 6.
 cudzoziemiec 7, 104.
 cudzysłów 31.
 czapinos 58, 82, 114.
 czarcikęs 82, 114.
 Czarmysł 108.
 Czarnogłowiec 58.
 Czarnokozińce 46.
 czarnoksiężnica 83.
 czarnoksiężnik 83.
 Czarnolas 8, 47.
 Czarnotuł 46.
 czarnoziele 84.
 czarnożółty 103.
 czarodziej 85, 111.
 czartopłoch 71, 105.
 Czartoryja 68, 100, 111.
 czasogusłnik 72, 105.
 czcigodny 9, 58, 82.
 czerwirzepa 71.
 czerwitruj 71, 114.
 czerwogon 106.
 częstokół 104.
 Czirniegrad 46, 49.
 Czirnowąg 53.
 Czołomyje 67.
 człowiek 111, 119.
 czterdzieści 41, 81.
 czterechstronny 21.
 czterodniowy 21.
 czterostronny 21.
 czterokroć 17.
 czworośnia 107.
 dalekowidz 5, 85.
 dalekopis 97.
 darmodał 24.
 Dębiłęka 83, 114.
 Dębogóra 47, 107.
 Dębołęka 47, 107.
 Dęborzeczką 47, 107.
 długinoga 83, 113, 116.
 Długokąty 47.
 Długołęka 47, 48.
 Długopole 46, 47.

długoręki 89.
 Długosiedle 53.
 Długosiedło 46.
 długouch 116.
 długowieczny 6.
 z dobradziwu 31.
 z dobramiru 31.
 dobranoc 30.
 z dobrawoli 31.
 dobrobyt 33.
 Dobrocieski 48.
 Dobrociesz 47, 48.
 dobrodziej 105.
 dobropan 58.
 Dobrotwor 46.
 Dobrowoda 46.
 dobrowolny 104.
 dobry 43.
 Dobrzejejtak 24.
 Domaycerke 73.
 domorodny 83.
 dotychczas 10.
 dotychmiast 10.
 drgubica 111, 116.
 drobnowidz 5, 97.
 drogozłot 58, 104, 105.
 drożezłot 58, 105.
 drzewotocz 72.
 dwadzieścia 40, 81.
 dwakroć 7, 17.
 dwanaście 15.
 dwielistecz 57.
 dwojnasob 6.
 dwunasty 15.
 dwurażny 21.
 dwustronny 21.
 dymowach 97.

dziejopis 99.
 dzieńdobry 31.
 dziesięcistrunny 71.
 dziewięsił 17.
 dziewosłab 105, 111.
 dziś 42, 81.
 dzisiednia 83.
 dziwoląg 106, 109.
 dziwopłodny 7.
 dziwotwór 106, 109.
 dziwowidza 100, 105.
 Dźwigorzów 107.
 garnkotłuk 97.
 Głodomęk 67.
 głodomór 109.
 głogobicz 71.
 gołoledź 104.
 Gołonóg 53.
 gołopticze 58.
 Gornowola 47.
 gorzegroch 58.
 gorzekwiat 57.
 gorzki groch 58.
 gospodzin 117.
 grabołusk 72.
 grododzirza 100, 105.
 gromotrzask 71.
 groszorób 97.
 gwiazdomocny 7.
 gwiazdopad 71.
 hordowit 57.
 Igołomia 67, 100, 111.
 imiesłów 109.
 inochodnik 58.
 Jałowęsy 47, 48.
 jasnoniebieski 103.
 jastrzab 111.

- Jawidz 107.
 jawnogrzeszniak 34.
 jestem 25.
 jezdem 27.
 jedenaście 14, 81.
 jednokole 104.
 jednorodzony 6.
 jednorozec 58, 104.
 jenokole 104.
 kałuża 106.
 Kamiana gora 46.
 Kamostek 106, 108.
 Kampinos 51, 82.
 karygodny 59, 82.
 kaznodzieja 100, 113.
 kiełbodziej 105, 107.
 Kobyła głowa 46.
 kocimietka 114.
 Kodrąb 68, 80, 82.
 Kołodział 68, 111.
 kołodziej 111.
 kołomaz 111.
 Kołomyja 67, 100, 111.
 kołowrót 99, 111.
 koniochrom 72.
 koniowół 110, 113.
 Konojady 68, 99, 113.
 Konopat 68.
 Konotop 68, 100, 110, 113.
 konował 69, 110, 113.
 Końskowola 47.
 korkociąg 97.
 Kosobudy 49.
 Kostomłoty 100, 110, 113.
 kostopraw 110, 113.
 koszywał 69, 71.
 kościotrup 109, 110, 113.
 Kotropole 67.
 koziarzyć 58.
 Kozirak 53, 82.
 kozirozec 58, 82.
 kozodój 98, 99.
 kozodrza 100.
 Koźlarogi 51, 82.
 krajobraz 106.
 Krasnystaw 45, 52.
 kregosłup 109.
 krotochwila 107.
 Krowodrza 68, 100, 105, 111.
 Krwawy djabeł 53.
 krwionośny 110, 112, 113.
 krwiożerczy 110.
 krwiotok 110.
 krwotok 110, 113.
 Krzywołęcz 104.
 krzywonos 89.
 Krzywopłoty 46.
 Krzyworzeka 47.
 Krzywosąd 54, 98, 99.
 Krzywousty 54, 115.
 krzywynos 57.
 kucmerka 57.
 Kuninoga 83, 113, 116.
 kupalnocka 106.
 kuropatwa 70, 105, 108, 111.
 kuropłoch 70, 99, 105.
 kuroślepi 58, 108.
 Kurozwięki 68, 105, 111.
 kurza głowa 57.
 kurza noga 57.
 Kurzebok 53.
 kurze trzewce 57.
 Kurzynoga 83, 113, 116.
 kwasoród 97.

- Kwiatoniwski 68.
 kwiatopłodny 7.
 Laskonoga 116.
 Laskonogi 70, 105, 116.
 lasomyk 72.
 latorośl 85, 105, 111.
 latoś 43.
 lekoważyć 104.
 Lenicidol 51.
 licemiernik 7, 111, 112, 119.
 Lipia gora 46.
 Lisikierz 51, 82.
 listonosz 5, 7.
 listopad 85, 105, 111.
 Ludmiła 72.
 ludojad 99.
 Ludzka szkoda 53.
 łanie uszko 57.
 Łyskornia 106.
 Łysobyki 46.
 Łysokanie 47, 48.
 Łysołaje 46.
 makolągwa 72.
 małżen 111, 120.
 Marcyporeba 69, 83, 87.
 marnotrawiący 104.
 Masłomiąca 68.
 męczygłóg 71.
 mężobojca 7, 105, 112.
 Miedzylesie 67.
 Miedzyłęże 67.
 Miedzyrzec 67.
 miedźwiedź 105, 111, 117.
 Mięsosośnia 68, 87.
 miłosierdzie 6.
 modrzew 106.
 Mokrosek 104.
 motowaz 7, 109, 111.
 muchomor 85, 105, 111.
 Mysławczyce 107.
 napój 99.
 nasiędźwig 23.
 nasięzrzał 23.
 natomiast 10.
 natychmiast 11.
 nicpoń 13.
 nie (nie je) 22.
 Niedoma 24.
 niedźwiedź 111, 117.
 Niegodoma 24.
 nietoperz 111, 119.
 nieuk 99.
 niezapominaj 24, 56.
 nikkzemny 21.
 niwecz 13.
 nocleg 89, 105, 111, 118.
 nocnobięgający 7.
 nocstrzeg 57.
 Nowa wieś 46.
 Nowowieski 8, 48.
 nowożenia 104.
 Nowy dwór 46.
 Nowy grod 46.
 obadwa 42.
 obapolnie 40.
 obiad 99.
 obiedwie 42.
 obłok 99.
 obojętny 22, 40.
 obopolny 40.
 obowiązek 40.
 oburącz 21, 53.
 obustronny 21.
 Ociesęki 51.

- Ociesław 51.
 w ocyminiu 63.
 oczywisty 73.
 okamgnienie 63.
 Ołobok 46, 111.
 Opinogóra 47.
 opój, 99.
 osoryja 68, 72, 99, 105, 111.
 ostrog 107.
 Ostrołęka 47, 48.
 ostromlecz 58.
 Ostroróg 46.
 ostrowidz 104.
 Padła góra 46.
 Pambóg 29.
 Pańezus 29.
 parochód 85.
 parostatek 5, 8.
 parowóz 5, 8, 85.
 pierworodny 6.
 pierwospy 104.
 piesnotwórka 113.
 pięciparcica 57, 71.
 pięciostronny 21.
 pięćdziesiąt 16, 81.
 piotruziele 57.
 pirworodzony 104.
 piwowar 99.
 piwożłop 97.
 Płowąż 107.
 poćbiega 111, 118.
 podpis 99.
 pokos 99.
 połędnie 17.
 północ 17, 81.
 północny 20.
 połów 99.
 poślplacie 19.
 półtora 20, 81.
 południe 17, 81.
 południowy 20.
 połukorcze 19.
 połukoza 19.
 połuważek 19.
 popłoch 99.
 potomek 12.
 póty 37.
 powsikij 13.
 powsinoga 13.
 powszedni 11.
 prośnowłóć 58.
 przebog 12.
 przodochoźca 105
 przytomny 12.
 psiajucha 32.
 psiakrew 32.
 psiawiara 32.
 psikus 32, 82.
 Psie pole 46.
 Pstre sto 53.
 Pstrokonie 46.
 psubrat 63, 109.
 ptakoprawnik 105.
 ptaszygłów 55, 83.
 rękojmia 100, 105, 111.
 rękopis 99.
 rogobodziec 6.
 rosopaść 72, 105
 rozbój 99.
 rudobrody 89.
 rudogłowy 89.
 rybitw 106.
 Rybojedzki 68, 105.
 rybołów 99.

rymopis 99.
 Rytomoczydła 49.
 rzeczpospolita 31.
 rzymbaba 57.
 Sadłogoszcz 70.
 Sadokierski 51.
 sadopiór 58.
 Sadykierz 51, 82.
 samochód 8.
 Samokłęski 47.
 samouk 99.
 samzielon 57.
 sianokos 99.
 sianożęć 72.
 Sieradz 107.
 Siestrzewał 69.
 sinogarlica 6, 104.
 skarborodzicielka 7.
 skorozrzały 7.
 skorozrząc 24.
 Skotomierza 100, 105, 111.
 skotopaśca 105.
 Słaborowice 107.
 smarowóz 8.
 Smogorzów 107.
 sobiewolny 66.
 Sobokłęski 47.
 Soborzyce 107.
 Sobowidz 66, 68.
 sobowtór 66.
 Sokola dąbrowa 46.
 Sowie kłęski 47, 48.
 sowizrzał 32, 54, 82.
 Stargard 51.
 Starogrodzki 48.
 Starołęka 46.
 Staroniwa 46.

Starowolski 8.
 Stary gród 46.
 Stary koń 53.
 Stary Odrowąż 46.
 stogłow 58.
 stokłosa 58.
 stoletni 6.
 stonóg 58.
 storzycewę 23, 56.
 stoziarn 58.
 Suchdoł 46, 49.
 Suchoczasy 47.
 suchogłow 58.
 Suchostrzygi 49.
 suchowirzch 58.
 Suchywilk 53, 54.
 Sudoł 49.
 Suty most 46.
 swawola 9, 34.
 swywola 34.
 Synogać 47.
 Szamotuły 46.
 sześcian 106.
 Szirokie słowo 53.
 sztukamięsa 16, 70, 91.
 szybkobieg 99.
 ślinogorka 72, 105.
 świętoguślnik 105.
 świętokupiec 105.
 świętokradztwo 7.
 świętokradzca 105.
 Świętomarz 47.
 świniopas 99.
 Świnogać 47, 113.
 Tarnogóra 47, 108.
 tegoroczny 39.
 tegowieczny 39.

teraz 39.
 toje, tojeść, tojest 56.
 Tomidaj 24.
 trzechstronny 21, 53.
 trzecioletni 6.
 trzydniowy 89.
 trzydzieści 41, 81.
 trzykroć 17.
 Tucznobaba 46.
 Tumidaj 24.
 Turobin 68, 70.
 Turoboje 100, 111.
 Turzegłowy 51.
 tydzień 35, 81.
 tyle 37.
 udój 99.
 węłnobicie 105.
 wiarogodny 60, 83.
 wiciokrzew 113.
 widzimi się 22.
 Wielą łęka 46.
 Wieległowski 48.
 Wielepolski 48.
 wielgi 44.
 Wielgomłyny 48.
 Wieliga wieś 46.
 wielkanoc 29, 52.
 wielkonocny 30.
 Wielkowola 45.
 wielmnostwo 7.
 Wielogłowy 48.
 Wielogora 48.
 wielogroch 58.
 wielonog 58.
 Wielopol 53.
 Wielopole 48, 107.
 wieloroża 58.

wieloryb 58.
 Wielowieś 48.
 wielowyobrażony 104.
 Wietrzna gora 46.
 Wilcięże 106.
 wilczomlec 58.
 Wilczopole 46, 48.
 Wilkogrzeby 68.
 Wilkojecko 68.
 wilkołak 105, 111.
 Wilkołazy 68.
 Wilkowyje 68, 111.
 winogrono 58, 108.
 Wirzbięcín przewoz 46.
 wniebowstąpienie 13.
 wniebowzięcie 13.
 wodociąg 7
 wodowstręt 5.
 wojewoda 7, 70, 105, 111,
 112.
 Wołodrza 68.
 wszechmogący 61.
 wszechmocny 61.
 wszechmożny 61.
 wszedni 11.
 wszedobr 58.
 Wyciąże 106.
 Wysoki brzeg 46.
 wyszogniazdek 58.
 Wyszogród 46.
 wywar 99.
 zakonaność 7, 61.
 zakonawydawca 7, 61.
 zapas 99.
 zbieg 99.
 zbój 99.
 ziemiopłaz 6.

Zimnodoł 48.
 Zimna wodka 46.
 Zimnowodzki 48.
 zimolza 57.
 zimostradka 105.
 zimzielon 57.
 złoczyn 104.
 złodziej 54, 98, 105, 111.
 złorzeczenie 104.
 złorzeczyć 6, 7.
 złotogłowiec 58.
 złotogłów 58, 115.
 złotokwiat 58.
 Złotopole 46.
 złotorod 7.
 Złotoryja 68, 99, 100, 105,
 111.
 Złotoust 54, 115.
 złotowirzba 58.
 złotowłos 58.
 Zły dziej 53, 54.
 Zły dzień 53.
 zmartwychwstanie 12.
 zobopolny 22, 40.
 zwrot 99.
 Żabiściek 82, 115.
 Żaboklik 68.
 Żabokrzeki 68.
 żalamsza 60.
 Żmigrod 69, 82.
 żółtogłów 58.
 żółtonos 89.
 żółtowłos 58.
 Żółty pysk 53.
 żywokost 58, 104, 105.
 źlemyślca 67.

Чешскія слова.

balvanochvalce 107.
 črnobil 57.
 dařbůh 23.
 dvakrát 17.
 hadyžer 84, 97.
 hořekvět 57.
 jenorost 57.
 jinorodec 57.
 jitrocel 57.
 Kladruby 69.
 knihtisk 83.
 ledutřeseni 83.
 lidomil 72.
 lidumil 83.
 manžel 120.
 mědicervný 115.
 mědilijec 83.
 nicponina 13.
 niveč 13.
 novměsic 33, 83.
 nohsled 83.
 očevidomě 73.
 očihledě 73.
 Olomuc 111.
 pambausaham 23.
 pamborač 23.
 panimama 29.
 pantata 29.
 pididluhý 115.
 podběha 118.
 podoboji 12.
 poledne 17.
 povšedni 12.
 psihlav 83.
 psivod 83.

ranhoj 83.
 smrtohlav 84.
 solivarna 83.
 totožmluv 97.
 trikrat 17.
 tštitroba 83.
 týden 37.
 vladychtivost 83.
 vrdlouhat 23.
 všedni 12.
 zemolez 57.
 zubylom 97.
 zubytrh 97.
 zvěrilovec 83.

Сербскія слова.

Bjelbradić 54, 114.
 Bjelobaba 54.
 Bjelobrk 54.
 bremenoša 106.
 Crnoglavac 54.
 čarobija 99.
 debelguza 114.
 debelkosa 114, 116.
 gočobija 99.
 Golojuh 54.
 Golklas 54.
 Golozlo 54.
 Grdnos 54.
 gvozdenzuba 114, 116.
 ikonos 106.
 Komumil 70.
 Kozirep 54.
 Kozoder 70.
 Krivošić 54.
 Krivošija 54.

Kučkoder 70.
 Lihomil 54.
 Muhoberac 70.
 Nazlobrzović 13.
 očevidni 73.
 očigledni 73.
 Paunkos 70.
 Pirivatrić 70.
 pladne 17.
 prekorudje 106.
 Radooča 54.
 Rakooča 70.
 Rogouh 70.
 Runosović 106.
 Salopek 70.
 Svilokos 70.
 Sviňoglav 54.
 šarentrba 114, 116.
 tjeden 37.
 verboloz 109.
 Vinubrat 65, 70, 109.
 Vodogažac 70.
 Vodopija 70.
 Vragooča 70.
 Vukobrad 70.
 Zelenkapa 114, 116.
 Zlobradić 54.
 Zlojutrić 55.
 Zlokućan 55.
 Zlonoga 54.
 Zlotrg 54.
 Zlovečera 54.
 Živoder 70.

Русскія слова.

Баранья голова 55.

близорувій 106.
 Бобоѣдь 70.
 богадѣльня 12.
 Боголѣпъ 70.
 Богомазь 71.
 Богомиль 71.
 Богомоль 71.
 Богонось 70.
 Богуматка 65, 70, 109.
 братучадъ 84, 110.
 Бурнось 55.
 Быкодерь 71.
 Бѣловєрхъ 55.
 Бѣлогородъ 55.
 Бѣлогубица 55.
 Бѣлосоръ 55.
 бѣлосерци 106.
 Бѣлоножка 55,
 Бѣлоусъ 55.
 Бѣлохвость 55.
 Бѣсомыка 70.
 Великая шапка 55.
 Великіе лапти 55.
 Верховодъ 70.
 Верхотравъ 70.
 Взорпоповичъ 70.
 Водмоль 70.
 водоворотъ 99.
 Водопьянъ 71.
 водотокъ 99.
 волкодавъ 99.
 Волосомоя 70.
 Волчій зубъ 55.
 Волчій хвостъ 55.
 Вострая сабля 55.
 Вострой кнутъ 55.
 Гнилозубъ 55.

Голозубъ 55.
 Голопыха 55.
 Горемыка 70.
 господь 111.
 Гостомысль 113.
 Гузномазь 71.
 Дармоѣдь 55.
 дважды 40.
 Деревоѣдь 70.
 дикобразъ 106.
 Долгополой 55.
 Домотканъ 70.
 дроворубъ 99.
 Дрозжая бабка 55.
 Дуботолѣъ 70.
 Дутая нога 55.
 Желтонось 55.
 Желѣзное копыто 55.
 Жерносьѣкъ 71.
 Жирнось 107.
 Звѣздочетъ 70, 99.
 Злыгодни 33.
 Злыгостевъ 55.
 злыдни 33.
 Золотой поясъ 55.
 золотонша 99.
 Золоторыинъ 71.
 Зубоволокъ 71.
 измоль 99.
 кашеваръ 99.
 Кислоквасъ 55.
 кождыхъ 20.
 Кожемяка 71, 111.
 Коловѣй 71.
 Кологривой 71.
 Колодубы 69.
 Коноваль 71.

Конопатка 71.
 Копоносъ 71.
 Костомаровъ 71, 113.
 Костоусовъ 71.
 Кошкодавъ 71.
 Красная бакшта 55.
 краснойбай 98.
 Краснояръ 98.
 Кривохижа 55.
 Кривошея 55.
 Кривыя щечи 55.
 Кровопусъ 71.
 кровьпролитье 72.
 кругозоръ 99.
 Куропоть 71.
 Куроптичь 71.
 Курощупъ 71.
 Куроѣдъ 71.
 Листопадикъ 71.
 Лихолистъ 55.
 лицедѣй 111, 120
 Лубяная сабля 55.
 лукоморье 91.
 мимоходомъ 99.
 Мокроусъ 55.
 молокосось 111.
 Муковозъ 71.
 мукомолю 99.
 Мукосѣя 70.
 Мухоморъ 71.
 Мышелапъ 71.
 Мясопусъ 71.
 Мясоѣдъ 71.
 надзоръ 99.
 Новадень 55.
 Новгородъ 51.
 Обѣручевъ 21, 53.

Осмомысль 113.
 островидъ 98.
 Пахорукъ 71.
 поваръ 98, 99.
 поворотъ 99.
 подвигъ 99.
 Поганой попъ 55.
 полдень 17.
 полночь 17.
 Портомонинъ 71.
 потомокъ 12.
 притокъ 99.
 прямой 99.
 Пустовойтъ 55.
 пустограй 99.
 Пустодоль 55.
 Пустодомъ 55.
 Пятибратовъ 114.
 Пятигорчинъ 114.
 рудокопъ 99.
 Рудометь 71.
 Рудомонинъ 71.
 рукоятка 111.
 Рыболовъ 70.
 Саловаръ 71.
 Салогубъ 71.
 Салоѣдъ 71.
 самодвигъ 99.
 сегодня 39.
 Семихвостъ 114.
 сердобольный 107.
 скопъ 99.
 Скорая запись 55.
 Скороходъ 55.
 Скорпанъ 55.
 Сновидъ 70.
 солнопекъ 99.

срубъ 99.
 судомой 99.
 Сухоносъ 55.
 счетъ 99.
 Съченая щека 55.
 Темная денга 55.
 Тихое лѣто 55.
 трижды 39.
 Трилѣтовичъ 55.
 Туроносось 71.
 удавъ 99.
 хлѣбопекъ 99.
 Цариградъ 29.
 Царьградъ 29.
 Чегодай 70.
 Черное лихо 55.
 четырежды 39.
 Четыре здоровья 55.
 Шаповаль 71.
 Широкіе штаны 55.

Ц.-Славянскія слова.

богадѣльный 84.
 братъчадо 65.
 водолазъ 99.
 водадѣльница 97.
 воєвода 99.
 враногран 99.
 взротоградъ 107.
 гроворына 99.
 двашьды 40.
 домочадьць 84.
 достолѣпъ 107.

дрьколь 111, 118.
 живодатель 109.
 законъположеніе 84, 97.
 законъпрѣстѣпный 84, 97.
 излазъ 99.
 лицемѣръ 119.
 малъжена 120.
 мимоходъ 99.
 мотовязъ 106.
 навѣгъ 99.
 налогъ 99.
 нарокъ 99.
 наѣкъ 99.
 нѣѣкъ 99.
 обода 99.
 обзонъполнъ 21.
 осядъ 99.
 отърокъ 98, 99.
 очивѣсть 74.
 пламеноносць 113.
 плетоплотъ 109.
 повьсалѣтънъ 12.
 повьседьннъ 12.
 полдъннъ 18.
 потьбѣга 118.
 потьпѣга 118.
 правосѣдъ 98, 99.
 пѣтънадесятънъ 21.
 сѣлогъ 99.
 трьзъвъ 111.
 трьлѣтъ 111.
 трьрогъ 111.
 тришьды 40.
 ѡбѣгъ 98, 99.
 четурьгъвъ 111.

ОПЕЧАТКИ И ДОПОЛНЕНИЯ.

Стр.	1 строка	22	должно быть:	церковно-славянскаго
"	26	" 1	" "	zaromneli
"	53	" 8	вычеркнуть:	Białowieże Dl. H. IV. 537.
"	64	" 25	прибавить:	Объ этомъ словѣ Брюкнеръ писалъ еще въ Bibl. W. X. 1901 стр. 93.
"	72	" 1	должно быть:	koniochrom.

0

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine of five cents a day is incurred
by retaining it beyond the specified
time.

Please return promptly.

DUE NOV 4 1916

~~APR 8 '53 H~~

~~SEP 25 '53 H~~

